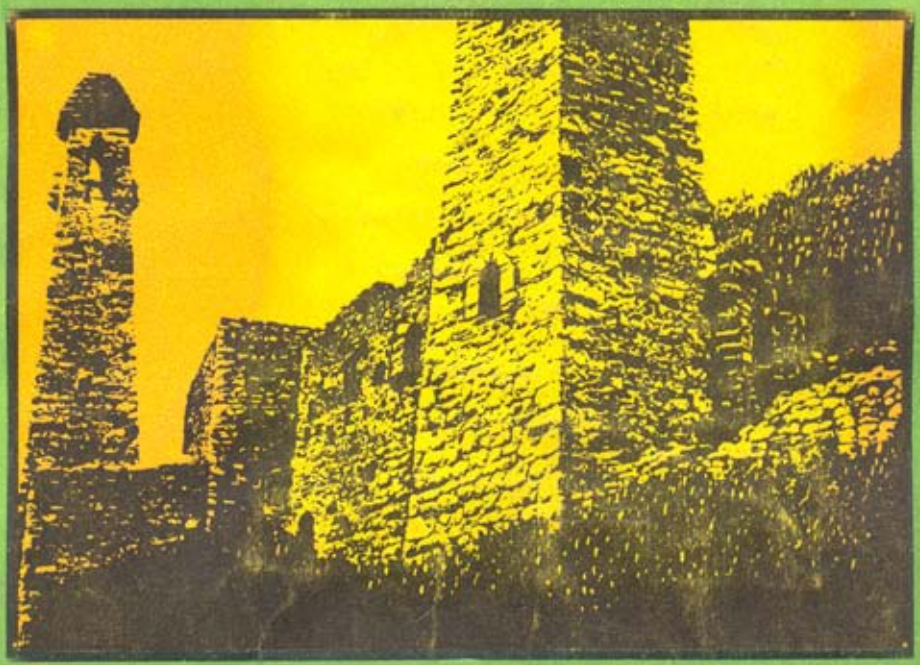
СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗОДЧЕСТВО ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

А. Ф. ГОЛЬДШТЕЙН

Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

УДК. 72.033 (470.66)

А.Ф.Гольдштейн. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Изд-во "Наука", 1975, 157 стр.

В данной работе рассматриваются сооружения XII-XVIII вв., частично сохранившиеся до нашего времени в горных районах Чечено-Ингушской АССР и Северо-Осетинской АССР: жилые башни, боевые башни, христианские храмы и языческие святилища, языческие гробницы. Большое внимание уделено выяснению генезиса этих архитектурных типов и выявлению связей местного зодчества с архитектурой сопредельных территорий и других стран, а также происхождению архитектурных форм. В исследовании использованы натурные изыскания автора, литературные источники и архивные материалы.

Книга рассчитана на научных работников: историков архитектуры, искусствоведов, археологов, этнографов, историков.

Рис.124, список лит.: 155 назв.

© ЦНИИ теории и истории архитектуры, 1975

От издательства

Всем хорошо известен исключительно сложный этнический состав населения Кавказа. Но гораздо менее известна, даже кругу специально интересующихся этой страной лиц, еще более сложный состав архитектурных форм, живших когда-то и доживающих свой век по сей день на этой земле. Если архитектуру в Закавказье и на востоке Северного Кавказа - в Дагестане, а также в северных районах Азербайджана - можно считать если не изученной, то по крайней мере осмотренной, с остальными территориями Северного Кавказа дело обстоит совсем плохо. Архитектурного обследования они еще ждут, или, если уже поздно, они так и не дождались. В их числе даже интереснейшая территория самого сердца нагорного Кавказа - Чечено-Ингушетия и Северная Осетия. Имеющаяся литература об архитектуре их отрывочна, устарела и принадлежит она в основном не архитекторам. Мы не только не знали, что же осталось там сейчас, наоборот, мы имели одни тревожные сведения о катастрофическом исчезновении там последних следов старой культуры.

Работа А.Ф.Гольдштейна по существу открывает нам ту архитектуру, которая здесь уцелела, и он сумел увидеть - впервые! - в этих немногих руинированных остатках драгоценный материал для научных построений - увидел в них как бы геологические напластования сменявших друг друга форм.

Автор хорошо понимает, что в народной архитектуре (речь идет о древней) не бывает форм случайных, то есть порожденных индивидуальным вкусом. При всей их видимой путанице, даже противоречивости, исследователь, чтобы понять предмет и разобраться в нем, должен найти нити, сое-

диняющие каждую форму, даже как будто случайную, с исходными, и так установить канву, на которой может быть построена история культуры края. Лично я убежден, что именно архитектор должен быть в центральном наблюдательном пункте при таком изучении.

Пока наше архитектурное кавказоведение сделало очень немного (чтобы сказать об этом мягко) в этой области. А вот в этой работе автор ищет и дает смысловое и историко-архитектурное обоснование огромному количеству фактов, которые оказались на пути его маршрутов по Чечено-Ингушетии и Осетии. Обоснования в большинстве случаев новые, часто смелые. Автор отыскивает и находит нужные параллели в весьма широкой зоне и географической, и исторической, и даже - с успехом - лингвистической (терминологический анализ). Даже единичные, частные архитектурные или конструктивные приемы не оставлены им без внимания. Большинство его постулатов приходится признать по-видимому правильными, вот так, сейчас, трудно оспоримыми и во всяком случае интересными, правдоподобными, если даже и побуждающими к дальнейшим изысканиям и проверке. Само собой, такой подход к теме требовал от автора большой прозорливости, способности к догадке, научного остроумия.

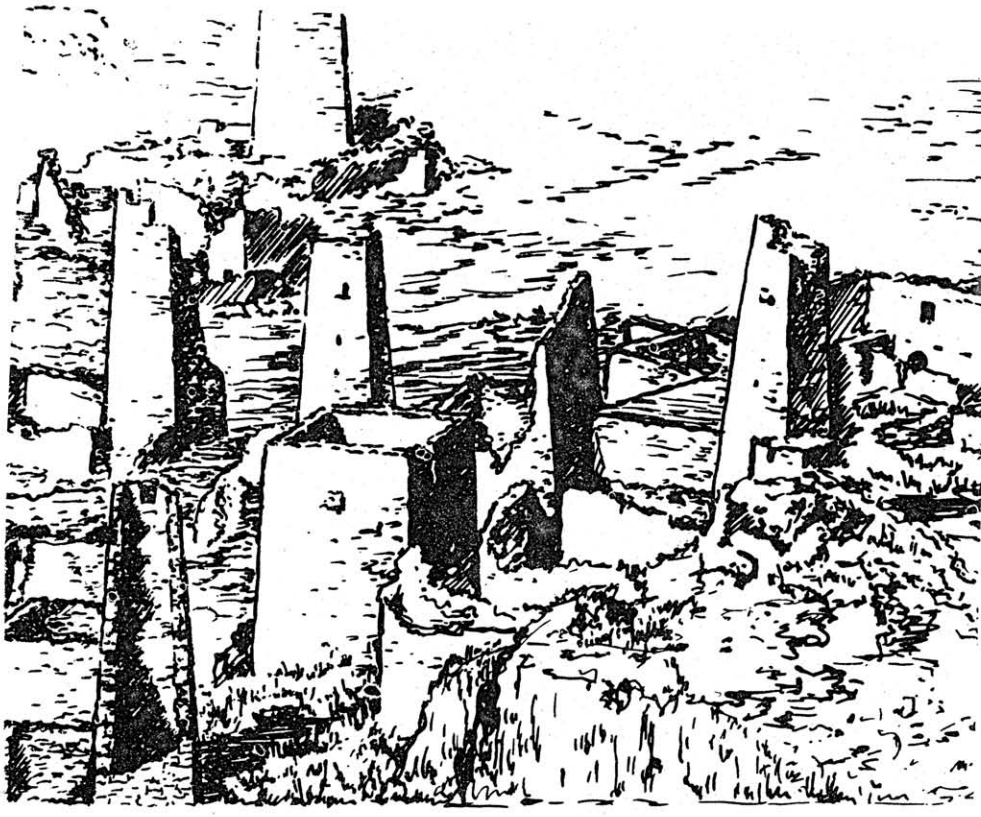
Все это делает работу по-настоящему ценной, оригинальной и интересной для всех изучающих Кавказ. Весьма интересно и ново в ней прежде всего само объединение вайнахов и осетин, то есть совершенно разноязычных народностей, в качестве весьма сходных, во многих отношениях тождественных слагаемых общего очага материальной культуры при парадоксальных отличиях его архитектуры от зодчества соседних кавказских народностей. Интересны и увлекательны гипотезы автора о происхождении местных архитектурных типов, архитектурных форм средневековых сооружений, а также выявляемые на основании архитектурного анализа данные, касающиеся этнической истории, хотя по этим вопросам, естественно, как и при всяком представлении гипотез, возможна полемика.

В этой работе, оригинальной по научной методике и, по существу, первой в своем роде по содержанию излагаемого материала, есть, на мой взгляд, недостатки или упущения. В книге имеются существенные пробелы: выпало из рассмотрения

нормальное жилище типа сакли; точно так же почему-то вовсе нет анализа застройки и характера расселения. Свободно пользуясь археологическим материалом и даже терминологическим анализом, автор оставляет совсем без внимания этнографическую сторону - общественный строй и его изменения, формы хозяйства, формы семьи и пр. В работе много постулатов, решающих по-своему целый ряд сложных проблем. И это, конечно, очень хорошо. Если они верны - это делает работу весьма значительной. В проверке же и обсуждении их нужна, по-моему, осторожность. Автор порой излишне увлечен, веря в свои не всегда доказуемые догадки. Хороший язык книги даже маленькие шероховатости портят: есть неологизмы, журналистские словообразования, канцеляризмы.

Эти недочеты не умаляют достоинств работы, свежей по своему содержанию и по изяществу исследовательской мысли.

Доктор архитектуры, профессор
Г.Я.Мовчан

Покинутое селение Лисри в Северной Осетии

Введение

Чечено-Ингушетия и Северная Осетия расположены к северу от водораздельной линии Главного Кавказского хребта, в его центральной и северо-восточной части.

Территория, занимаемая этими республиками, состоит из горной и равнинной зон. До XVII века местное население жило в горах, а после присоединения Кавказа к России стало переселяться на равнину, и некоторые населенные пункты в высокогорье уже тогда были заброшены. После революции, в связи с тем, что горцам были предоставлены земли на равнине, конфискованные у помещиков и белоказаков, процесс переселения происходил более интенсивно, и в 1920-х гг. население гор резко уменьшилось. Теперь в горах осталось совсем мало жителей.

До революции условия жизни местного населения были крайне тяжелыми. В среде горского общества выделились, благодаря захвату лучших земель, грабежам соседей и эксплуатации соплеменников, так называемые "сильные семьи". Горцы, переселявшиеся на равнину, попадали в кабалу к помещикам и кулакам, подвергались притеснениям и национальной дискриминации со стороны властей.

Ныне этот край преобразился неузнаваемо. На благодатных землях преуспевают колхозы и совхозы; обычные в этой местности капитальные многокомнатные дома сельских жителей свидетельствуют о благосостоянии. Процветает культура народов Северного Кавказа. Поголовная неграмотность в прошлом сменилась всеобщей образованностью в настоящем. Одно только Чечено-Ингушское книжное издательство ежегодно выпускает около 200 названий печатной продукции общим тиражом свыше миллиона экземпляров.

Чеченцы и ингуши – близко родственные народности, потомки древних кавказских племен; они называют себя вайнахами. Осетины – народность, образовавшаяся в период УШ–Х веков в результате смешения местных племен с мигрировавшими в горы жителями северокавказской равнины аланами [41а]*; осетинский язык происходит от аланского, относящегося к иранской языковой группе. Несмотря на различия в языке и происхождении вайнахов и осетин, их быт, народные обычаи, традиционная культура, в том числе старое зодчество весьма сходны.

Дошедшие до нашего времени памятники монументальной архитектуры Чечено-Ингушетии и Северной Осетии относятся к периоду ХП–ХУШ вв. Отличаясь от архитектуры соседних территорий, зодчество вайнахов и осетин представляет собой в функционально-типологическом и стилистическом отношениях единую группу сооружений. Поэтому зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в данном случае взято в качестве особого и притом целостного предмета исследования.

Хронологические рамки исследования определены тем, что самые ранние из дошедших до нас произведений местного зодчества относятся к ХП в., а после ХУШ в. здешняя архитектура очень изменилась. С присоединением Чечено-Ингушетии и Северной Осетии к России в общественной жизни и быту местного населения, которые до этого носили замкнутый характер, произошли существенные перемены. Отпала надобность в строительстве укрепленных жилищ и оборонительных башен. В связи с упрочением позиций монотеистических религий прекратилось сооружение языческих святилищ. Вместо прежних домов-крепостей получило распространение жилище типа сакли, более удобное и экономичное, но гораздо менее долговечное. После ХУШ в. монументальные сооружения здесь уже больше не возводятся, поэтому (а также в связи с массовым переселением жителей на равнину) постройки XIX в. почти не сохранились, а постройки начала XX в. дошли до нашего времени в малом числе. По этой же причине в данной работе не рассматриваются хозяйственные постройки, мосты и т.п.: такие постройки и сооружения означенного периода не сохранились.

---

* В сносках цифра обозначает номер источника по прилагаемой библиографии, буква – страницу или рисунок в источнике.

За вычетом некоторых сооружений особого характера (например, заградительные стены, пещерные крепости и др.), в монументальном зодчестве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии различаются в основном четыре архитектурных типа: жилые башни, боевые башни, церкви и святилища, гробницы; соответственно данное исследование состоит из четырех разделов.

Архитектура эта весьма своеобразна, однако, вследствие того, что памятники местного зодчества расположены в труднодоступных горных районах, она до последнего времени оставалась малоизученной. Ее изучали историки, археологи, этнографы, но архитектурных публикаций на эту тему почти нет. Естественно, что автор предлагаемой работы мог исследовать материалы лишь в первом приближении; основательного исследования зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии (так же как Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) еще ждет.

В книге рассматриваются памятники средневековой архитектуры, расположенные на территории горной зоны Чечено-Ингушской АССР и Северо-Осетинской АССР, а также прилегающих к ним районов Грузинской ССР, Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, частично Юго-Осетинской АО и Карачаево-Черкесской АО. Поскольку речь идет о средневековой архитектуре, особенности которой специфичны для старых территориальных подразделений, а также имея в виду, что ее рассмотрение ведется с привлечением фактов общественной жизни, относящихся к далекому прошлому, автор счел целесообразным, основываясь на традиции, принятой в специальной литературе (см.прилагаемую библиографию), употреблять не современные названия территориально-административных районов, а исторические (Чечня, Ингушетия, Сванетия, Хевсуретия, Карачай и др.). По этому принципу обозначены и некоторые зарубежные территории (например, Малая Азия или Анатолия вместо Турция).

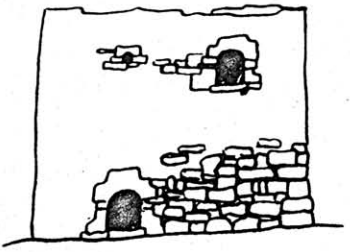
Глава I. ЖИЛЫЕ БАШНИ

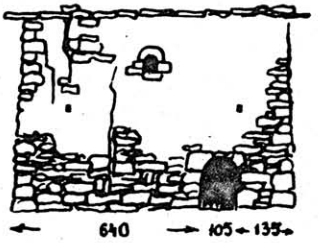
В средние века в горах северо-восточного Кавказа был распространен тип жилого дома в виде башни, представлявшей собой дом-крепость - сооружение, которое выполняло одновременно жилую и оборонительную функции.

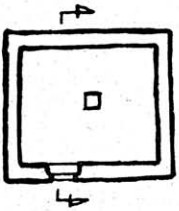
Общая характеристика

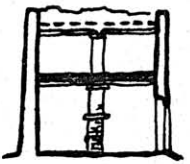
Жилые башни - постройки с замкнутым обликом, массивные, монументальные. Чечено-ингушские и северо-осетинские жилые башни почти однотипны (рис. I и 2). Постройка обычно трехэтажная, в плане приближающаяся к квадрату, с приземистым силуэтом, имеющим сужение кверху (что достигалось как утонением стен, так и их наклоном внутрь). Размеры в плане от 7x9 до 8xI4м, высота 8-I2м. Толщина стен у основания 0,7-I,2м; кверху она уменьшается до 0,4-0,5м. Стены выложены на известковом, известково-глинистом или глиняном растворе; встречается и кладка насухо. В некоторых башнях стены сложены на глиняном растворе с промазкой стыков между камнями с наружной стороны известью [I22а]. В зависимости от характера местного камня, для кладки применялись плитняк или грубо околотые блоки; встречаются весьма крупные камни. Обычно кладка выполнена с тщательной подгонкой камней. Последним большей частью не придавалась форма прямоугольных квадров, поскольку камни неправильной формы с неровными поверхностями хорошо сцепляются друг с другом.

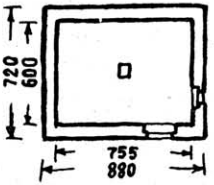
Отеска камней была минимальной, потому что металл в горах северо-восточного Кавказа был в прошлом чрезвычайно дорог, и камнетесный инструмент берегли от износа. Мелкий камень, вероятно, вообще не подвергался обработке. Крупные

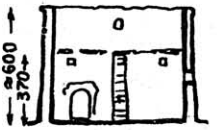

I. Жилая башня в чеченском селении Верхний Кокадой[76а]

2. Жилая башня в осетинском селении Даргавс (СОКМ)

3. Селение Туга в Чечне, местность Майста. Рис. Н.Тукина, 1938г.(УПФ)

камня разламывали на куски сильно нагревая их и затем обливая холодной водой [46]. Затем камень укладывали таким образом, чтобы одна из его более или менее ровных поверхностей была обращена к фасаду, и лишь местами, если была в том необходимость, скалывали с этой стороны; ровная поверхность фасада достигалась обмазкой углублений, особенно в швах, известью.

Для опирания перекрытий обычно в центре башни на всю ее высоту выводился столб, выложенный из отесанных камней; встречаются столбы круглые в плане. Наверху столба поэтажно укладывались консольно выступающие каменные плиты; на них опирался прогон в середине здания; для опирания внешних его концов обычно служили пилястры. Балки перекрытия опирались одним концом на прогон, другим же заделывались в кладку стен. Применялся и такой прием: в месте сопряжения стен клали на угол каменную плиту, так что она выступала в помещение; на эти плиты укладывали, вдоль противоположных стен, два бревна, а на последние опирались балки перекрытий. Судя по тому, что угловые плиты выступают из стен не только в уровне перекрытий, но и между ними, они, очевидно, использовались также для устройства подмостей, с которых велась кладка.

В Северной Осетии, наряду с этим, применялся и другой прием опирания перекрытий, особенно в тех башнях, стены которых были выложены не на известковом растворе: перекрытие опиралось, как и в обычных жилищах [72], на девять внутренних деревянных столбов (один посреди помещения, четыре в углах и четыре у стен между ними).

Крыша была земляной, плоской, обычно с парапетом. В Чечне иногда устраивали наклонную кровлю из шиферных плит (рис.3), что, вероятно, следует отнести за счет влияния соседней Тушетии, где крыши делали скатными (см.рис. 10, 11).

Стены жилых башен имели бойницы и смотровые отверстия. Окон устраивали мало, и они отличались небольшими размерами. Вследствие этого, помещения, с неоштукатуренными и закопченными стенами, были темными и мрачными.

Вход в башню вел в нижнее, хозяйственное помещение. В одних случаях оно сообщалось со вторым, жилым этажом, а в других случаях жилой этаж имел самостоятельный вход, к которому попадали с косогора или по наружной каменной лестни-

це. Но свободный доступ к входу в жилье - это уже явление позднего времени. У многих башен вход во второй этаж располагался на высоте 3-4м; перед входом устраивался деревянный балкончик или же просто торчал из кладки консольный брус, к которому прислонялась деревянная лестница (рис. 4). На ночь и при опасности лестница убиралась внутрь.

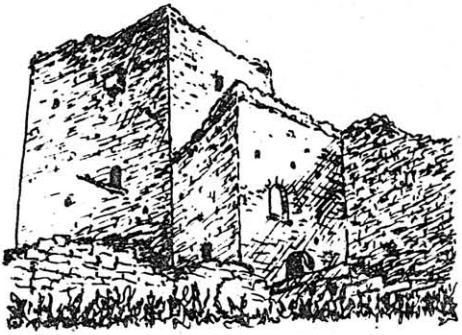
Сообщение между этажами осуществлялось через люки в перекрытиях (люк располагался в одном из углов помещения) посредством приставных деревянных лестниц. Внутренняя, как и наружная, лестница вытесывалась из бревна и представляла собой брус с зарубками (лестница в виде зазубренного бревна в старину была распространена по всему Кавказу, и более того, во всей Передней Азии от Тибета до Средиземноморья).

Каждый этаж жилой башни представлял собой одно помещение (площадью в среднем 35-45 кв.м., редко до 60-70 кв.м. [98а]). В XX в. жилой этаж зачастую уже имел внутренние перегородки [151а].

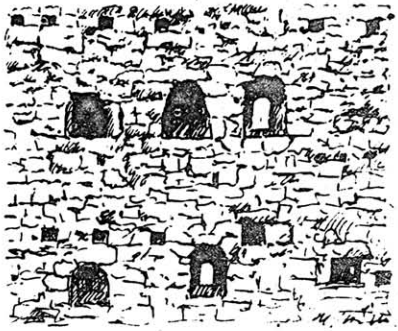
Первый этаж предназначался для скота; в чеченских башнях иногда делали два нижних яруса, раздельно для крупного и мелкого рогатого скота. В первом этаже устраивали также "каменный мешок" для запасов зерна - камеру в виде погреба-колодца, доступ в который осуществлялся через люк в полу второго этажа. Поскольку постройка располагалась на косогоре, первый этаж заглублялся в землю, и трехэтажный дом с нагорной стороны выглядел двухэтажным (см.рис. 12). Высота этажей: нижних - около 2м, верхних - 2,5-3,5м.

Над хлевом располагалось жилье с очагом в виде открытого огнища на полу. Цепь, на которой висел над очагом котел для варки пищи, считалась священной и переходила из поколения в поколение. Дым из помещения выводился через отверстия в стенах. Домашняя утварь размещалась в нишах (рис. 5), а также на возвышениях в виде ступени-завалинки вдоль стены. В жилом помещении имелась мебель: резная деревянная кровать для главы семьи, кресло для него же, скамья-диван для гостей, скамеечки на трех ножках, круглый низкий столик, резной деревянный ларь для запасов зерна и муки.

Размеры входной двери обычно не превышали $1\ ^{1}/_{2} \times\ ^{3}/_{4}$м. Откосы проема выкладывались из крупных камней. Верх его имел арочную форму, для чего над проемом со стороны фасада

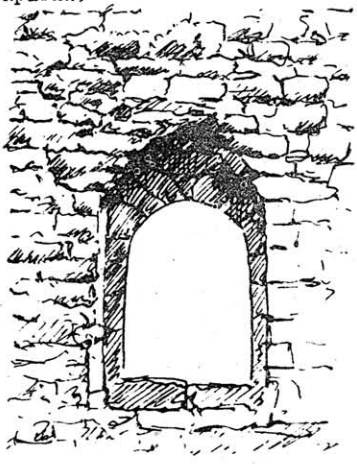
4. Внешний вид вайнахских жилых башен

5. Вид стены жилой башни изнутри (окна, ниши, гнезда балок перекрытий)

а

б

6. Проем входа в чечено-ингушскую жилую башню: вид снаружи и изнутри

устанавливалась большая каменная плита-перемычка с полукруглым вырезом, а иногда выкладывалась примитивная арка; но в пределах остальной толщи стены перемычка проема выполнялась ступенчатой (ложной) аркой, видимой со стороны помещения (рис. 6).

Проем двери или окна закрывался створками, вытесанными в виде толстых досок с выступами-цапфами (шкворнями), которые вращались в углублениях внизу и наверху проема. Закрытые створки запирались с помощью бруса, который вдвигался в канал, предусмотренный в откосах проема. При дефиците лесоматериалов дверные полотна, как и оконные ставни, иногда изготовляли каменными, из шиферных плит [48].

Третий этаж был оборонительным. В его стенах устраивали бойницы, а также проемы, перед которыми находились машикули - балкончики без пола, огражденные по сторонам и сверху (см.рис. 4, 7). Машикули располагались над входами; с них сбрасывали камни на осаждающих.

Для обороны могла использоваться в качестве боевой площадки плоская земляная крыша. Для этой цели она ограждалась парапетом. Иногда на крыше стоял чан для приготовления кипятка, который лили на неприятеля.

В мирное время верхний этаж тоже находил применение. Здесь обычно хранили запасы продуктов и разного рода инвентарь. Его использовали и как дополнительное жилье: например, здесь располагали гостя или молодоженов [98б]. В некоторых жилых башнях (относящихся уже к позднему времени или переделанных) третий этаж имел лоджию или балкон.

Жилые башни расположены различно: они могут стоять одиночно вдали от других населенных пунктов, разбросанно на расстоянии десятков метров друг от друга или же группой, образуя поселение, причем в этом случае как с разрывами, так и примыкая друг к другу. Иногда башня или группа башен имели двор, обнесенный стеной.

По своим военно-оборонительным возможностям жилые башни также различаются. Одни, имея два этажа (т.е. без специального боевого этажа), сравнительно большие окна и входную дверь в первом этаже, представляли собой, по существу, просто жилой дом, лишь с замкнутым обликом. Эти башни строили уже в позднее время, когда не было постоянной военной опасности. Такие малозащищенные жилища строили и в тех случаях, когда в комплексе с ними имелась специальная боевая башня.

Другие жилые башни - это настоящие дома-крепости: с входом на втором этаже (причем перед дверью нет не только лестницы, но даже балкончика), с редкими и маленькими окнами, с машикулями и бойницами.

Жилые-боевые башни

Встречаются жилые башни особой объемно-планировочной структуры: почти квадратные в плане, причем у них габариты плана меньшие, чем у других; но они выше (до 16м), так как имеют пять

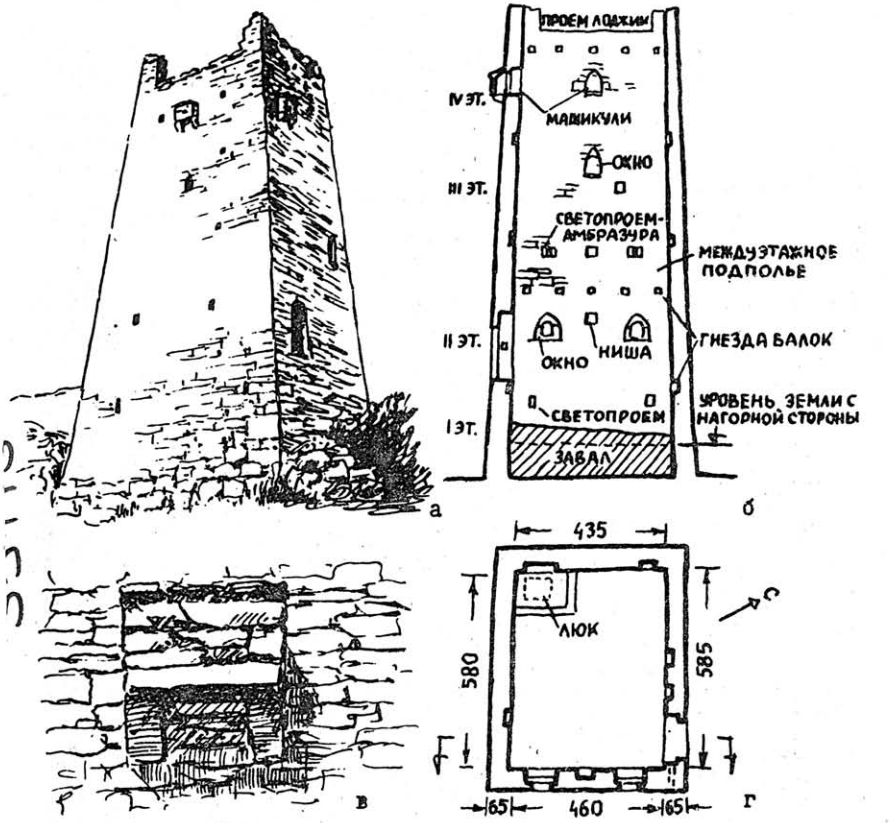
этажей. Таким образом, по общей форме и по пропорциям силуэта эти жилые дома подобны боевым башням (см.рис. 22). Археолог В.И.Марковин, выделивший такие сооружения в особый тип, называет их "полубоевыми" башнями [77а].

Примером сооружений этого типа может служить башня в ингушском селении Хамхи (рис. 7). Она имела пять этажей. Первый этаж был хозяйственным; он использовался как хлев и сарай, а в его углу выделен каменной стенкой погреб (доступ в который осуществлялся через люк в полу второго этажа). Во втором этаже было главное жилое помещение; в него ведет входная дверь, порог которой находится на высоте трех метров от уровня земли, причем балкончика перед входом, очевидно, не было; его заменял торчавший из стены брус, судя по тому, что внизу проема имеется только одно гнездо для консоли. Это помещение освещалось посредством двух небольших окошек, расположенных симметрично и ориентированных в сторону склона (Ю-ЮВ). Третий этаж, такой же высоты, как и второй (около 3м), по-видимому, тоже служил для жилья. Между вторым и третьим этажами, судя по расположению гнезд балок перекрытий, был полуэтаж высотой около I,2м, который, вероятно, являлся хозяйственным подпольем. Четвертый этаж не отличается от третьего, но в нем имеются балкончики-машикули. Пятый этаж представлял собой лоджию с большим, во всю ширину корпуса сооружения, проемом, низ которого сохранился.

Как и все башни (жилые и боевые), эта постройка основана на скале и не имеет фундамента. Стены ее сравнительно тонкие: в уровне первого этажа - 65см, кверху толщина их уменьшается. Кладка тщательная, на извести. Стены имеют наклон внутрь, вследствие чего силуэт башни сужается кверху. Размеры помещения сравнительно невелики (в уровне второго этажа - 5,85х4,35м), поэтому нет центральной опорной колонны. Балки разных перекрытий, судя по положению гнезд в стенах, были уложены во взаимно перекрестных направлениях.

Вероятно, эта постройка может быть датирована XУП-XУШ вв.

Исследователи, рассматривавшие сооружения такого рода, считают, что эти постройки представляют переходный тип от приземистой жилой башни (являвшейся домом-крепостью), к высокой и стройной боевой башне (которая имела чисто воен-

7. Жилая-боевая башня в ингушском селении Хамхи: а – общий вид, б – разрез, в – машикуль, г – план 2 этажа

ное назначение). Например, у селения Инджикчкун в Черкесии есть башня размерами 13х8 м в плане, которая имела, кроме обычных трех этажей, еще один этаж с глухими стенами, предназначенный, вероятно, для придания большей высоты постройке (башни делали высокими для того, чтобы боевая площадка наверху была вне пределов убойной силы стрелы при стрельбе снизу [94а]), и пятый этаж, который как будто не имел крыши и, таким образом, являлся боевой площадкой, окруженной высоким парапетом. Эта башня, сообщает исследовавший ее историк Л.И.Лавров, "по-видимому, должна быть трактована как переходная форма от укрепленного родового дома к специализированной защитной башне (недаром и в преданиях она называется всегда не башней, а домом) [58а].

Может быть, эта гипотеза и имеет основания. Но в ней вызывают сомнение некоторые противоречащие ей факты. Во-первых, такие жилые-боевые башни Чечено-Ингушетии, судя по их строительной технике (весьма тщательная кладка, сравнительно тонкие стены) и наличию деталей позднего характера (клинчатые арки проемов, обилие дверных проемов, в том числе в первом этаже, лоджия в верхнем этаже), были построены, вероятно, в период XУП - начала XIX вв. Вышеупомянутая башня в Черкесии также датируется XУШ веком [61]. В ингушском с.Оздик "полубоевая" башня пристроена к боевой, которая была возведена не ранее XУ-XУI вв. [86б].

Разумеется, все эти поздние, периода XУП-XУШ вв., сооружения, которые как будто являются переходными от жилых к боевым башням, но строились тогда, когда давно уже сформировались боевые, могут представлять сохранившийся на протяжении столетий древний тип сооружения. Тем не менее, мы не имеем, среди исследованных объектов, определенного хронологического ряда, показывающего переход от жилых башен к "полубоевым" и от них к боевым.

Во-вторых, боевые башни в Чечено-Ингушетии появились по крайней мере не позднее XШ-XIУ вв. (см.стр.45 и сл.), а обнаруженные здесь остатки сооружений типа жилых башен того периода примитивны по строительной технике и архитектуре; получается, что для времени бытования переходного типа как будто нет места.

В-третьих, когда в Чечено-Ингушетии возникли боевые башни, они уже давно были известны в Закавказье и Передней Азии, с которыми Северный Кавказ имел довольно явные связи, поэтому вряд ли они возникли здесь независимо от внешних влияний, лишь на основе развития типа жилой башни.

Возникает вопрос: зачем в XУП-XУШ вв. строили эти сооружения, если они представляют тип переходный и архаический? Наверное, это тип синкретический. Действительно, в определенных условиях решение в виде жилой-боевой (т.е."полубоевой") башни может иметь определенные преимущества перед сочетанием жилой и боевой башен. Строительство боевой башни было предприятием трудным и дорогостоящим, между тем, она бездействовала все время, кроме моментов, когда совершалось нападение. В то же время жилая-боевая башня повсед-

невно функционировала в полном составе своих помещений. Учтем при этом, что в обычной жилой башне жилое помещение было одно, а в жилой-боевой их было два или даже три. Жилые башни, например, Южной Аравии или западноевропейские средневековые донжоны имели и более пяти этажей, но это были сооружения не переходного, а того же типа, что и другие жилые башни, отличаясь от трехэтажных бо́льшим числом помещений.

Увеличение числа помещений дома было задачей в бытовом отношении актуальной в горной Ингушетии XУП-XУШ вв., а в условиях, когда соображения обороны, вследствие ослабления военной опасности, отходили на второй план, она могла оказаться первостепенной. Обратим внимание на некоторые "полубоевые" башни Ингушетии [8а, 77б] . Они имеют дверные проемы во всех этажах, начиная с первого, что довольно уязвимо с точки зрения фортификации. Собственно говоря, это уже просто многокамерное жилище, помещения которого (в соответствии с привычными архитектурно-строительными приемами, а может быть и вследствие земельного дефицита) расположены, в отличие от сакли, не по горизонтали, а по вертикали.

Датировка жилых башен

Время и обстоятельства появления башенных сооружений, и в частности жилых башен, на Северном Кавказе неясны. Археолог С.Ц.Умаров обнаружил в одном из горных чеченских поселений несколько сооружений, датируемых им XI-XII вв., которые, возможно, являются переходными от горизонтально протяженного жилища к имеющему вертикальную структуру. Сооружения эти, как и более поздние жилые башни, трехэтажные. Но они продолговаты в плане (самое большое имеет размеры плана 22xI2м) и каждое из них разделено поперечной глухой стеной на два отделения с центральным столбом в каждом (что по идее напоминает планировку двухкамерной сакли в соседнем Дагестане). Кладка их произведена довольно примитивно, но на известковом растворе. "Низкий уровень техники сложения стен, - сообщает исследователь, - подчеркивается такими конструкциями, как слишком массивные (I,3xIм) опорные колонны, а также и громоздкие пилястровидные укрепления стен (с внутренней стороны) нижнего этажа. Характерно и то, что эти башни кверху почти не суживаются" [I22в].

Достойно внимания сочетание примитивной техники кладки и знакомства с известковым раствором (который в Дагестане так и не был воспринят местным зодчеством). Не исключено, что это обстоятельство косвенным образом свидетельствует о привнесении к вайнахам традиции возведения жилых башен из соседней Грузии, а может быть и из примыкающих к Закавказью областей Передней Азии, где жилые башни были распространены еще за тысячу лет до этого*.

Археолог М.Б.Мужухоев также относит время возникновения жилых башен у вайнахов к XП-XШ вв. [87б].

XП век был периодом расцвета культуры на Кавказе. Оживление общественно-культурной жизни в тот период у вайнахов характеризуется, в частности, появлением у них христианских храмов. Мы не знаем, какой характер и какой размах имели культурные события в горах Чечено-Ингушетии, когда там изменились типы жилища, появились башни, а также, как увидим далее, и наземные гробницы. В местном зодчестве того времени происходили явные сдвиги.

Верхним пределом периода, когда сооружались жилые башни, следует считать, очевидно, XУШ век, судя по сохранившимся в памяти людей преданиям об их строительстве. Многие из числа этих построек в Чечено-Ингушетии следует отнести к XУП-XУШ вв., поскольку информаторы зачастую перечисляют имена 8-I0 поколений людей, живших в той или иной башне, начиная с имени того, кто ее построил.

О жилых башнях в Дагестане отсутствуют такого рода сведения; косвенные данные позволяют датировать их ориентировочно периодом XП-XУП вв. [I9в]. В Грузии в связи с тревожным положением в стране, жилые башни-донжоны строились местными помещиками (по кавказской терминологии, "князьями") вплоть до XУП-XУШ вв. [30б]. В литературе есть сообщение о строительстве башни в Хевсуретии даже в начале XX в., но это уже следует счесть исключением.

---

* Это только предположение. Жилые башни в горах Северного Кавказа могли возникнуть конвергентно в условиях необходимости повышения обороноспособности жилища.

Распространенность жилых башен

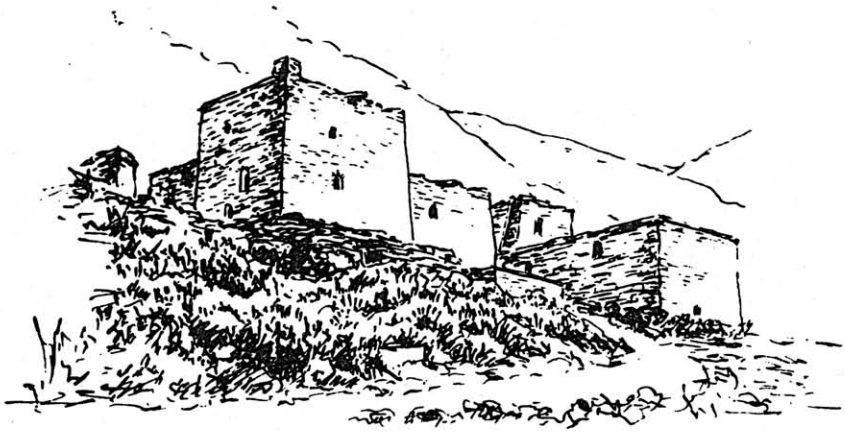
Главная область распространения жилых башен на Кавказе - высокогорные районы Чечни (кроме ее части, смежной с Дагестаном), Ингушетии и Северной Осетии. Такие сооружения есть также в соседних с Чечней районах Хевсуретии и Тушетии, местами в Дагестане [I9].

В отличие от других районов горного Кавказа, в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии жилых башен множество. Археолог С.Ц.Умаров сообщает, что в одной только Чечне известно около I50 башенных поселений, в которых зафиксировано более 300 жилых башен различной сохранности [I22б].

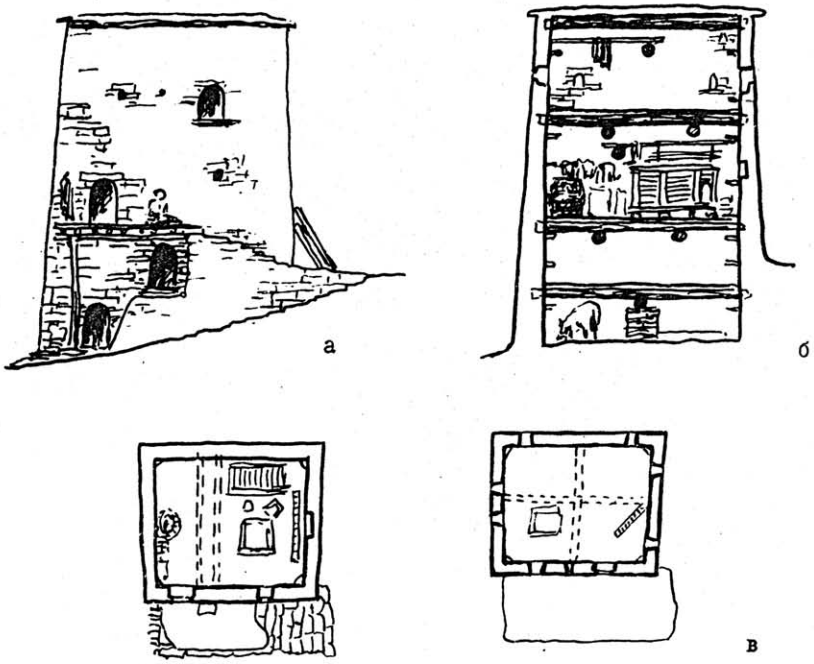
В восточной части Чечни архитектура сходна с дагестанской, и жилых башен здесь мало. Но в районе верховьев рек Аргун, Фортанга, Гехи и в Ингушетии в средние века, вероятно, все или почти все жилища были башенными; несмотря на появление и распространение в XIX-XX вв. сакель, жилые башни в высокогорной области Чечни и Ингушетии долго еще преобладали и были основным типом жилища. Путешественник, побывавший во второй половине прошлого века в горной Ингушетии, пишет: "Весь народ помещается в четырехугольных каменных башнях в два-три яруса, времени и постройки которых никто не помнит" [3I]. Даже в I920-х гг. горная Чечня производила впечатление, по выражению посетившего ее немецкого этнографа Б.Плечке, страны "башенной культуры", хотя тогда многие башни уже находились в руинах [I5Iв].

В горах Северной Осетии жилые башни были распространены не менее других типов жилища (каменных сакель и бревенчатых срубов), а многие селения, как и в Чечено-Ингушетии, состояли из одних только башен (рис. 8).

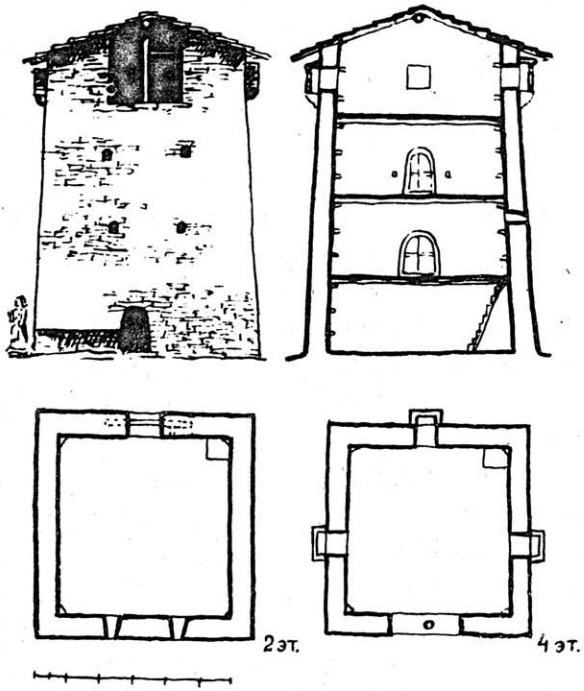
Хевсурские и тушинские жилые башни (рис. 9, I0) не имеют центрального опорного столба (несущие конструкции междуэтажных перекрытий опираются на консольные плиты в углах помещений). В Тушетии и Хевсуретии верхний этаж жилой башни зачастую оборудован большим проемом в виде лоджии (иногда забранным плетнем) и, утрачивая оборонительное значение, служил летним (т.е. неотапливаемым) жилым помещением, а также кладовой. Нередко в смежных этажах башни жили родственные семьи [69а].В ряде случаев тушинские и хевсурские башни, как и чеченские, четырехэтажные ввиду того, что хлев

8. Селение Сахсат в Северной Осетии

9. Жилая башня в хевсурском селении Шатили: а – фасад, б – разрез, в – планы 3 и 4 этажей[23б]

IO. Жилая башня в Тушетии: фасад, разрез, планы 2 и 4 этажей[66б]

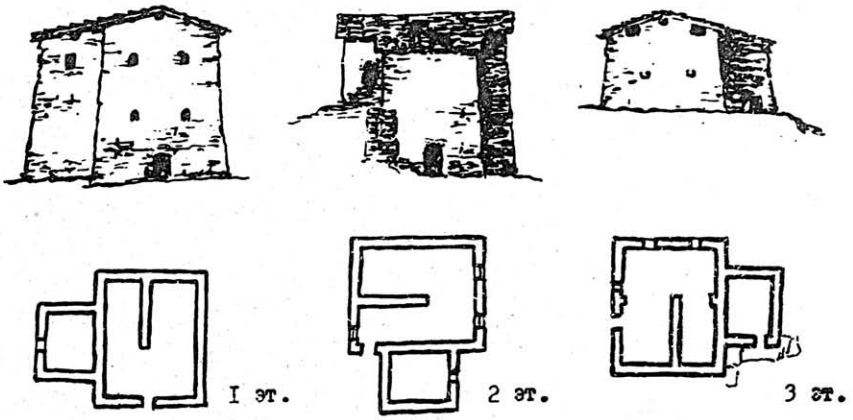
II. Тушинское селение. По фото прошлого века[140с]

устраивался в два яруса. Но здесь много и двухэтажных домов, которые образовались вследствие удаления верхних этажей прежних башен; иногда верхний, оборонительный этаж и не сооружался.

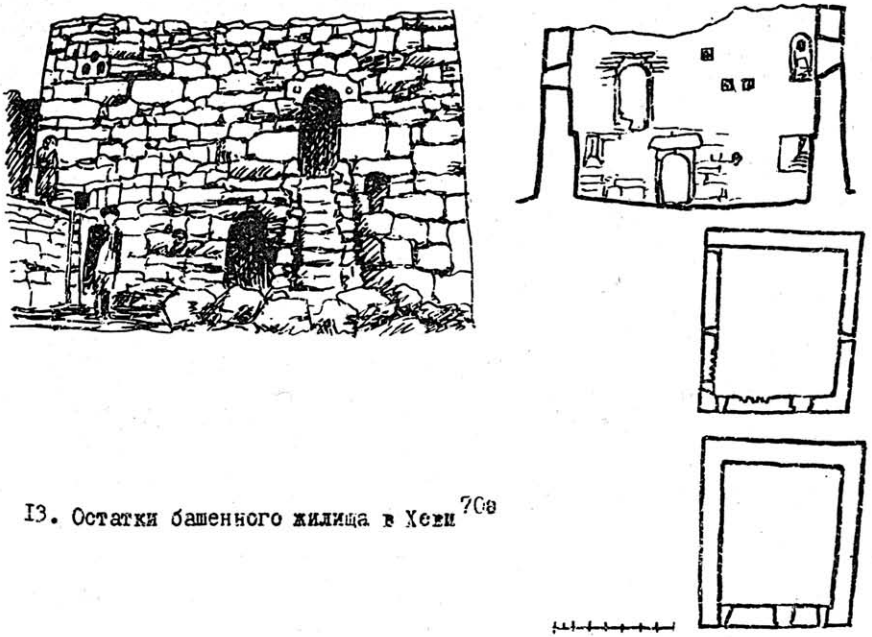
В северной Хевсуретии жилые башни, как и дома других типов, имеют плоские земляные крыши вследствие принятой здесь компактной застройки. "Все дома так тесно примыкают друг к другу, что крыша одного является террасой для следующего" [23а]. Но в Тушетии принято сооружать на всех постройках двускатные крыши с кровлей из естественного шифера; такие крыши делали и на жилых башнях, которые здесь располагались разреженно (рис. II).

Упоминая башенные жилища северо-восточной Грузии, нужно отметить, что здесь, как и в Дагестане, не всякая постройка такого рода может считаться собственно жилой башней (если под этим термином понимать дом-крепость). При внешнем сходстве с жилой башней, таковою не является трехэтажный жилой дом, у которого каждый этаж (в том числе третий) имеет свой вход снаружи (причем с уровня земли), отсутствуют специфические оборонительные устройства, как машикули, парапет (рис. I2). Не исключено, что между типом жилой башни и типом жилого дома башенного облика существует генетическая связь, но, поскольку формы этих сооружений в обоих случаях обусловлены разными причинами и являются следствием разных путей развития [I9а], эти типы, все же, очевидно, следует различать. Различение это, однако, бывает затруднено в случае, если жилая башня (дом-крепость) превращена в обычное жилище в результате перестроек, с удалением оборонительных приспособлений (а иногда и всего оборонительного этажа), устройством наружной стационарной лестницы на второй этаж и т.п.

Есть данные о башенных жилищах (того или иного типа) в Мтиулетии и Хеви - районах Северной Грузии, примыкающих к Ингушетии и Северной Осетии (рис. I3): "Такие здания обычно двухэтажные, но часто встречаются трех- и даже четырехэтажные (селения Мна, Сече, Арахвети и др.). Первые этажи этих зданий большей частью имеют только входы и используются под хлев, а верхние этажи служат для жилья. Начиная уже со второго этажа, в стенах имеются бойницы и даже машикули...

I2. Жилой дом в Тушетии. Рис. Н.Фукина, 1938г. (УПФ)

I3. Остатки башенного жилища в Хеви[708]

Если судить по развалинам Арахвети, который давно заброшен, можно заключить, что села этих краев почти целиком составлены были из таких домов" [30а]. По другому сообщению, в Мтиулетии значительная часть сельских общин "имела в общей собственности башню, в которой хранился культовый инвентарь и ставились общие патронимические праздники" [125]. Видимо, это говорит о том, что башня здесь - освященный традицией, хотя и ушедший в прошлое тип жилища.

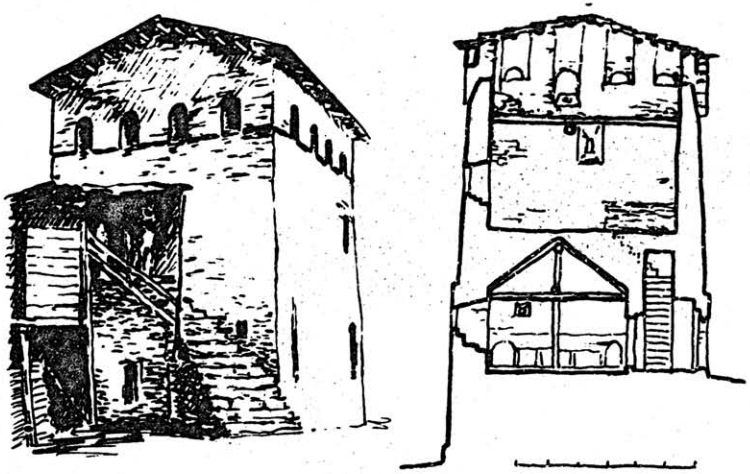
Жилые башни есть в Горной Раче [23в] и Сванетии [63б, 66а] (рис. 14). Их здесь мало, по-видимому, потому, что в этом районе был более обычным другой прием обеспечения обороны жилища: пристройка к жилому дому боевой башни. Сванские и рачинские башни отличаются от северокавказских по конструкциям и архитектурным формам.

В Юго-Осетии в прошлом тоже были жилые башни [96]. Имеются, как уже отмечалось, единичные жилые башни (а лет двести-триста тому назад их, наверное, было больше) на восток от области их широкого распространения - в Дагестане. Зафиксированы они и к западу от нее - в Кабардино-Балкарии [30б, 83 п].

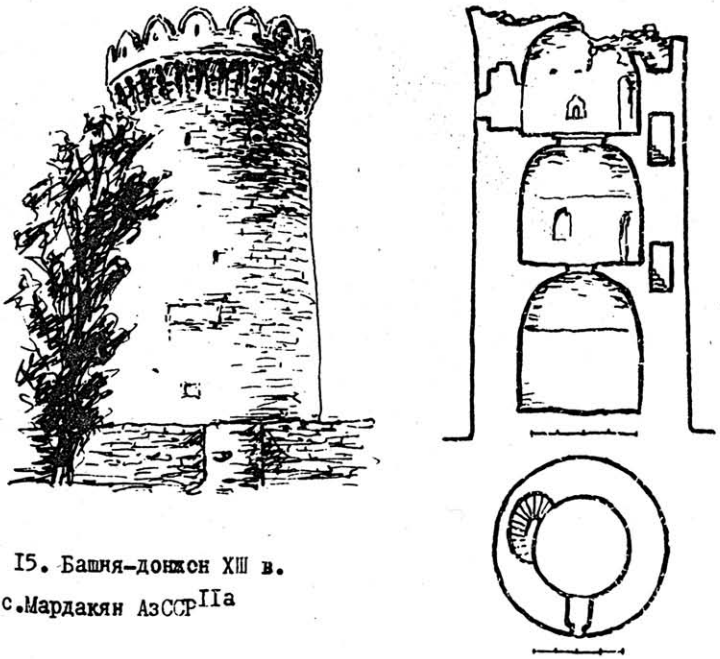
Вообще жилая башня - архитектурный тип, встречающийся в разных странах.

На Кавказе сооружения этого типа известны, помимо упомянутых районов, в Азербайджане - а именно, на Апшероне. Апшеронские жилые башни, построенные в XII-XIУ вв., были жилищами феодалов [73]. Это типичные донжоны, окруженные крепостными стенами. Они отличаются и от северокавказских и от рачино-сванских жилых башен (рис. 15).

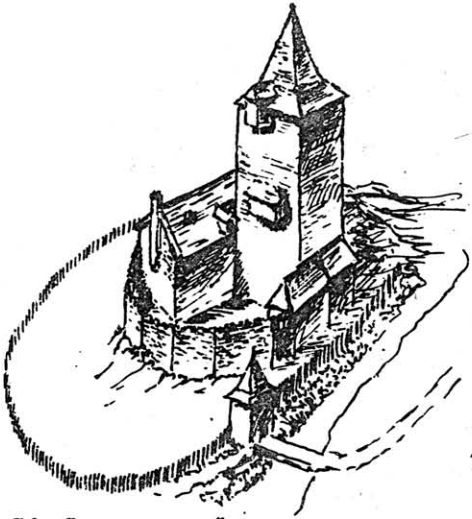
Жилые башни-донжоны, как известно, были распространены в средние века в Западной Европе (рис. 16). "Донжон помещика средней руки в X в. имел три этажа. В первом этаже находились помещения хозяйственного назначения, кладовые для припасов и т.п. Над первым этажом располагалось помещение самого хозяина. Это была сравнительно большая комната, которая служила залом, столовой и вместе с тем спальней феодала. Верхний этаж предназначался для слуг, которые проникали через отверстие в потолке на плоский верх башни. Последний был окружен каменным парапетом" [45]. Вход в башню располагался на уровне второго этажа. Внутреннее сообщение осуще-

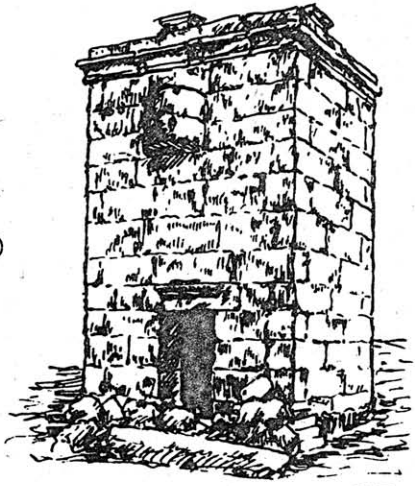
I4. Жилая башня в Сванетии[23г]

I5. Башня-донжон XIII в.
в с.Мардакян АзССР[IIа]

16. Средневековый замок в Западной Европе

17. Башенная гробница в Сирии [147а]

ствлялось по приставным лестницам через люки в перекрытиях.

Донжоны по своим формам различны в разных странах Европы и отличаются от кавказских жилых башен, но все они сходны по общей идее. В Западной Европе башенные жилища появились в средние века и бытовали в качестве архитектурного типа особого назначения. На Кавказе жилые башни появились, наверное, тоже только в средние века - во всяком случае даже там, где они оказались главным типом жилого дома, косвенные данные свидетельствуют о том, что раньше здесь были обычными жилища других типов (о них будет речь ниже). Вероятно, и западноевропейские и кавказские жилые башни происходят из общего источника - из Передней Азии, хотя переднеазиатские башни не были похожи ни на те, ни на другие, да и сами различались в разных местностях.

О наличии в древности жилых башен в Передней Азии свидетельствуют башенные гробницы в Ираке, Анатолии, Сирии [146] (рис. 17). Ведь гробница - это "дом для усопшего", который сооружался по подобию жилья. Одна из башенных гробниц в Азербайджане была даже окружена, подобно донжону, стеной [116]. Древнейшие жилые башни в лесных районах Передней Азии были деревянными. Например, Ксенофонт (401 г. до н.э.) сообщает, что обитатели района юго-восточнее Черного

моря жили в деревянных башнях [53]. В Иране есть башенные гробницы, представляющие облик деревянных жилых башен [144а].

Жилая башня - довольно древняя форма жилища в Передней Азии: башенные гробницы Ирана, Малой Азии и Северной Сирии относятся к I тыс. до н.э.

Башенный жилой дом - до сих пор обычный тип жилья в Хадрамауте, Йемене и других местах Южной, а также Западной Аравии. Это многоэтажная башня, перекрытия которой опираются на центральный столб, выполненный кладкой, а крыша представляет собой площадку, окруженную парапетом с зубцами и снабженную балкончиками-машикулями. Однако по своему облику аравийские жилые башни непохожи на кавказские [49].

Жилые башни бытовали с древних времен до средних веков в горах и на островах Греции. В некоторых местностях они здесь встречаются довольно часто. В Греции известны жилые башни и прямоугольные и круглые в плане [155].

В Сардинии двух-трехэтажные дома-крепости башенной формы являлись массовым типом жилища: всего их на этом острове около шести с половиной тысяч [146]. Самые ранние из них датируются II тыс. до н.э.; строились они до III в. до н.э., когда остров был завоеван римлянами. Башни Сардинии, в соответствии с древней средиземноморской традицией домостроительства, круглые в плане.

Таким образом, жилая башня, представляющая собой дом-крепость (т.е. постройку, являющуюся одновременно жилой и оборонительной) в древности и в средние века была распространена в широком ареале, географическим центром которого является Передняя Азия.

Наличие этой формы жилья само по себе не связано с топографией местности. Она встречается и в горах, и на равнинах (Азербайджан, Западная Европа). Башенный дом-крепость бытовал у разных народов при необходимости (и возможности) самостоятельной обороны жилища в условиях отсутствия централизованной власти, а такие условия существовали, главным образом, в горных местностях. Поэтому башенное жилище было распространено преимущественно в горах.

При определенных обстоятельствах тип сооружения в виде жилой башни в средние века использовался в разных странах в качестве жилища семьи, властвующей над окрестным населением

Глава 2. БОЕВЫЕ БАШНИ

Общая характеристика

Один из характерных типов старинной архитектуры на Кавказе - боевая башня. Башни этого рода здесь фигурируют повсеместно, их силуэты венчают возвышенности, доминируют над ущельями, оживляют панораму селений (рис. I8, I9).

Боевые башни в горах Северного Кавказа имели различное назначение: одни предназначались для непосредственной обороны жилья (отдельного дома, или группы домов, или селения), другие служили самостоятельными опорными пунктами, третьи были сторожевыми [I9б].

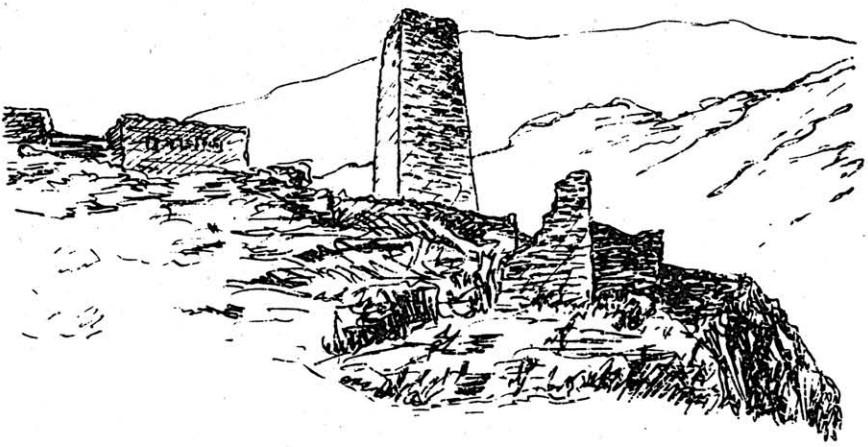
В восточной части Чечни архитектура сходна с дагестанской. Соответственно имеют черты сходства и башни (рис. 20). В центральной части Чечни, где имеются башни специфически вайнахского типа (о них речь будет далее), есть также башни (рис. 2I), сходные с осетинскими (рис. 22) и грузинскими (рис. 23).

В восточной Чечне, как и в Дагестане, имелись общеаульные оборонительные башни. В них, по преданию, находились караульные, назначавшиеся поочередно от жителей [98в]. Есть здесь и башни, стоящие одиночно на удалении от селений. Но вообще в отличие от Дагестана, где башня, как правило, принадлежала селению в целом, в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии боевые башни строились отдельными семьями, фамилиями или родами. Здесь башня, как правило, является частью небольшого обособленного комплекса, состоящего из нескольких домов (или даже только одного жилого дома) и боевой башни*.

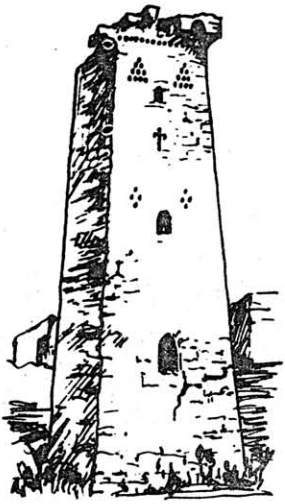
* Детальные обмеры осетинских жилых комплексов, в состав которых входила боевая башня, имеются в публикации архитектора С.Кригер [50].

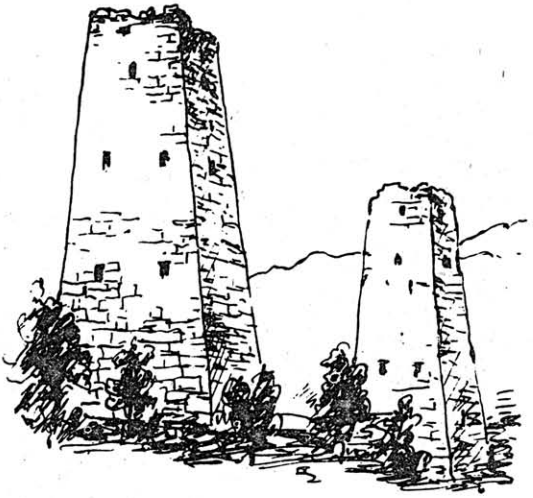
I8. Селение Даллагкау, Северная Осетия

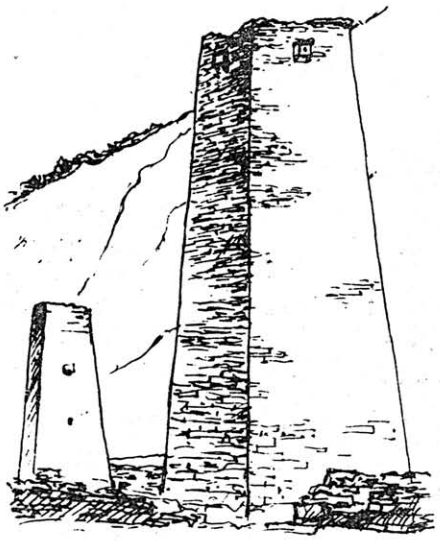
I9. Башня в ущелье Закка, Северная Осетия

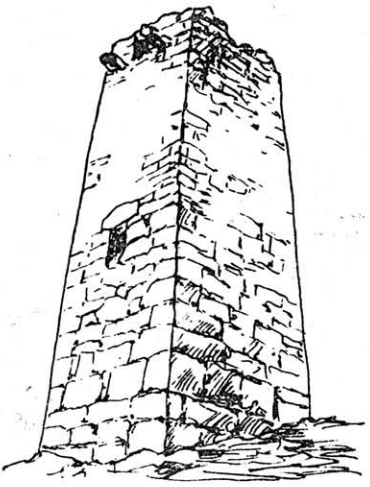
20. Боевая башня в чеченском селении Хой 75в

21. Башни близ с.Шатой (Советское) в Чечне 83н

22. Боевые башни у с.Тиб, Северная Осетия, Мамисонское ущелье

23. Боевая башня в Северной Грузии 67

Представляется маловероятным, чтобы боевые башни в глубинных районах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в средние века строились лишь привилегированными семьями, как и то, что они "служили средством защиты в случае нападения соседних феодалов и иноземных захватчиков" [120]. Иноземные захватчики не проникали в высокогорный район Чечено-Ингушетии. Феодалов здесь тоже не было. Как-раз в восточной части Чечни, по отношению к которой в первую очередь можно говорить о классовой дифференциации в период позднего средневековья, башни единичны, а на значительном пространстве их вообще нет, тогда как в глухих отдаленных ущельях Внутренней Чечни они буквально на каждом шагу.

Не каждая родственная группа (у вайнахов - "тейпа") в состоянии была построить боевую башню. Например, ингушское селение Эрзи состояло из 14 жилых комплексов (в нем проживало соответственно 14 тейпов), но имелось лишь 9 боевых башен (из чего, конечно, не следует, что в этом селе обитало девять феодалов).

В Северной Осетии боевые башни в общем однотипны: корпус имеет обычно значительное сужение кверху; крыша была плоской земляной, поэтому теперь почти у всех башен верх разрушен; дверь, как правило, находится высоко над уровнем земли; в стенах очень мало окон и бойниц; в верхней части башни со всех четырех сторон имеются балкончики-машикули очень небольшого размера (см.рис. 22). По этим признакам осетинские башни сходны с северо-грузинскими (см.рис. 23). Есть здесь и башни, отличающиеся индивидуальным обликом (рис. 24), но им присущи те или иные общие черты осетинской и вайнахской архитектуры (см.рис. 20).

По всему Большому Кавказу боевые башни почти исключительно квадратные в плане. В пределах этого региона круглые башни встречаются, главным образом, лишь в Дагестане, имевшем, как и Закавказье (где круглые башни обычны), контакты с Передней Азией. Развалины единичных круглых башен имеются и на противоположном краю Северного Кавказа, в Кабардино-Балкарии [80а]. Одна круглая башня есть в осетинском с.Галуата (самый крайний к северу пункт Юго-Осетии, у границы Северной Осетии); местные жители, осетины, связывают ее с пребыванием здесь до них другого народа (вероятно, грузин).

Форма круглой башни целесообразна с точки зрения фортификации. Она способствует устойчивости сооружения против стенобитных башин, которые разрушали прямоугольные башни, выбивая их угловые камни. Наличие круглых башен в Закавказье, как и в Дагестане, может быть объяснено тем, что эти территории имели связи с архитектурой Передней Азии, где применялись стенобитные машины. В горах Кавказа тоже применялся при осаде прием "срезания" башни выбиванием ее угловых камней. Но, несмотря на этом, продолжалась традиция возведения четырехугольных башен.

Круглая башня удобнее прямоугольной и для ведения из нее кругового обстрела. Отсутствие круглых башен в горах центрального Кавказа, в этом аспекте, может быть связано с тем, что здесь было принято вести бой не столько пользуясь амбразурами в стенах, сколько с верхней площадки.

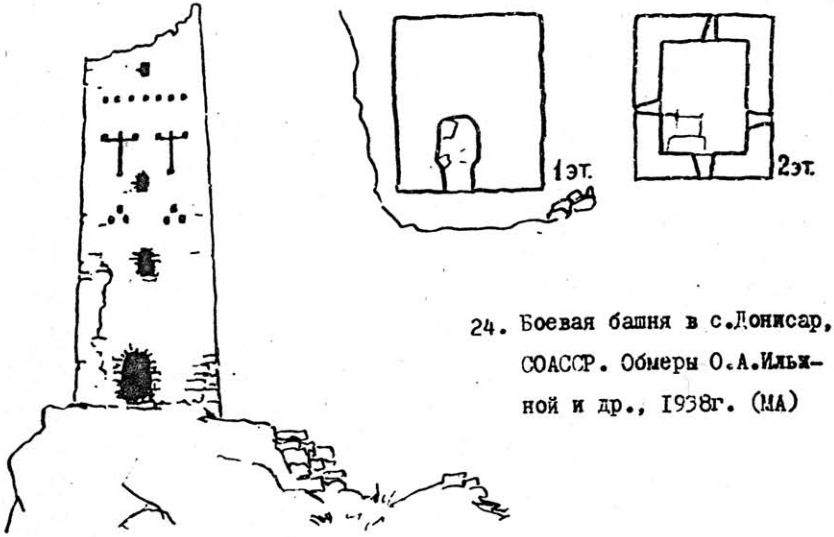
Но главная причина различия преимущественных форм силуэта башен в горах Северного Кавказа и в Передней Азии заключается, все же, вероятно, в различии коренных архитектурно-строительных традиций. В эпоху ранней бронзы обитатели Передней Азии, Средиземноморья и Закавказья жили в круглых домах[*]. В связи с соответствующими традициями жилищной архитектуры, на Ближнем Востоке круглые башни строились еще пять тысяч лет тому назад. В горах же Кавказа с древнейших времен строили прямоугольные в плане жилища. Форма круглой в плане постройки органически не свойственна местному зодчеству, поэтому круглые башни здесь не привились, несмотря на их преимущества.

Квадратные кавказские башни имеют повсеместно примерно одинаковые размеры: сторона плана в среднем 4,5-5,5м (иногда до 7м - см.рис. 22), высота 15-25м. Этажей, как правило, пять, редко шесть-семь.

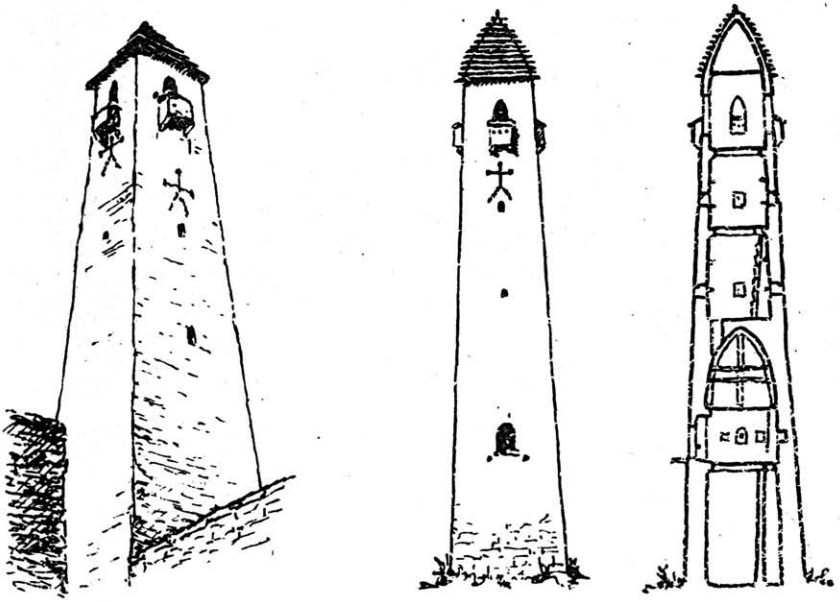
В Чечено-Ингушетии и Северной Осетии силуэт башни имеет резко выраженное сужение кверху, причем оно здесь является следствием не только утонения стен, но и их наклона внутрь.

---

[*] В III тыс. до н.э. круглое жилище было распространено в Закавказье и в отдельных местностях Северного Кавказа. Поселения с круглыми домами принадлежали племенам, пришедшим на Кавказ с юга. Поселения эти располагались почти исключительно на ровных местах, в долинах, тогда как аборигены селились на горных кручах.

24. Боевая башня в с.Донисар, СОАССР. Обмеры О.А.Ильиной и др., 1938г. (МА)

25. Боевая башня вайнахского типа. Фасад и разрез И.П.Щеблыкина, 1928г. [135а]

Для этого требовалось большое мастерство каменщика: со стороны помещения стены наклонены на себя, что выполнить должным образом довольно сложно.

Наклон стен внутрь является одной из характерных черт вайнахо-осетинской средневековой архитектуры: он обычно наличествует и в других постройках - жилых башнях, святилищах, гробницах. В святилищах и гробницах наклон стен был вызван тем, что посредством него уменьшался пролет свода. Сужение кверху силуэта жилых и боевых башен может быть связано с этой общестилевой чертой местной архитектуры, но могло иметь и особое назначение: камни, сбрасываемые с балкончиков-машикулей, рикошетировали, ударяясь о стену, и затем падали, поражая осаждающих в разных местах, которые нельзя предвидеть. В дагестанских башнях сужение силуэта постройки кверху менее выражено, наверное, потому, что стены, выложенные на глиняном растворе, недостаточно прочны и чтобы быть наклонными и чтобы служить для рикошетирования падающих камней. Может быть по этой же причине в дагестанских башнях обычно нет и балкончиков-машикулей (во всяком случае, если судить по тем башням, которые сохранились до верха).

Вообще, нужно заметить, во многих башнях Северной Осетии и частично Ингушетии, а также Северной Грузии, балкончики-машикули настолько малы, что непонятно, как ими можно было практически пользоваться, и возникает предположение, что роль их была преимущественно декоративной.

Устройство входа в боевую башню во многих случаях зависит от ее местонахождения. Обычно, если башня расположена в труднодоступном месте, вход в нее устроен в уровне первого этажа; если же место, где стоит башня, сравнительно доступно, вход в нее находится на высоте двух-трех метров и доступ к нему осуществлялся по приставной лестнице. Вход закрывался массивными ставнями и запирался брусом, который вдвигался в толщу стены.

Вайнахская башня

Особо выделяются своим строением и видом среди боевых башен Северного Кавказа чечено-ингушские, имеющие пирамидальное венчание (рис. 25). Они наиболее совершенны в техническом и архитектурном отношениях среди башен этого региона, и по облику наиболее интересны.

Башни этого типа характерны прежде всего для вайнахского зодчества. Есть такие башни и в соседнем районе Грузии, но там они единичны, а в Чечено-Ингушетии их множество. В Грузии эти башни находятся в районе, непосредственно прилегающем к Чечено-Ингушетии, и тамошние жители свидетельствуют, что строили эти сооружения приглашенные мастера. А главное - башни с пирамидальным венчанием по сумме своих черт соответствуют стилю вайнахского средневекового зодчества, отличающегося от грузинского.

Первые исследователи материальной культуры вайнахов Л.П.Семенов и И.П.Шеблыкин видели эти башни только в Ингушетии, поскольку Чечню не обследовали. Они назвали эти башни "ингушскими". Но башни с пирамидальным венчанием распространены не только в Ингушетии, а и по всему коренному району Чечни - в верховьях рек Чанты-Аргун, Шаро-Аргун, Фортанга, Гехи. Поэтому современные исследователи (С.Ц.Умаров, В.И.Марковин) считают, что их следует называть не "ингушскими", а "вайнахскими".

Однако такая специфическая архитектурная форма не могла возникнуть одновременно на всей территории горной Чечено-Ингушетии. Для уточнения возможного района ее зарождения можно принять к сведению следующие обстоятельства. Ингушетия расположена в географическом центре ареала распространения гробниц с пирамидальным покрытием (таким же, как на этих башнях). В Чечне башни этого типа распространены в части территории, прилегающей к Ингушетии (см.рис. 98). Имеются свидетельства о работе ингушских мастеров-строителей в Осетии, Северной Грузии и Чечне, но нет данных о том, чтобы в Ингушетии строили приглашенные извне мастера [86в, 137]. В интерьере второго этажа вайнахских башен имеется специфическая деталь - гурты на своде, которые не имеют практического назначения и представляют собой рудиментарную форму; в некоторых чеченских башнях гурты отсутствуют [119в]. Учитывая эти факты, можно предположить, что форма боевой башни вайнахского типа возникла в Ингушетии.

Башни с пирамидальным венчанием в общем одинаковы в Чечне и в Ингушетии, различаясь лишь в деталях. Чеченские несколько ниже и шире, имеют меньшее сужение кверху; балкончики-машикули у них более широкие и поэтому опираются не на две консоли, а на три.

Характерное ступенчато-пирамидальное покрытие вайнахской башни выполнено ложным сводом (консольным напуском камней). Со стороны помещения камни подтесаны, образуя ровную поверхность свода, а снаружи пирамида крыши имеет уступчатую форму. Каждый уступ, высотой 20–25см, покрыт выступающими в виде карнизов тонкими шиферными плитами. Верхний уступ с покрывающими его плитками образует квадратную площадку, на которой установлен венчающий шпилеобразный камень высотой около 40 см. Благодаря каменной крыше многие из этих башен хорошо сохранились до сих пор.

Башни вайнахского типа имеют, как правило, пять этажей (шестиэтажные единичны). Из них нижний не имел входа и служил хранилищем, второй являлся жилым, а пятый – оборонительным.

Проем входа в такую башню находится на уровне второго этажа. С наружной стороны перед входом устраивали балкончик в виде легкого настила на двух деревянных консольных балочках. Проем, размерами I–I,5м в высоту и 0,8–0,9м в ширину, имеет сверху арочное очертание, вырезанное в одном или двух перемычечных камнях*.

Перекрытие второго этажа, так же как и верхнего – каменное, устроенное в виде сомкнутого (четырехстороннего) ложного свода стрельчатого очертания. Посередине каждой из четырех сторон свода, на всю его высоту, сделан декоративный выступ (гурт) в виде вертикального гребня. Общий вид гуртов, выступающих на поверхности свода в виде как бы двух пересекающихся арок, может на первый взгляд вызвать мысль – не являются ли они имитацией перекрестных подпружных арок, известных в архитектуре Закавказья. Но это не арки: они не имеют опор под своими пятами, и их половины не смыкаются в вершине, где должен быть замок.

В помещении второго этажа был очаг; в стенах имеются ниши. К деревянным брусьям, заделанным поперек помещения в уровне низа свода, прикрепляли крючья для подвешивания вяленого мяса; на эти балки укладывали настил, образовывавший антресоль для хранения провианта; к балке подвешивалась цепь с котлом для варки пищи. Пользовались этими башнями, по-видимому, неоднократно. потому что поверхности стен и

* Различные варианты устройства этих арок описывает археолог В.И.Марковин [77г].

сводов покрыты окаменевшей копотью от очага. В полу помещения второго этажа устроены замаскированные люки для доступа в первый; часть пространства первого этажа отделена стенкой, образуя закром для зерна.

В углах помещений через каждые 60-80 см по высоте выступают уложенные диагонально плиты, которые, вероятно, служили опорами для подмостей при ведении кладки. Для устройства деревянного перекрытия (т.е. над 3 и 4 этажами), на такие плиты укладывали концами две балки вдоль противоположных стен, по ним устраивали сплошной настил из кругляка, клали хворост и делали земляной пол.

В перекрытиях (попеременно в разных углах помещений) предусмотрены люки размером около 50х60 см для сообщения между этажами, которое осуществлялось по приставным деревянным лестницам в виде зазубренных бревен.

На пятом этаже, посередине каждой из четырех стен, устроен большой, со стрельчатым верхом, проем высотой около 1,8м и шириной 0,7-0,8м; нижняя часть его прикрыта с фасада эркерным машикулем, а верхняя оставлена открытой (см. рис. 30). Машикуль представляет собой каменный балкончик без пола (пол был из деревянных досок, разборный); в его стенках имеются небольшие отверстия для наблюдения.

Во всех этажах башни (кроме первого) имеются отверстия в стенах: светопроемы, "глазки" для наблюдения. Есть устройства в виде амбразур: с внутренней стороны стены башни устроена квадратная глубокая ниша (все три измерения около 50 см), в которой, со стороны фасада, сделано несколько небольших (размерами 5-7 см) отверстий, почти незаметных снаружи.

На фасаде в верхней части башни часто изображен символ в виде креста с голгофой, иногда квадратный ромб, выложенный шахматкой. Какие бы то ни было резные детали, каменные или деревянные, за редкими исключениями, отсутствуют.

Вайнахские башни этого типа построены весьма капитально. Они основывались на скальном грунте. Камни кладки стен хотя и не отесаны для придания им прямоугольной формы, но тщательно подогнаны. В нижней части постройки и в углах помещены более крупные камни. Известково-песчаный раствор весьма прочен; по преданию, в него добавляли сыворотку или молоко.

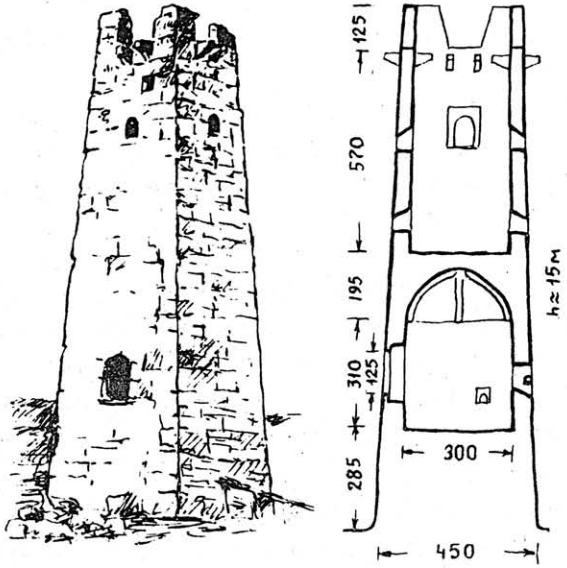
Несколько башен со ступенчато-пирамидальным венчанием есть в Северной Грузии [30а, 69б, 71а, 97, 148в]. Но, как уже было сказано, в стилистическом отношении они чужды архитектуре Грузии и относятся к зодчеству Чечено-Ингушетии.

Хотя различные общины в горах Кавказа до присоединения к России были политически разобщены, между ними существовали экономические и культурные связи. Нередко приглашали мастеров-строителей из соседних местностей. Например, в Северной Осетии иногда строили ингуши. Так, башня в с.Даргавс (рис. 26) была сооружена, согласно местному преданию, ингушскими мастерами; об этом, кстати, свидетельствует и каменный свод с гуртами, перекрывающий помещение второго этажа. В Тушетии имеются, наряду с вайнахскими, башни дагестанского типа; по местным преданиям, их строили мастера-дидойцы (дагестанцы) [126]. Тушины приглашали для строительства оборонительных сооружений мастеров из соседних районов потому, что сами они специализировались на скотоводстве; аналогичным образом в Дагестане земледельцы-кумыки приглашали для строительства мастеров-даргинцев и аварцев. Есть данные о том, что многие оборонительные сооружения в западной части Северного Кавказа (в Балкарии, Карачае, Черкесии) строились мастерами, приглашенными из других мест - Осетии, Сванетии, даже Крыма [9, 33, 58б, 59, 83е].

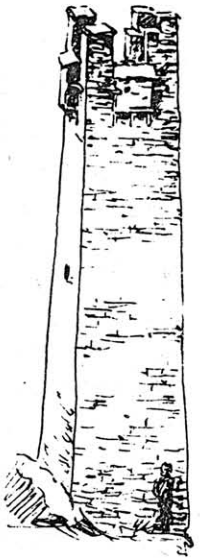
Происхождение архитектурных форм башен

Наряду с башнями, увенчанными каменной пирамидальной крышей, в Чечено-Ингушетии есть боевые башни, имевшие плоскую земляную крышу. У них несколько меньшая высота и менее выраженное сужение силуэта, все перекрытия деревянные, основание часто не квадратное, а прямоугольное. Качество их исполнения хуже: кладка менее тщательна, стороны квадрата основания не строго одинаковы, а углы не точно прямые и т.п.

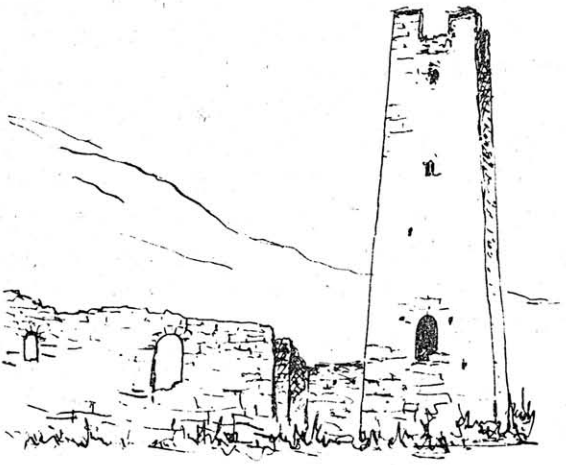
Башни с плоской земляной крышей в Чечено-Ингушетии представляют более архаический тип, чем башни с каменным пирамидальным покрытием. Но это не значит, что из числа ныне существующих башен первые всегда могут быть датированы более ранним временем, чем вторые, отличающиеся лучшей техникой исполнения и большей изысканностью форм. Их различие могло

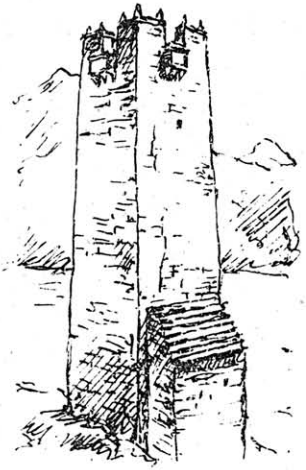
26. Башня в осетинском селении Даргавс (СОАССР)

27. Башня в Чечне, ущелье Малхиста 75г

28. Башня в ингушском селении Хени

29. Башня в Хеви, Северная Грузия

быть обусловлено разницей в экономических возможностях заказчиков.

Кроме того, отмечается, что башни с каменными крышами большей частью расположены в местах более доступных, а с земляными - в более труднодоступных. Исходя из этого, археолог М.Б.Мужухоев, который обратил внимание на различие в топографических особенностях локализации башен разных типов, обосновывает само различие типов тем, что на участках более доступных требовалось возводить башни с более высокими фортификационными возможностями [86а]. Последнее, безусловно, верно. Но возможен и иной путь рассуждений: легко доступные участки (в долинах рек, на пологих склонах) были и более плодородными, следовательно, владельцы их были экономически более состоятельны, чем те, кто жил на труднодоступных скалистых взгорьях, и могли позволить себе оплатить строительство лучшей башни. Башни с пирамидальными крышами встречаются не только на легко доступных участках, но и на взгорьях. Например, в Ингушетии, напротив селения Тумгой, виднеется такая башня, находящаяся на высокой горе; местные жители говорят, что это самое высокорасположенное селение района.

Башни с плоской земляной крышей имели венчание в двух вариантах: крыша выступала за линию стен, образуя карниз, или же стены возвышались над крышей, образуя парапет. Парапет устраивался в тех случаях, когда предусматривалось использование крыши в качестве боевой площадки. Для возможности ведения боя, в середине всех четырех стенок, ограждавших крышу, делался разрыв и башня приобретала венчание с зубцами на углах (рис. 27, 28). Перед проемом устраивался балкончик-машикуль, а зубцы иногда увенчивались декоративными шпилеобразными камнями (рис. 29).

Плоская земляная крыша требует систематического ухода. После каждого дождя ее затирают жесткими вениками, чтобы не образовывались трещины в глиняной кровле; периодически крышу смазывают глиной, уплотняют катком или трамбовкой. Если всего этого не делать, то очень скоро крыша начнет протекать, деревянные балки подгниют, сломаются, и крыша рухнет. Земляная крыша особенно уязвима, в смысле ее сохранности, при наличии парапета, так как он зимою задер-

живает снег, который нужно немедленно удалять; а снега в горах часты и обильны.

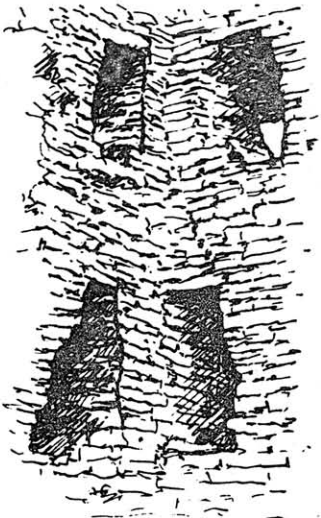
Чтобы избежать необходимости проведения систематических работ по уходу за земляной крышей, служащей боевой площадкой, а также чтобы укрыть находящихся (в случае боя или дозора) на ней людей от атмосферных осадков, да и чтобы прикрыть входной люк, целесообразно над этой террасой устроить навес. Это, кстати, делали на боевых башнях в России, имевших легкие деревянные шатры наверху. Логично предположить, что такие шатры устраивали и на кавказских башнях. Зубцы на углах башен описываемого типа настолько широки и высоки (выше человеческого роста), что, фактически, являются не зубцами, а простенками (см. рис. 27), и мысль, что на них опиралось покрытие, напрашивается сама собой. Если такого рода деревянные шатровые кровли устраивались, то пирамидальные венчания нынешних вайнахских башен являются их заменой в камне (рис. 30). Капитальные венчания, заменившие прежние легкие шатровые покрытия, сооружались, кстати, и в Европе (примером могут служить башни Московского Кремля).

Некоторые средневековые башни Дагестана имеют амбразуры, снабженные изнутри большими нишами, в которых может поместиться человек, стреляющий из лука (рис. 31). В Чечено-Ингушетии и Северной Осетии башен с такими амбразурами не обнаружено. Вряд ли это можно объяснить тем, что здесь остались только поздние башни, в которых устраивались амбразуры для стрельбы из огнестрельного оружия. Если средневековые башни сохранились в Дагестане, то они должны были сохраниться и на соседней с ним территории, где постройки были более прочными благодаря применению извести. По-видимому, в этой местности было принято вести бой не через амбразуры, расположенные в стенах башни на разных ее этажах, а сверху.

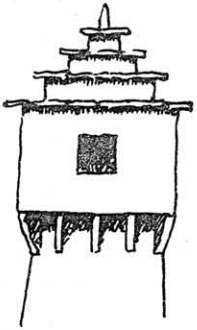
Для этого в верхней части башни устраивали приспособления, предназначенные для удобства поражения осаждающих сверху - машикули. Они известны с древних времен. Само слово "машикуль" в некоторых языках - одного корня со словом, обозначающим башню (по-осетински "башня" - масиг, машик; этноним мосинеков, о которых писал Ксенофонт, переводится как "жители башен").

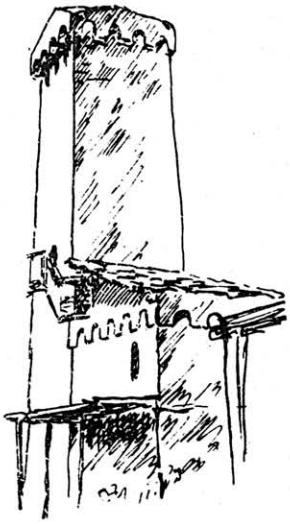
30. Верхняя часть башни вайнахского типа

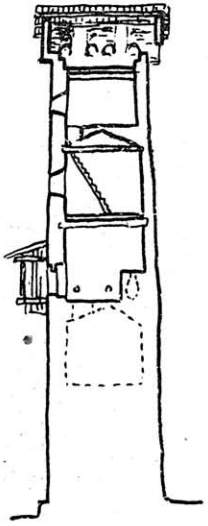

31. Бойницы сторожевой башни у с.Шимихюр, Курахский р-н ДАССР

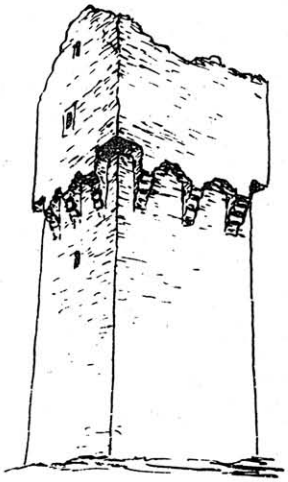

32. Верхняя часть башни в чеченском с.Баулой[142]

33. Сванская боевая башня[63а]

34. Боевая башня в с.Джары, Закатальский р-н АзССР[123]

Машикули устраивались в принципе двумя способами. Один прием – уширение верхней площадки башни с устройством по периметру парапета, вынесенного вперед по отношению к стене так, чтобы можно было сделать отверстия-бойницы в полу. Такие машикули устраивались в Передней Азии еще в I тыс. до н.э. (см. рис. 41а). Известен был этот прием и в Чечне (рис. 32, 20), но здесь такое решение не привилось.

В древности консольный напуск уширения верхней площадки устраивался выпуском концов балок крыши, а затем, уже в средние века, стали применять для этого каменные кронштейны, на концы которых опирались балочки или арочки, поддерживавшие парапет (машикули такого типа обычны в Закавказье и Западной Европе).

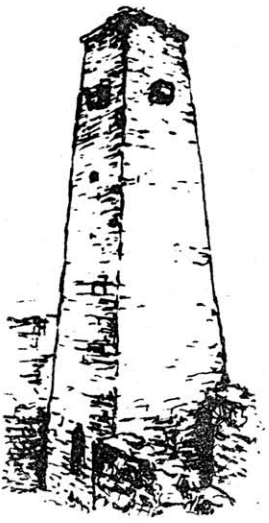
Уширенное венчание башни образует коронку. Коронка является характерной деталью, например, башен Сванетии (рис. 33). Своеобразная коронка устроена на башнях Закатальского района Азербайджана (рис. 34).

В зодчестве горной области Большого Кавказа был более распространен другой тип машикулей – в виде балкончиков без пола. Эти балкончики, как правило, прямоугольны в плане и опираются на каменные консоли, выпущенные из кладки стены (рис. 35, 36). Но встречаются эркерные машикули и иных вариантов: треугольные (рис. 37, 38), на арочках (рис.39). Клювовидных эркерных машикулей, известных в горной Грузии, в горах Северного Кавказа нет.

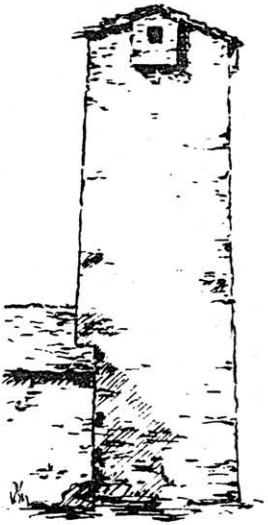
Машикули в виде балкончиков или эркеров столь же древни, как и устроенные путем уширения верхней боевой площадки башни. И те и другие были известны в Передней Азии еще в I тыс. до н.э. (рис. 17, 40а, 41а), откуда они, надо полагать, и были заимствованы в средние века на Кавказе, как и в Западной Европе (рис. 40б).

Датировка боевых башен

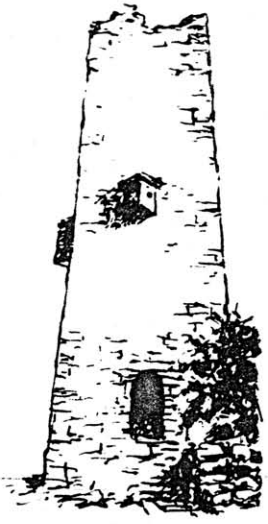
Датировка боевых башен Северного Кавказа затруднительна, так как, за исключением единичных случаев, на них нет надписей, а также отсутствуют достоверные сведения о времени их постройки. Датировать же средневековые сооружения в горах Кавказа лишь по их строительной технике рискованно, так как последняя зависела не только от эпохи, но и от мастерства

35. Боевая башня в с.Лисри, Северная Осетия

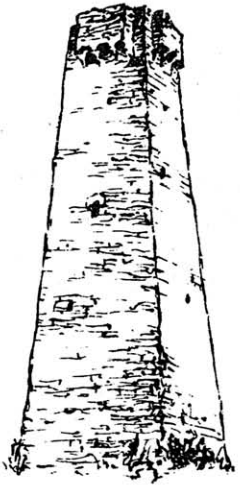
36. Сванская башня архаического типа. Рис.Н.Ф.Пащенко, 1938г. (УПФ)

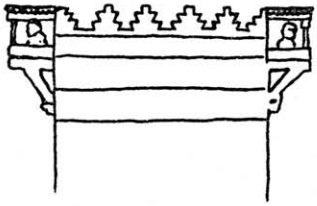
37. Боевая башня в с.Хотода, Советский р-н ДАССР

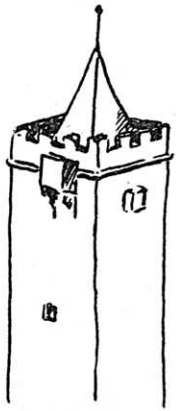
38. Верхняя часть боевой башни в чеченском селении Пого. Рис. Н.Фукина, 1938г. (УПФ)

39. Боевая башня близ с.Итум-Кале, Чечня. Рис. по фото В.И.Марковина

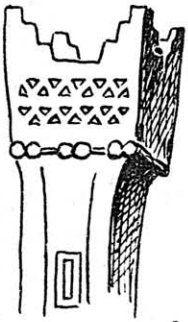

а

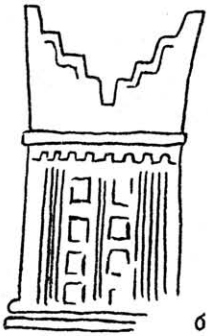

б

40. Балкончики-машикули на башне:
а - в Иране (изображение Ш-IУвв.)[149];
б - в средневековой Западной Европе[14в]

а

б

41. Венчание боевой башни с угловыми зубцами в районе Передней Азии, примыкающем к Закавказью: а - бронзовое изделие из Урарту[144в]; б - изображение на пехлевийской монете[143]

строителя и экономических возможностей заказчика, да и пережиточно сохранялись архаические приемы строительства долго.

Вайнахские башни с пирамидальным венчанием в археологической и краеведческой литературе обычно относят к ХУI-ХУШ вв. Главным датирующим признаком при этом служит то, что их бойницы, как считается, предназначены для ружейной стрельбы. Например, археолог Е.И.Крупнов по этому поводу пишет: "В довольно толстых стенах всех этажей, особенно второго, устроен ряд узких сквозных отверстий-щелей, сделанных в специальных нишах. Если ширина проема этих бойниц внутри равнялась около 0,5м, то выходное отверстие не превышало 0,10-0,15м. В такие отверстия мог пройти только ствол ружья... Такие бойницы устроены на высоте выше половины человеческого роста. Стрелять из лука через эти отверстия невозможно. Они очень малы, в проем не втиснется человеческое плечо, но вполне пригодны для стрельбы из ружей.

Следовательно, время сооружения боевых башен, где имеются эти ниши и отверстия, не может быть датировано раньше времени применения на Северном Кавказе огнестрельного оружия" [52а].

Но это соображение вызывает некоторые сомнения. Действительно, огнестрельное оружие (известное в Европе, в том числе на Руси, с XIУ в.) на Кавказе появилось в XУI в. Но и в XУII в. оно в горах Кавказа еще не вытеснило луки и стрелы. Согласно свидетельствам того времени, горцы были вооружены, наряду с ружьями, также луками. Луки применялись здесь даже в XУШ в. Почему же в башнях устраивались бойницы только для ружейной стрельбы, если на вооружении имелись и луки?

Кроме того, в условиях применения огнестрельного оружия утрачивает смысл сооружение высоких башен, высота которых вызвана именно тем, чтобы стрелы, долетающие до верхней боевой площадки, теряли свою убойную силу.

Амбразуры, предназначенные для стрельбы из лука, должны иметь с внутренней стороны большие ниши, в которых может поместиться стрелок, стоящий на колене и согнувшийся при стрельбе. Таких амбразур, действительно, нет в стенах башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Но при строительстве этих башен имелось в виду, что стрельба будет вестись с верхней боевой площадки; для этого на пятом этаже башен с пирамидальным венчанием, а также в парапете башен с угловыми зубцами предусмотрены большие проемы.

По убедительно аргументированному мнению Х.Д.Ошаева, вайнахские боевые башни сооружались для условий ведения боя из луков, а не из огнестрельного оружия; для этого на пятом этаже предусмотрены проемы высотой в рост человека. "О том, что при защите башен применялся лук, свидетельствуют множество изображений лука на склепах, башнях и других сооружениях, сцены охоты, фольклорные упоминания, находки луков в склепах" [94б].

Что же касается "узких бойниц" в стенах этих башен, то через них затруднительно было стрелять и из ружей. Они не имеют наклонного вниз направления, как то делалось в амбразурах грузинских башен XУШ в., предназначавшихся действительно для ведения ружейной стрельбы [112]. Через от-

верстия в стенах вайнахских башен можно было вести преимущественно настильный огонь и, таким образом, стрелять лишь на дальнее расстояние. А нужно было поражать противника, осаждавшего башню и находившегося непосредственно возле нее. Большой проем на пятом этаже был удобен для стрельбы из лука вниз. Помогал и балкончик-машикуль: на его крышу можно было при стрельбе из лука опереться локтем или коленом, и кроме того он прикрывал стреляющего. Так называемые "узкие бойницы" в стенах вайнахских башен служили смотровыми щелями (хотя их и можно было, при необходимости, использовать для стрельбы из ружей).

По этим соображениям не представляется вероятным, чтобы тип вайнахских башен сформировался тогда, когда у горцев Чечено-Ингушетии огнестрельное оружие стало обычным - т.е. в XVII в. Другое дело - некоторые из этих башен могли, будучи традиционными, строиться в это время, и даже еще в XVIII в., тем более, что в XVII-XVIII вв. на вооружении у горцев Северного Кавказа еще имелись луки. Кстати, башня в черкесском с.Инджикчкун, строители которой учитывали применение луков в бою, была возведена в XVIII в.

Археолог М.Б.Мужухоев, основываясь на том, что в поселении Оздик (Ингушетия) боевая башня с пирамидальным венчанием является более ранеей, чем жилые башни этого комплекса, считает, что с нее началось строительство поселения, а поскольку в гробницах поселения обнаружен инвентарь XIV века, следовательно, и башня эта относится к XIV веку [86б]. По этому поводу можно возразить, что строительство поселения должно было начаться все-таки с сооружения не боевой башни (где же жили люди, для которых она строилась?), а с жилых домов, которые были со временем снесены и заменены другими. Но, все же, вайнахские башни с пирамидальным покрытием возникли, наверное, до распространения в этих местах огнестрельного оружия, т.е. ранее XVII века. Гробницы с каменным пирамидальным покрытием появились (как устанавливают археологи по находимому в них инвентарю) в XIV в. Может быть, оно уже тогда стало применяться и при сооружении башен.

Для определения времени, когда вообще появились боевые башни в горах Северного Кавказа, можно привлечь некоторые другие источники. Например, у чеченского селения Хара-

чой есть развалины поселения, которое бытовало, судя по находимым в нем археологическим материалам, в период с У по XII вв.; в этом поселении была боевая башня. Кстати, тот факт, что уже в то время в горной Чечено-Ингушетии были боевые башни, говорит не в пользу гипотезы их происхождения от жилых, поскольку и те появились там тогда же. Боевая башня была известна жителям высокогорий северо-западного Кавказа еще в IУ-УП вв. [84в] (хотя, конечно, этот факт сам по себе еще не является свидетельством того, что боевые башни тогда существовали и на северо-восточном Кавказе).

Обычно в соответствующих публикациях высказывается суждение о том, что причиной строительства башен и других крепостных сооружений в горах Северного Кавказа явилась необходимость защиты от внешнего врага; некоторые авторы заявляют, что башни в горах Чечено-Ингушетии интенсивно строились (или даже вообще начали строиться) в период татаро-монгольского нашествия. Все это - умозрительные, не основанные на анализе фактов, суждения. Татаро-монгольское нашествие приходится на XIII-XIУ вв., но боевые башни в горах Северного Кавказа появились до этого, а их массовое строительство происходило после этого. К тому же татаро-монголы в горы Чечено-Ингушетии не углублялись. А особенности расположения здесь башен показывают, что они строились в условиях взаимной обособленности общин и предназначались для защиты от ближайших соседей, а не от внешнего врага. Против армии внешнего врага разрозненные башни и крепостцы, каковыми являлись средневековые оборонительные сооружения в горах Северного Кавказа, не были эффективны. Не могли они выдержать и сколько-нибудь длительной осады (хотя бы потому, что, как правило, не имели внутренних источников водоснабжения). И действительно, например, против войска Тамерлана эти укрепления, как известно из письменных сообщений того времени, не могли устоять. В качестве аналогии можно привести пример из другой местности и другой эпохи. В I тыс. до н.э. в Закавказье каждое поселение представляло собой крепость-государство. Армия Урарту без труда брала эти крепости, и цари Урарту хвастали тем, что они покоряли государства десятками и сотнями.

Специалист по археологии северо-восточного Кавказа В.И.Марковин считает, что расцвет башенной культуры в этом регионе относится к XУ-XУI вв. [77в]. Естественно полагать, что, судя по отработанности архитектурных форм и строительной техники этих сооружений, им должна была предшествовать солидная традиция.

Массовое строительство боевых башен в горах, когда каждое поселение превращалось в крепость, должно было происходить главным образом в период напряженной внутренней обстановки, а она уменьшилась при переселении горцев на равнину, которое началось в Чечено-Ингушетии с XУI-XУII вв., а в Северной Осетии с XУШ в.

Боевые башни строились в горах северо-восточного Кавказа вплоть до XУШ в. Например, зафиксировано предание о том, что башня в чеченском селении Хайбах была построена в этот период [83к]. На одном из камней кладки стен боевой башни в дагестанском селении Гента стоит дата II97 г. хиджры (= I782/83 г. европейского летоисчисления). Упоминавшаяся уже башня у с.Инджикчкун в Черкесии тоже относится к второй половине XУШ в.

Глава 3. ЦЕРКВИ И СВЯТИЛИЩА

Церкви

Часть аборигенного населения Северного Кавказа в прошлом исповедовала христианство. О распространении христианства среди северокавказских горцев в средние века свидетельствуют постройки церквей и часовен, христианские надписи, а также сообщения средневековых авторов. Христианство распространялось в средние века на Северном Кавказе из Армении (через Кавказскую Албанию) в IУ-УШ вв., из Византии (через Абхазию) в УШ-ХП вв., но преимущественно из Грузии, которая территориально была наиболее близкой к северо-восточному Кавказу христианской страной. Средневековые постройки церквей грузинской, или связанной с грузинской, архитектуры есть в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.

В ХП в., при царствовании Давида Ш и его дочери Тамары, в период между изгнанием турков-сельджуков и нашествием монголов, Грузия укрепляется политически, происходит подъем грузинской культуры. В это время создались наиболее благоприятные условия для практических действий по пропаганде христианства среди горцев Северного Кавказа, хотя велась она и до этого: так, в Дагестане обнаружены грузинско-христианские памятники УШ-Х вв. [40]. Распространение христианства сопровождалось строительством церквей.

Известен ряд сообщений о наличии в прошлом церквей в Дагестане, причем главным образом в районе центральной Аварии, отличавшемся в средние века сравнительно высоким уровнем культуры. Но в связи с утверждением здесь в последующем мусульманства, церкви местной постройки были разру-

шены или разобраны на камень. О них теперь напоминают только предания да единичные камни с надписями (на грузинском языке или на аварском языке грузинскими буквами).

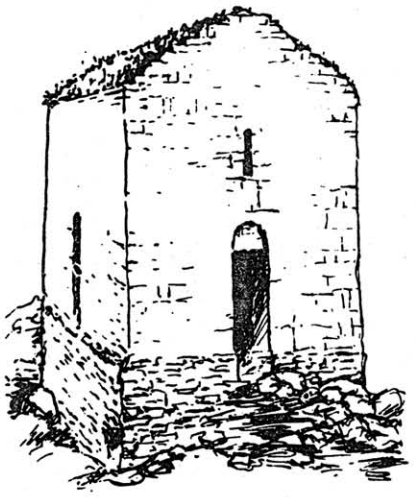
Единственной ныне сохранившейся постройкой церкви в Дагестане является расположенная близ с.Датуна. Она находится у Аваро-Кахетинской дороги, километрах в двадцати от долины бывшей общины Гидатль, с ее интересными памятниками местного зодчества. "Войдя в узкое горнило ущелья и вместе с ним сделав несколько крутых поворотов, вы вдруг сразу попадаете в небольшую котловину, посреди которой, на мыске, стройно высится церковь. Напротив нее, на довольно крутом склоне ущелья, расположено городище с остатками каменных стен и фундаментов построек" [138]. Это сооружение, окруженное мрачноватыми дикими скалами, стройное, строгое, необычно по сравнению с местной традиционной архитектурой светлое, производит чарующее впечатление, несмотря на скромность своих форм (рис. 42).

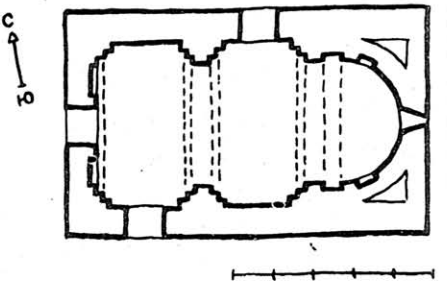
Храм Датуна резко отличается от построек дагестанской архитектуры и своим расположением посреди открытого пространства, и своими формами, и строительными конструкциями. Сооружен он, безусловно, грузинскими мастерами.

Это однонефная базилика с апсидой, не выступающей наружу. Стены выложены из камней правильной формы на известковом растворе. Помещение перекрыто коробовым сводом, поддерживаемым двумя подпружными арками, пяты которых опираются на пилястры. Покрытие апсиды полукупольное. Крыша двускатная, в прошлом, вероятно, с черепичной кровлей. В стенах имеются узкие щелевидные окна с арочным верхом.

Постройка хорошо сохранилась вследствие того, что возведена на растворе, который прочно связывает камни кладки. Кроме того, камни уложены с поперечной перевязкой, что в Дагестане, вообще говоря, не делалось. На фасадах видны перемежающиеся ряды высоких и узких камней; другие узкие камни стоят вертикально. Широкие камни - это плиты, поставленные в плоскости стены, а узкие - это видимые на фасаде торцевые или боковые грани плит, вдающихся в тело стены для лучшей связи с ней.

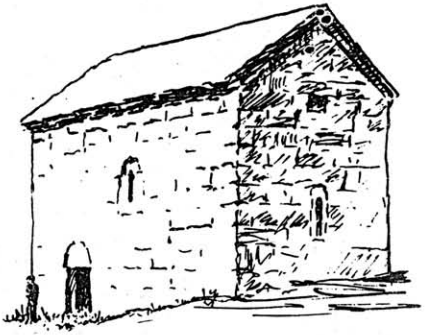
По начертанию плана, строительной технике и характеру архитектурных форм церковь у с.Датуна соответствует закав-

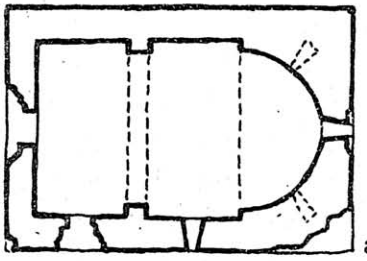

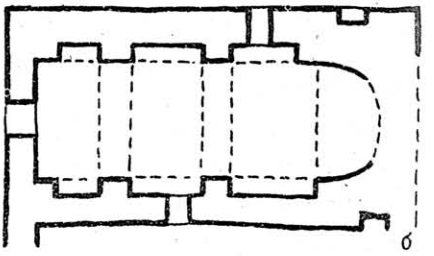
42. Церковь у с.Латуна в Дагестане

43. Церковь XIв. в Грузии[102]

а

б

44. Планы: б – церкви X–XIвв. в Армении[186]; а – церкви (XIв.?) в Северном Азербайджане (обмер арх. С.П.Райгородского, 1946г.)

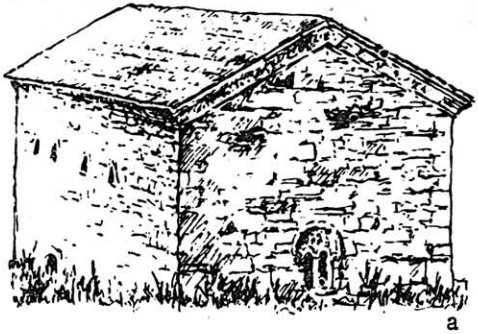
казским христианским храмам X-XII вв. [99, 129 132] (рис. 43, 44). Историк искусства Грузии Р.О.Шмерлинг датирует ее концом X - первой половиной XI в. [133].

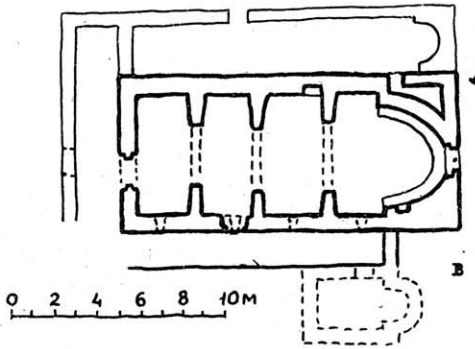
О церкви Датуна имеются сообщения в литературе [38], в том числе с фотоснимком [40, 138]. Н.Б.Бакланов, обследовавший архитектурные памятники Дагестана в 1924 г., пишет, что им "были произведены точные обмеры здания" [7], но они не опубликованы.

Несмотря на то, что аварцы в XIУ-XУ вв. приняли ислам, местные жители еще в конце XIX в. "относились к старому храму с суеверным благоговением, словно к своей собственной святыне" [74]. Теперь, однако, эта уникальная постройка, самый ранний из сохранившихся в своем первоначальном виде памятник архитектуры в Дагестане, используется в качестве загона для скота.

Интересным памятником средневековой архитектуры на северо-восточном Кавказе является церковь Тхаба-Ерды в Ингушетии. Она представляет собой прямоугольную в плане постройку длиной 16,2 м и шириной 7,6м с двускатной крышей (рис. 45). Стены толщиной 0,8м выложены из грубо околотых камней на извести, на углах уложены более крупные и лучше отесанные камни; это типичный прием местного средневекового строительства. Внутри здания - одно помещение, в которое ведут два входа, западный габаритами 1,2 х 2м и южный 0,8 х 1,2м. В восточном конце помещения - полукруглая апсида, вписанная в прямоугольные внешние очертания плана здания, и в ней возвышение - престол. Пол выстлан каменными плитами.

Покрытие, устроенное напуском каменных плит, опирается на три поперечные арки; это типичные для местного зодчества ложные арки стрельчатого очертания, выведенные путем напуска камней кладки с обеих сторон (рис. 46). Чтобы нависающая кладка не обрушилась в процессе ее возведения, в пролете установлены распорки - бревна, упирающиеся концами в кладку. Уверенность, с которой выполнены эти оригинальные конструкции, свидетельствует о том, что они были выработаны задолго до времени строительства данного сооружения. Одного взгляда на эту постройку достаточно, чтобы определить, что она была воздвигнута руками местных мастеров. Это настолько же оче-

45. Церковь Тхаба-Ерды в Ингушетии: а - в 1970 г. (после реконструкции); б - в 1926г. (МА); в - план

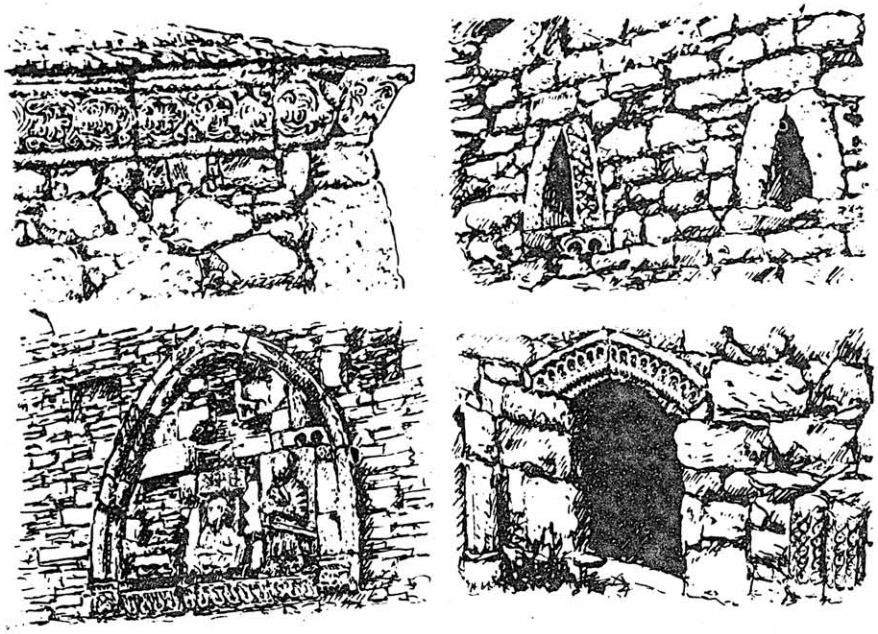
46. Конструкция внутренних поперечных арок здания Тхаба-Ерды 51

видно, как и то, что одновременная с ней и сходная с ней по силуэту и по плану церковь Датуна в Дагестане была построена руками грузинских мастеров.

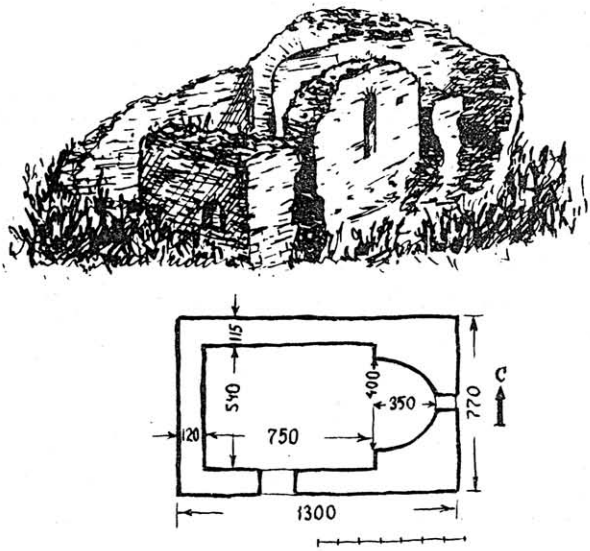
Только схема плана и резные каменные детали Тхаба-Ерды (рис. 47) указывают на связь с грузинской архитектурой. Строительная техника целиком местная, и не может быть сомнения в том, что эта постройка возведена местными мастерами в привычных для них приемах.

Но не совсем ясно, когда это было сделано. В Тхаба-Ерды был найден грузинский псалтырь XII века, под одной из стен храма находятся гробницы с инвентарем XI-XII вв. Возможно, в тот период и была воздвигнута эта постройка. Однако не исключено, что и позже. Дело в том, что конструкция в виде ложных арок с распорками не зафиксирована в какой-либо другой ингушской постройке, которая могла бы быть датирована ранее XIУ века.

То обстоятельство, что это сооружение возведено в местной строительной технике, но планировкой напоминает грузинские христианские храмы и оформлено архитектурными деталями явно грузинского происхождения, разные авторы объясняют по-разному. Так, еще в прошлом веке высказывалось мнение о том, что "церковь Тхаба-Ерды выстроена из материала разрушенного древнего грузинского храма" [3I]. Объясняют это также переделками и ремонтами, имевшими место на протяжении веков, в результате чего "в конце концов Тхаба-Ерды подвергся перестройке, придавшей ему типичные черты местного горского строительства" [I2]. Но если это так, то следует заключить, что храм был разрушен до основания и сооружен заново, ибо внутренние арки, на которых держится покрытие, возведены в местной технике с самого низа, от уровня земли. Такая реконструкция, если она имела место в средние века, была выполнена уж очень квалифицированно, ибо типичные черты грузинского храма (апсида, композиции из резных каменных деталей) оказались в должном виде и на своем месте. Кроме того, если бы нынешней постройке предшествовало сооружение грузинской архитектуры, то оно было бы возведено на извести и поэтому не могло бы быть разрушено или разобрано до основания. Основываясь на этих фактах, следует полагать, что этот храм изначально построен в таком виде, в каком он дошел до нас.

47. Архитектурно-декоративные детали Тхаба-Ерды

48. Развалины церкви Алби-Ерды у селения Таргим в Ингушетии (план по И.П.Шеблыкину[134г])

Резные каменные детали, украшающие постройку, выполнены в стиле средневековой грузинской архитектуры. Согласно преданию, они были доставлены из Грузии [83б]. Но последнее маловероятно. До Грузии отсюда все же далеко, причем дорога трудная, нужно преодолевать крутые подъемы через перевалы. Вряд ли на лошадях можно было перевезти резные камни, которых в этой постройке большое количество, причем некоторые из них довольно крупные. Скорее всего эти камни были изготовлены на месте резчиком из Грузии.

Легенда о доставке резных камней для Тхаба-Ерды из Грузии стоит в ряду подобных же легенд о доставке оттуда отесанных камней, из которых возведен Зругский храм в Осетии или о перевозке из-за хребта с помощью сверхестественных сил бревен для возведения осетинского святилища Реком, или, наконец, о том, что необычные каменные надгробия "саркофагообразного типа" в Дагестане, столь отличающиеся от распространенных здесь намогильных памятников в виде стел, доставлялись из стран ислама чудесным образом прямо по воздуху.

В вопросах датировки и обстоятельств строительства храма Тхаба-Ерды много неясностей. Пролить свет на них могло бы детальное исследование сооружения, с тщательной идентификацией различных фрагментов его кладки, искусствоведческим анализом резных каменных деталей, наконец с радиоуглеродным анализом древесины распорок.

В 1969 году была произведена реставрация этого памятника архитектуры (причем не вполне удачно: кровля устроена из современной желобчатой черепицы, хотя прежде храм был покрыт местными сланцевыми плитками).

В нескольких километрах от Тхаба-Ерды, у с.Таргим имеются развалины христианского храма Алби-Ерды (рис. 48), относящегося к той же эпохе, а севернее с.Таргим зафиксирована еще одна разрушенная средневековая церковь.

Внимание грузинских миссионеров, распространявших христианство в Ингушетии, было обращено на Таргимскую котловину, по-видимому, по двум причинам: этот район, в силу благосостояния его жителей, отличался от соседних более высокой культурой; кроме того, он расположен на одном из немногочисленных путей, ведших из Грузии. Причины те же, по

которым в Дагестане христианство получило распространение в центральной Аварии.

Вайнахи, жившие в горном районе по соседству с Грузией были обращены в христианство, вероятно, в начале XI в., в период энергичной деятельности грузинского царя Давида Строителя. Но христианизация их была поверхностной и недолговременной. Уже, наверное, в XIII-XIV вв., в период ослабления Грузии при нашествиях монголов и Тамерлана, они вернулись к язычеству. В XVII-XIX вв. вайнахи приняли мусульманство.

Среди аланов, являвшихся предками осетин, христианство имело широкое распространение. В западной Алании греческая епископия была основана византийскими миссионерами еще в V-VI вв.; здесь, в верховьях Кубани, имеются развалины храмов византийской архитектуры. Остатки зданий церквей VIII-X вв обнаружены также в Осетии, на месте, где находился один из главных аланских центров, город Джулат [57], и у с.Галиат - одного из селений Дигорского ущелья. По-видимому, под влиянием аланов христианство проникло и к хазарам: на территории Дагестана, на предполагаемом месте хазарского города Беленджер, обнаружены остатки двух зданий церквей и каменные кресты VII-VIII вв. [36].

Таким образом, христианство существовало еще среди предков осетин в раннем средневековье. Затем оно распространялось и поддерживалось со стороны Грузии, с которой Осетия имела многовековые культурно-политические связи. Поэтому в Осетии в средние века христианство было несколько более прочным, чем в Чечено-Ингушетии и Дагестане. Но вследствие уничтожения татаро-монголами и Тамерланом в XIII-XIV вв. основной части Алании и в связи с ослаблением Грузии, стало ослабевать христианство в горной Осетии, где оно было поверхностным и смешанным с язычеством. Часть осетин, в районах, подпавших под власть мусульманской Кабарды, была обращена в ислам.

В отдаленном высокогорном районе верховьев р.Ардон, близ границы с Грузией, население исповедовало христианство в более чистом виде, чем в остальной Осетии; здесь, кстати, нет обычных для Осетии языческих гробниц, захоронения производились по христианскому обряду. В этом районе есть

остатки старинных зданий церквей, построенных в стиле грузинской архитектуры или под ее влиянием.

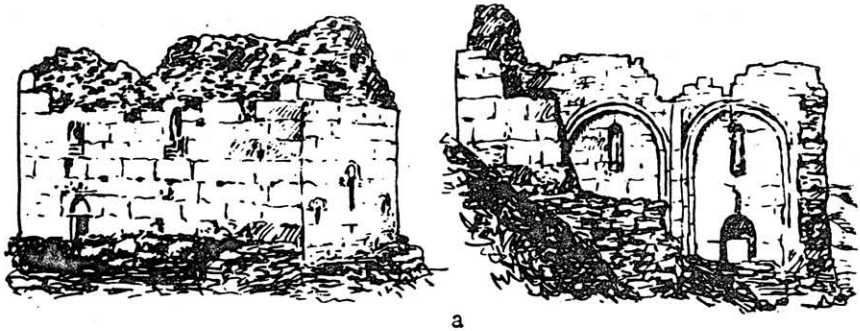
Наиболее значительная из них - находящийся в ныне необитаемом Зругском ущелье типично грузинский храм. Постройка полуразрушена: ее свод и две стены обрушились вследствие того, что река подмыла берег, на котором стоит сооружение.

Храм представляет собой однонефную базилику с апсидой, вписанной в прямоугольный контур плана (рис. 49). Габариты здания в плане: по данным И.А.Мамиева I3,07x7,85м, В.О.Долидзе - I3,3x7,8м, моим - I3,I6x7,87м.

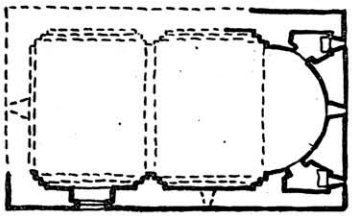
"Стены храма возведены способом забутовки пространства между внешними и внутренними облицовочными плитами. Заполнение произведено из боя того же строительного камня - известкового туфа на обильном известковом растворе. Это - обычная техника возведения грузинских культовых сооружений" [25а]. На фасадах из розовато-желтого туфа имеются резные рельефные детали. Свод был укреплен поперечными арками, опиравшимися на пилястры. Стены со стороны помещения покрыты штукатуркой; среди камней обрушившегося свода - куски толстой известковой обмазки и скупо орнаментированной лепки. В верхней части стен (со стороны помещения) в кладку заложены кувшины, служившие резонаторами звука. На белой штукатурке стен местами прослеживаются следы фресок, украшавших интерьер.

С западной стороны здания не было входа; входной проем устроен в южной стене. Расположение входа на южной стороне постройки соответствует древней устойчивой традиции кавказско-горской архитектуры и встречается в средневековых грузинских храмах [25г, I3I], хотя, согласно христианскому обычаю, вход в храм должен находиться с западной стороны.

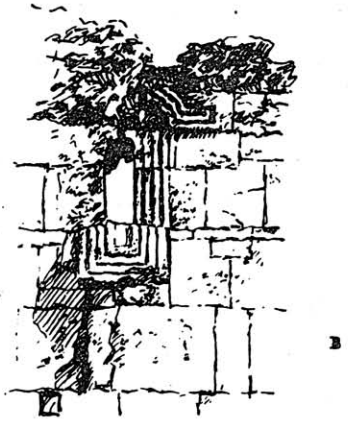
По обе стороны апсиды расположены небольшие камеры с окнами, сообщающиеся с основным помещением. В каждой из этих камер, под окном, на уровне подоконника, выступает консольно камень в виде столика. Вероятно, здесь ставились свечи при поклонении отдельным божествам или святым. Дело в том, что кавказские язычники (так же, как древние обитатели Передней Азии и Восточного Средиземноморья) поклонялись троице богов (откуда и происходит непонятная христианская Троица - "три бога в одном лице"). Это обстоятельство

а

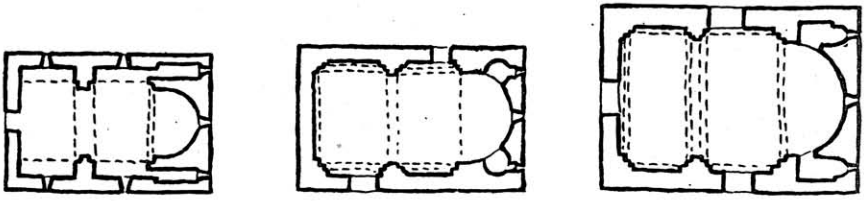

б

в

49. Развалины храма Девы Марии в Зругском ущелье, Северная Осетия:
а - вид сохранившихся стен с южной и северной сторон; б - план;
в - деталь фасада

50. Планы грузинских церквей конца X - начала XI вв.[25б]

отразилось на планировке раннесредневековых византийских и грузинских храмов, имевших три помещения, каждое из которых предназначалось для поклонения одному из трех богов, о которых в то время еще помнили христиане, не так давно бывшие язычниками.

По планировке здание храма в Зругском ущелье Осетии имеет аналогии среди грузинских церквей конца X - начала XI вв. (рис. 50); есть соответствия и в деталях. По этим признакам сооружение здания датируется началом XI века [25в]; время выполнения фресок относится к второй половине XII века.

В районе верховьев р.Ардон есть и другие постройки церквей. Одна из них находится близ покинутого селения Кесатикау (рис. 51). Большие проемы, лучковые арки и пристроенная с западного фасада звонница свидетельствуют о ее сравнительно позднем происхождении. Нижняя часть стен облицована крупными туфовыми плитами; видимо, храм первоначально был возведен грузинскими мастерами. Верхняя часть стен сложена (очевидно, при ремонте) в местной технике - из рваного камня на глиняном растворе.

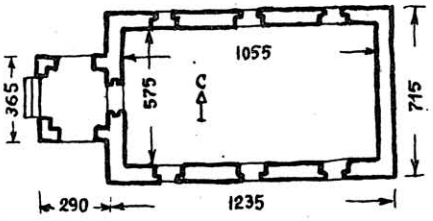
Во многих селениях горной Осетии имеются церкви XVII-XIX вв. в виде продолговатых зданий с двускатной крышей.

Здания святилищ в Осетии и Чечне

К XIII в. относится так называемая "часовня" в осетинском с.Нузал. Это небольшая прямоугольная в плане постройка, целиком выложенная из рваного камня на извести (рис.52). Покрытие устроено посредством ложного свода, внешние очертания которого образуют двускатную крышу; переход от стены к крыше на продольных фасадах отмечен выступающими в виде карниза тонкими шиферными плитками.

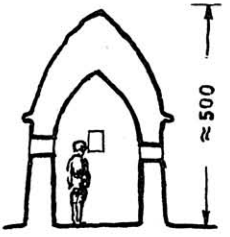
В помещении стены и свод покрыты грузинскими фресками христианской тематики (они плохо сохранились), на которых имеются грузинские надписи. Строительная техника, однако, свидетельствует о том, что постройка возведена местными мастерами, причем не в подражание грузинской архитектуре, а в соответствии с приемами местного зодчества. Теперь Нузальская "часовня" стоит, одинокая в своем роде, среди современной жилой застройки. Но посетивший ее сто лет тому В.Б.Пфаф

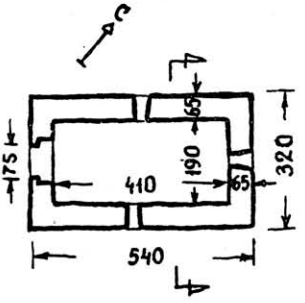

51. Здание церкви в Заккинском ущелье, Северная Осетия

52. Намогильная часовня в с.Нузал, Алагирский р-н СОАССР

сообщает: "Она похожа на гробницы, ее окружающие, так что на первый взгляд трудно определить, церковь это или гробница" [95].

Уже в XIX веке этой постройке придали значение церкви: обнесли ее деревянной оградой, повесили перед ней колокол. Вследствие этого, а также ввиду того, что интерьер ее был расписан фресками, подобными тем, которые можно видеть в христианских храмах, эту постройку стали именовать церковью или часовней.

В 1946 г. под полом помещения было обнаружено захоронение; предполагают, что здесь был похоронен Давид Сослан, второй муж царицы Тамары, осетин по происхождению. Но это и не гробница: в XШ в. в Осетии наземных гробниц еще не строили, а полуподземные гробницы того периода и наземные последующего являлись языческими склепами, в которых покойников клали открыто, не предавая погребению в земле.

В данном случае мы имеем дело с христианским захоронением, над которым возведен памятник в виде жилого дома (древний обычай у многих народов). Роспись интерьера фресками христианской тематики указывает, очевидно, на то , что помещение должно было использоваться в качестве поминального.

Замечание по поводу сходства этого сооружения с гробницами существенно: это - произведение местного зодчества, в принципе мало отличающееся от других, подобных ему. В свете этого можно провести определенную аналогию между храмом Тхаба-Ерды в Ингушетии и Нузальской "часовней" в Осетии: там декоративные детали выполнены грузинским мастером, но само сооружение возведено местными строителями в соответствии с традиционными приемами вайнахского зодчества; здесь постройка тоже сооружена местными мастерами, хотя ее интерьер расписан живописцами из Грузии. Ориентация торцевого входа в обоих случаях не западная, как это должно быть в христианском храме, а (несмотря на то, что оба здания стоят на ровном месте и рельеф не мог повлиять на их ориентацию) юго-западная, в чем, возможно, сказывается кавказская традиция ориентировать вход на солнечную сторону.

Исследователи конца XIX - начала XX вв. (В.Ф.Миллер, Л.П.Семенов и др.) считали, что двускатная крыша и продол-

говатый план ингушских и осетинских средневековых культовых построек отражают влияние грузинской архитектуры. Это, конечно, наивные суждения: такими чертами обладают и русская изба и японский дом.

Весьма почитаемое в Осетии святилище Реком тоже относится к местному зодчеству, в данном случае деревянному.

Реком - это комплекс, состоящий из двух строений: здания, называемого храмом св.Георгия, и небольшого сооружения, именуемого святилищем св.Марии.

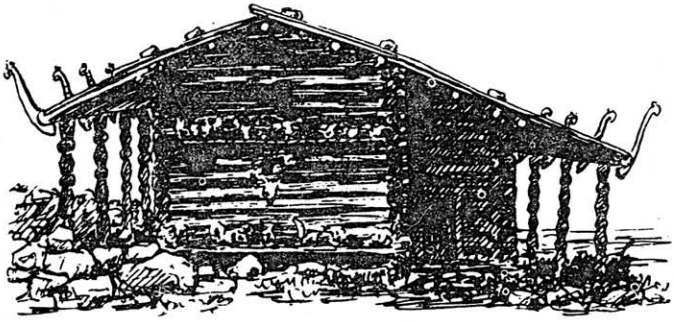
Здание представляет собой двухкамерную срубную постройку с двускатной тесовой крышей (рис. 53). Скаты пологой крыши продолжаются за пределы стен в виде навесов, опирающихся на столбы.

Срубы из бревен обычны для старого зодчества Кавказа, и в частности Осетии. Но некоторые архитектурные детали этой постройки - устройство карниза, формы деревянных столбов - нигде больше в Осетии и вообще на Кавказе не встречаются. В то же время они сходны с соответствующими деталями в деревянном русском зодчестве (рис. 54, 55). В деревянном зодчестве осетин и восточных славян есть и другие сходные элементы (рис. 56). Это, возможно, объясняется культурными связями между Русью и предками осетин аланами (именуемыми в русских летописях ясами) в домонгольский период, либо, что не исключено, более древними этнокультурными связями.

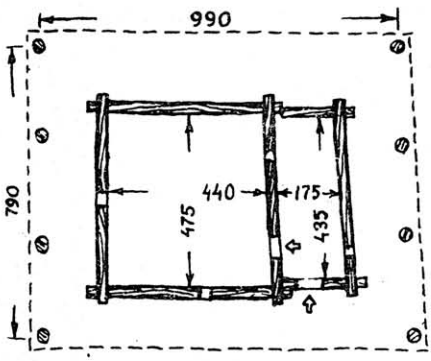
Путешественники и исследователи, ознакомившиеся с Рекомом в XIX в., увидели в его помещении иконостас и колокол с грузинской надписью, на дверях - железные кресты, узнали, что храм посвящен св.Георгию, - и решили, что это христианский храм.

Но иконы и колокол могли быть принесены в уже существующее здание, крест в данном случае - распространенный на Кавказе со II тыс. до н.э. языческий символ, а христианский св.Георгий - это весьма почитаемый на Кавказе языческий бог Солнца.

Реком находится в районе, близком к Грузии; сравнительно недалеко от него, в Наро-Зарамагской котловине, стоят храмы грузинской архитектуры. Реком - самое почитаемое культовое сооружение во всей Осетии. Непонятно, почему, в

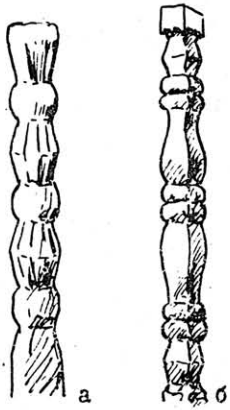

а

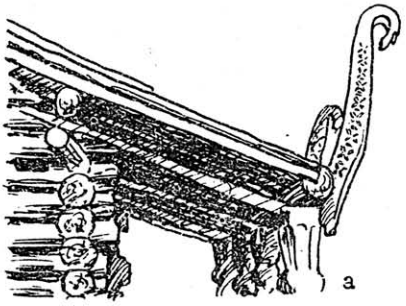
б

53. Святилище Реком в Сев̀рной Осетии:
а – общий вид; б – план

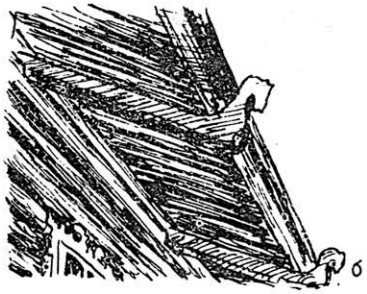

а б

54. Формы опорных столбов:
а – в осетинском святилище Реком; б – в русском деревянном зодчестве

а

б

55. Оформление свеса крыши: а – в осетинском святилище Реком;
б – в русском деревянном зодчестве

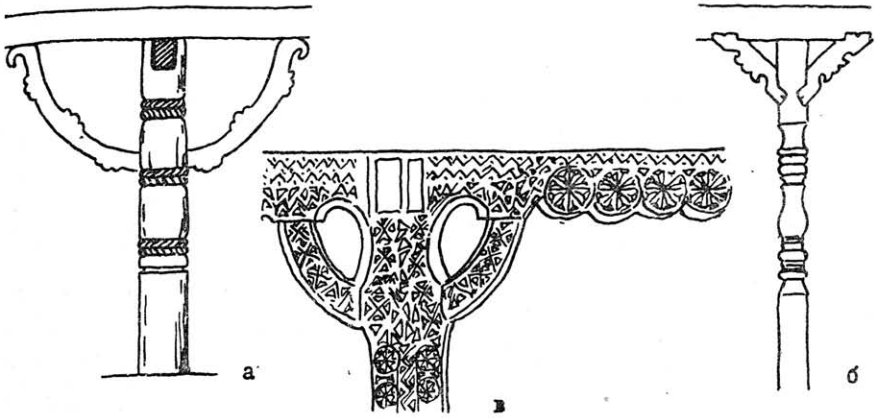
таком случае, этот храм, если он христианский, был возведен совершенно не в духе хорошо известных здесь христианских храмов.

На специальное ежегодное празднество, посвященное Рекому, не допускались женщины и дети. Основным жертвоприношением Рекому были бараны и быки белой масти. В качестве приношений храму особое значение имели железные вещи. Среди приношений, находившихся в помещении этого святилища, оружия (луков, стрел, наконечников копий и др.) больше, чем в других святилищах. В Рекоме мужчины, отправлявшиеся на войну, давали клятву верности друг другу на поле брани [65в]. В определенный день года всякий, кто в течение прошедшего года выдал дочь замуж, приносил в дар Рекому барашка [82].

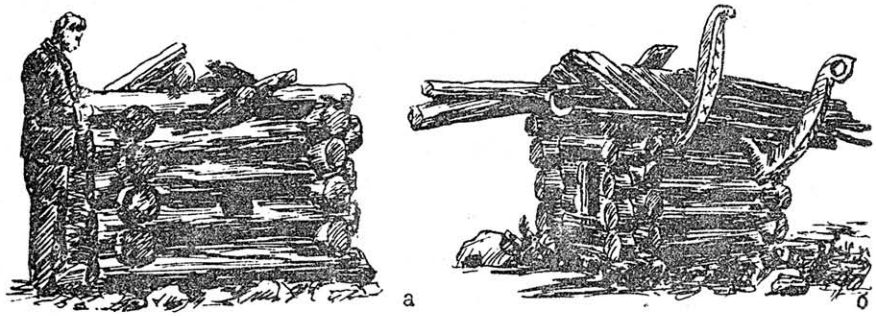
Все это не имеет никакого отношения к христианству, но прямо связано с языческими верованиями: патрон святилища был мужским божеством, покровителем воинов и охотников, а также мужского плодородия. Это должен был быть бог Солнца, с которым у древних народов Передней Азии и Кавказа связывались и белый цвет (солнечное сияние) и железные предметы (железо было даром огня, а бог Солнца был покровителем огня, в частности, кузнечного дела). Кстати, местность, где находится это святилище, в старину называлось "ущелье Солнца". Два сооружения Рекома явно были посвящены главным языческим богам древнего местного пантеона: богу Солнца и его супруге, олицетворявшей Землю.

"Интересно, что в Рекоме во время обрядовых молений обращались не к патрону святилища (св.Георгию), как это было в других культовых местах, а... к самому Рекому. Реком как в культовых обрядах, так и в абстрактных религиозных представлениях выступал как самостоятельный дух, как известный всем осетинам святой" [65б]. Он перечисляется в ряду наиболее популярных святых осетинского пантеона [82]. Праздник в честь Рекома устраивался не только в святилище Реком, его справляла каждая семья у себя дома. И наконец, святилищ под названием Реком много в разных местах Северной и даже Южной Осетии [65в]. Может быть, Реком - это древнее местное имя языческого бога Солнца?

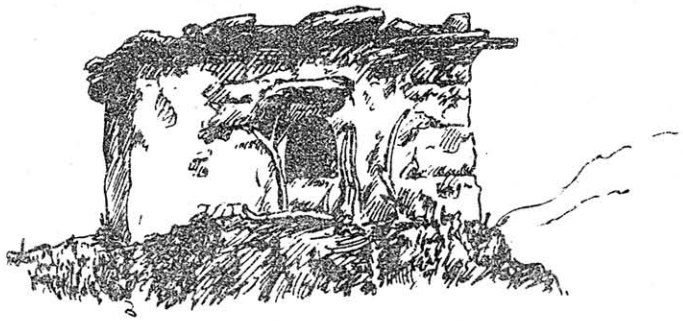
Так называемое "святилище св.Марии", находящееся рядом со "святилищем св.Георгия" вообще не может иметь ничего об-

56. Столбы с подкосами: а – на Севере России; б – в Закарпатье; в – в осетинском селении Цагат-Хинцаг (МА)

57. Святилище в комплексе Рекома: а – в 1965г; б – в конце XIXв.[139]

58. Святилище у с.Ц'амад, Алагирский р-н СОАССР

щего с христианством. Это небольшое сооружение, высотой около полутора метров, имеющее форму домика с такими же архитектурными деталями, как в большой постройке (рис. 57).

О времени возведения ныне существующего здания Рекома трудно сказать что-либо определенное. А.М.Дирр, посетивший святилище в начале XX в., без аргументации и ссылок пишет: "Реком основан в 1382 г." [24б]. В.А.Кузнецов, исходя из того, что колокол Рекома датирован 1680 годом, считает, что и постройка была возведена в то же время [56б]. А.Х.Магометов полагает, что здание было возведено в XIII в. [65а], хотя крайне сомнительно, чтобы деревянный сруб мог выстоять семьсот лет в дождливом и суровом климате горной Осетии, сравнимом с климатом Севера России. Радиоуглеродный анализ образца древесины, взятой из стен сруба, позволил бы объективно установить время его сооружения.

"Святилище св.Марии" не предназначено для доступа в него людей. Оно относится уже к особому типу святилищ - монументов, распространенных в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Но в этом ареале наряду со святилищами-монументами есть и святилища, представляющие собой здания, т.е. имеющие внутри пространство, куда могут входить люди. Нузал и Реком - постройки уникальные. Кроме них в Северной Осетии были, а кое-где еще есть, постройки языческих святилищ малоизвестные. Это элементарные строения, небольшие по размерам, недолговечные, непритязательные по архитектуре. По своей структуре и формам они не представляют канонического типа. Одни из них - глиноплетневые строения с двускатной тесовой крышей, другие - каменные с плоской земляной крышей (рис.58).

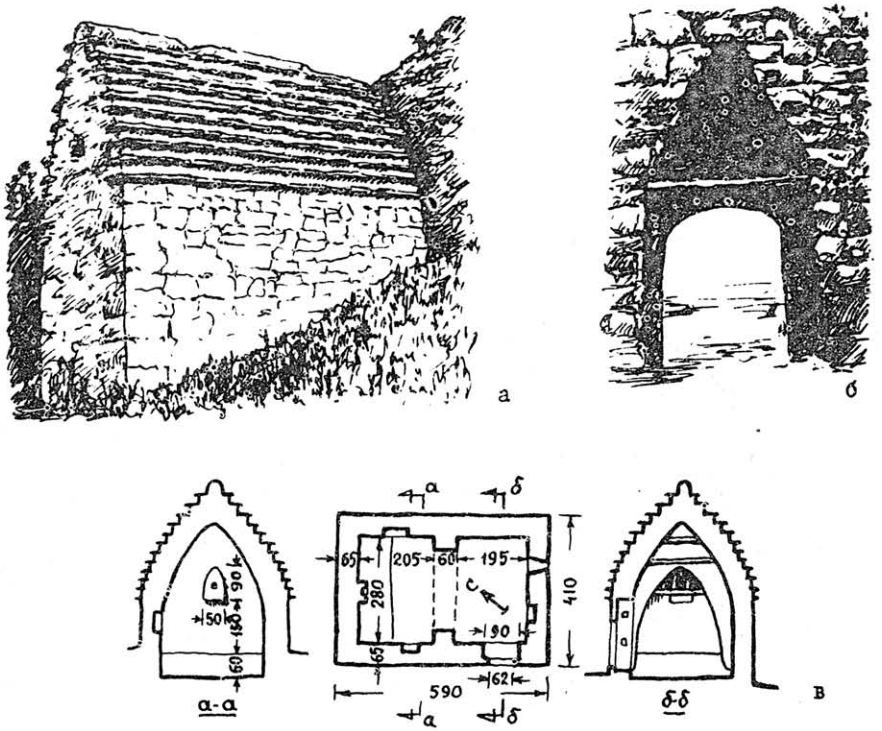
О святилищах в Чечне данные крайне скудны. Вероятно, построек этого рода там было меньше, чем в Ингушетии (косвенным подтверждением чему может служить то обстоятельство, что и в восточной Ингушетии, т.е. на территории, смежной с Чечней, зданий святилищ почти нет - см.рис. 65). Не исключено, что в Чечне, как и в Осетии, постройки святилищ были не капитальными и давно разрушились; забвению и разрушению старых построек в Чечне могло способствовать и то, что чеченцы раньше ингушей и более интенсивно переселялись из высокогорной зоны.

О полуразрушенном чеченском святилище близ с.Галанчож сообщает В.Ф.Миллер в 1880-х гг. [83в]. Оно представляло собой простую прямоугольную постройку размерами 2,5х8м. Б.Плечке в 1820-х гг. описывает руины святилища в с.Какадой [151d]. Согласно этому описанию, постройка имела внутри поперечную стену с дверью в ней, что сопоставляется с планировкой ингушских святилищ. М.Х.Ошаев в 1960-х гг. видел в 2 км от с.Джелашки, на г.Терлой-Лам, святилище, представляющее собой открытую лоджию: постройка размерами 3,5х3,2м в плане имеет с одной стороны проем шириной 2,2м; стены сложены насухо, крыша не сохранилась [93а].

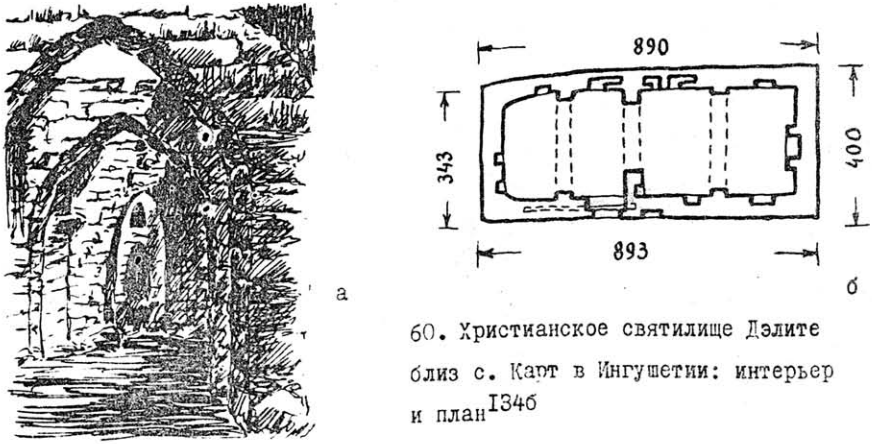
Здания святилищ в Ингушетии

Ингушские святилища наиболее примечательны среди святилищ северо-восточного Кавказа (рис. 59). Они представляют собой монументальные постройки размерами, в среднем, от 5х3 до 10х4,5м в плане при высоте (до гребня крыши) 3-5м; площадь помещения от 4 до 23 кв.м. Помещение в большинстве случаев делится одной, редко двумя-тремя поперечными ложными арками, не играющими конструктивной роли. Стены, толщиной в среднем около 0,5м, выложены из необработанных или грубо околотых, но тщательно подогнанных камней на известковом растворе. Поверхность стен покрыта известковой затиркой, производившейся в процессе кладки: в одних случаях она только заполняет углубления между камнями, в других образует сплошную штукатурку. Фасады окрашены в желтый охристый цвет. Продольные стены иногда имеют небольшой наклон внутрь. Покрытие выполнено двусторонним ложным сводом, образующим снаружи двускатную ступенчатую крышу. Со стороны помещения выступающие углы камней стесаны, так что получается ровная поверхность свода стрельчатого очертания. Уступы крыши, высотой около 20 см, покрыты каждый шиферными плитками, иногда с небольшим уклоном. Плитки, лежащие на верхнем уступе, прижаты уложенным на них коньковым рядом камней в виде гребня с полукруглым верхом.

Свод, устроенный напуском камней, держится благодаря тому, что нависающая кладка его боковых частей смыкается наверху. Чтобы свод не обрушился в процессе его возведения, в него закладывались распорки - поперечные балки, посредством

59. Святилище близ с.Баркин в Ингушетии: а - общий вид (с восточной стороны); б - вид на входной проем изнутри; в - план и разрезы

60. Христианское святилище Дэлите близ с. Карт в Ингушетии: интерьер и план[134б]

которых противоположные стороны нависающей кладки упирались друг в друга. Эти балки во многих случаях сохранились на своем месте до сих пор (см.рис. 59в).

Входной проем обычно арочный; арка ложная, высеченная из цельного камня, иногда же она состоит из наклонных камней, которые уложены наподобие клинчатых, но не образуют распора. Как и в башнях, проем оформлен аркой лишь со стороны фасада, а на остальную толщину стены перекрыт напуском кладки (см.рис. 59б).

Эти святилища в Ингушетии почитались местными жителями еще в XIX в., но с упрочением мусульманства утратили свое былое значение святынь. Как сообщал в 1920-х гг. краевед Л.П.Семенов, "к святилищам, опустевшим и заброшенным, местное население относится с полным равнодушием. За последние два-три десятилетия, по свидетельству стариков, святилища почти совсем забыты... Святилища обращены в загоны для скота или в склады для сельскохозяйственных принадлежностей" [103б]. К 1960-м гг. многие из них уже были разрушены.

Приведем сделанное в 1920-х гг. художником И.П.Щеблыкиным описание одного из крупных святилищ, Дэлите (рис. 60). "Стены сложены из дикого камня грубой обтески; угловые камни больших размеров, некоторые достигают до 1 м в длину при 0,5м в высоту; все остальные части стен сложены из камней меньшей величины, довольно правильными рядами. Кладка на известковом прочном растворе. Снаружи местами сохранилась штукатурка желтоватого цвета. Раствор, по-видимому, на извести, с добавлением крупнозернистого песка; штукатурка в изломах белого цвета. Толщина восточной и западной стен 0,74м, южной стены 0,42м (в проеме двери). Дверной проем с полуциркульной аркой.

Самая дверь была деревянная, из двух створок, открывавшихся внутрь, и запиравшаяся деревянным болтом, который ходил в канале, устроенном в толще стены. Вправо от двери на высоте 1 метра устроена ниша (0,36х0,35х0,40м).

Общая высота сохранившейся западной стены достигает 4,35м. Внутренняя часть постройки делится арками на четыре части, при этом средняя арка начинается от самого пола с выносом от стен 0,42 и 0,71 м, а две другие начинаются постепенным отходом от стен, так что основания их постепенно сли-

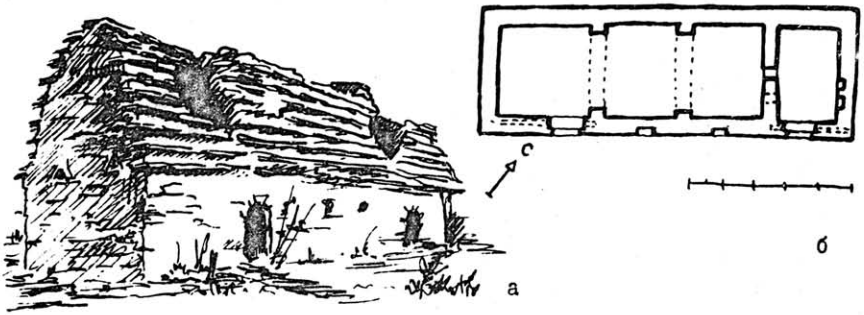
ваются с поверхностью стены. Высота всех арок от пола 2,60м; арки имеют стрельчатую форму; они образуются путем постепенного напуска камней, т.е. ложным сводом; перекрытие той же конструкции. Стены в углах на высоте 2 метров соединены между собой выступающими плоскими камнями, как в башенных сооружениях. Большая часть крыши рухнула и обломками камней загромоздила весь пол. В этой постройке поражает большое количество ниш, устроенных в продольных стенах и западной;ниши в некоторых местах расположены в три яруса; некоторые ниши с боковыми ответвлениями, тайниками, в которых хранились кресты, чаши и иной церковный инвентарь, что удалось установить в других подобного рода святилищах. В глухих нишах ставили свечи, что можно утверждать благодаря той копоти, которая покрывает некоторые из них. Восточная стена, в алтарной части, имеет оригинальное сооружение, напоминающее столпообразные святилища (см.рис. 76б). В данном случае столп имеет общую кладку со стеной. Внизу ширина его 0,98м, толщина 0,18м; постепенно кверху столп делается уже и заканчивается камнем, поставленным на ребро. В лицевой стороне столпа устроены три ниши.

Пол несколько ниже уровня земли и отделяется от наружного грунта высоким каменным порогом, с двумя внутренними ступенями. По стенам и аркам сохранилась штукатурка, наложенная очень тщательно; цвет ее белый" [134в].

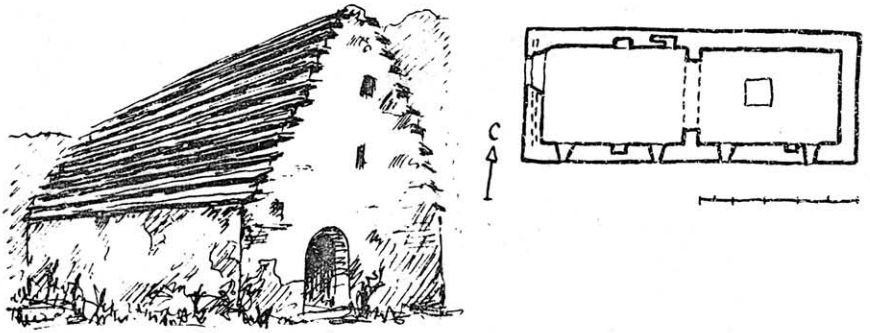
В Дэлите были предусмотрены ниши и тайники для хранения утвари. В храме Дзорах-Дэла (рис. 61) для этой цели имеется специальное помещение за восточной стеной, связанное с основным помещением двумя отверстиями (у пола и на высоте полутора метров).

В святилищах Дэлите и Дзорах-Дэла дверь находится в южной, продольной стене, хотя в христианских храмах принято располагать вход в западной, торцевой стене здания. Это, как и небольшие габариты входного проема (1,36х0,67), соответствует традиционным приемам горско-кавказского зодчества.

Три поперечные арки в Дэлите не одинаковы: средняя более выражена. Видимо, это сделано в соответствии с древней традицией местного зодчества - членить помещение на две части (об этом еще будет речь далее). Многие ингушские святилища имеют внутри поперечную стену, делящую помещение на

61. Христианское святилище Дзорах-Дэла близ с.Гадаборш в Ингушетии: а – рис. Н.М.Уствольской, 1938г. (УПФ); б – план И.П.Цеблыкина, 1928г.[134а]

62. Христианское святилище Маги-Ерды близ с.Салги в Ингушетии[104а, 134г]

63. Святилище близ с.Морч в Ингушетии[134в]

две части; она прорезана большим проемом, так что имеет вид арки. Примером могут служить святилища: Баркин (рис. 59), Маги-Ерды (рис. 62), Морч-Сели (рис. 63) и др.

Ориентация зданий ингушских святилищ различна: в одних алтарная часть находится у восточной стены (рис. 60-62), в других - у западной (рис. 64д-и). Такое различие в расположении столь существенной детали храмов вызывает вопрос об их конфессиональной принадлежности.

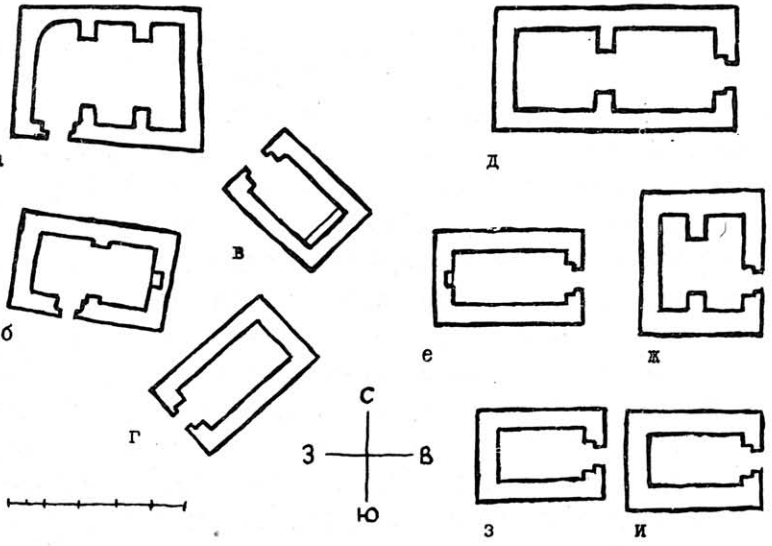
Христиане (по обычаю, заимствованному у язычников-солнцепоклонников) при молении обращаются лицом к востоку, поэтому в христианских храмах алтарная часть находится у восточной стены. Но язычники молились не в храмах. Они осуществляли свой молитвенный ритуал возле святилища, а не внутри него; они обращались лицом не условно по направлению к восходу, а к самому восходящему солнцу. Вероятно в связи с этим и в некоторых святилищах дверь расположена с восточной стороны, чтобы встретить первые лучи солнца.

Вообще расположение входа в ингушских святилищах неустойчиво. В некоторых он находится с южной стороны (рис. 64а,б); это допускалось и в христианских храмах Грузии, поскольку не мешало выполнению главного требования - расположению алтарной части в восточной стороне интерьера. В других ингушских святилищах расположение входного проема не строго западное (рис. 64 в,г). Это обусловлено трудностями четкой ориентации здания при постановке его на рельефе: на крутом уклоне поверхности земли постройку ставили либо вдоль склона, либо поперек (см.рис. 59), что определяло ориентацию здания.

Однако в большинстве ингушских святилищ вход ориентирован вполне четко: либо на запад, либо на восток; алтарная часть всегда расположена тоже определенным образом, либо у западной стены, либо у восточной (в единичных случаях с отклонениями).

Естественно предположить, что те святилища, в которых алтарная часть находится у восточной стены, являются христианскими, а те, в которых входной проем ориентирован на восток - языческими.

Если бы святилища второго типа представляли всего лишь стадию деградации христианских храмов в период упадка хри-

64. Планы зданий ингушских святилищ[134ж]: а – Галь-Ерды у с.Шуан; б – у с.Мецхал; в – у с.Дошхакле; г – у с.Эрзи; д – у с.Дошхакле; е – Мекал у с.Шуан; ж – у с.Кок; з – Бейни-Сели у с.Бейни; и – на горе Мат-Лам

стианства, то непонятно, чем было в таком случае вызвано изменение их ориентации на 180°. Вероятно, им, независимо от появления в Ингушетии в XII в. христианских храмов, предшествовала своя собственная традиция.

Другие же ингушские святилища определенно были христианскими. В некоторых из них была найдена церковная утварь; в Дзорах-Дэла (см.рис. 61) предусмотрено специальное помещение для утвари. В Маги-Ерды (см.рис. 62) имеется алтарь. В Галь-Ерды (см.рис. 64а) архитектурные детали выполнены в подражание христианскому храму Тхаба-Ерды. В Дэлите (см.рис.60) устройство трех арок, вероятно, было подсказано композицией христианского храма Тхаба-Ерды.

На фасадах Маги-Ерды и Дэлите изображены кресты с голгофой. Правда, кресты сами по себе еще не говорят о христианстве: крест (в том числе с голгофой) – древний языческий символ. У горцев Кавказа крест считался священным символом со II тыс. до н.э. и до XX в. н.э. (его порой можно видеть даже на стене мечети). В горной Чечено-Ингушетии имеются намогильные памятники в виде креста; при раскопках

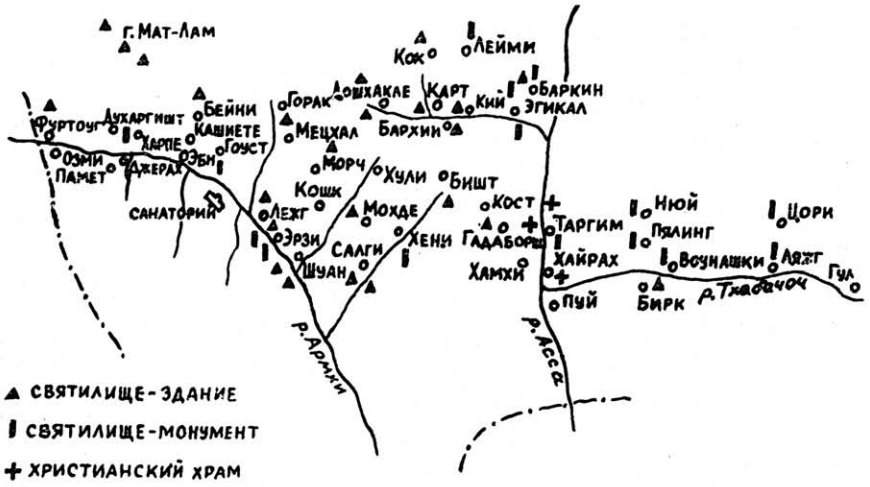
под крестом неизменно оказывалось мусульманское захоронение. Однако, в комплексе с другими признаками, наличие знака креста на некоторых ингушских святилищах может служить одним из признаков их принадлежности к христианскому культу.

Показателем этого может быть и величина некоторых святилищ. Одни из них (см.рис. 60-62) значительно обширнее других. Языческие религии, в отличие от монотеистических, в большинстве случаев обходились без храмов. Если же у них храмовые постройки имелись, то последние обычно предназначались не для того, чтобы в них происходило богослужение, а для культовых таинств, совершаемых жрецами, и для хранения культового инвентаря. Авторы прошлого века сообщают, что в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии никто, кроме жреца, в святилище не допускался [5,21,24а]. Поэтому постройки святилищ были небольшими.

Учитывая вышеприведенные рассуждения, можно, по-видимому, сделать вывод, что лишь некоторые ингушские святилища были христианскими, остальные же - языческими, причем нет оснований полагать, а тем более утверждать, что первые предшествовали вторым.

Генезис ингушских святилищ

Первые исследователи ингушских святилищ считали, что эти постройки возникли в подражание христианским храмам, - точнее, одному из них, а именно, Тхаба-Ерды [107, 134]. Но, во-первых, конструкции и формы этих святилищ свидетельствуют о сложившейся самобытной архитектуре этих сооружений. Во-вторых, ареал их сосредоточения не совпадает с районом, где находятся явные христианские храмы, Тхаба-Ерды и Алби-Ерды (рис. 65). В-третьих, эти христианские храмы располагаются в долине, на местах, обозримых со всех сторон (что относится также к храмам Датуна, Зруг и др.), а ингушские святилища - на возвышенных, труднодоступных местах, на вершинах или крутых склонах гор. В-четвертых, габариты помещения, ориентация алтарной части и расположение входных проемов большинства построек святилищ свидетельствуют, что они являлись языческими и что их строители исходили не из христианской, а из иной культово-архитектурной традиции.

65. Карта локализации святилищ разных типов в Ингушетии[86в]

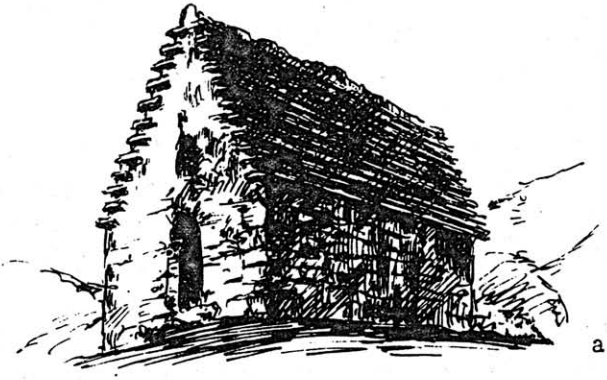
66. Святилище у с.Муцо, северная Хевсуретия. Рис. Н.Фукина, 1938г. (УПФ)

Современные исследователи-археологи резонно возражают против представления о том, что постройки святилищ в Ингушетии возникли под влиянием христианских храмов [52в, 87а].

Формы ингушских святилищ, за исключением некоторых частностей, не связаны с культовой архитектурой Грузии. Вообще грузинское зодчество оказывало некоторое влияние на архитектуру Ингушетии, но не определяющее. Например, вайнахами, как и осетинами, было воспринято из Грузии умение изготовлять известковый раствор и вести кладку на нем. Желтая окраска ингушских средневековых построек, по-видимому, обязана своим происхождением тому факту, что в культовом строительстве Грузии применялся туф желтого цвета (впрочем, в обоих случаях желтый или красноватый цвет мог изначально символизировать солнце, которое считалось главным божеством у язычников на Кавказе). Сама же форма ингушских святилищ, по всей вероятности, восходит к структуре и облику предполагаемого местного жилища, которое в средние века сменилось башенным и не дошло до нашего времени.

В северной Хевсуретии, близ границы с Чечней, есть покинутое селение Муцо (его жители были вайнахами). В этом селении была зафиксирована постройка святилища в виде дома с лоджией перед входом (рис. 66). Святилище с лоджией есть и в Ингушетии, близ с.Бирк [86ж]. Эти факты могут быть трактованы как перенесение в культовую архитектуру приема из практики строительства жилищ, поскольку устройство лоджии перед входом - широко распространенный обычай домостроительства, применявшийся еще в древности и на Кавказе, и в Азии, и в Европе. Но имеются и другие данные, свидетельствующие не просто о перенесении приемов из одного архитектурного типа в другой, а о генетической связи этих типов.

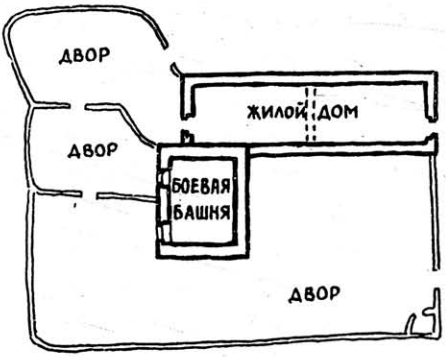
На горе Мат-Лам (Мат-Хох) на высоте 3000м находится святилище Мат-Сели, весьма почитавшееся жителями окрестных селений. Как и другие ингушские святилища, оно имеет вид домика с двускатной крышей ступенчато-гребенчатого профиля, которая перекрывает помещение ложным сводом (рис. 67). Размеры постройки в плане 7х3,6м, высота около 5м. Внутреннее пространство членится поперечной стенкой с большим, стрельчатого очертания проемом прохода. Судя по названию святилища, оно было посвящено богу-громовержцу Сели. О том, что

67. Святилище Мат-Сели в Ингушетии[135в]: а – общий вид; б – продольный разрез; в – план

68. Святилище у с.Лмга, Хевсуретия. Рисунок прошлого века[148а]

69. План усадьбы в чеченском с. Барха[122ж]

это не христианский храм, свидетельствует и его планировка. Постройка ориентирована в направлении восток-запад, но в обоих ее торцах устроены двери.

Это не единственное на северо-восточном Кавказе святилище, имеющее входы с двух противоположных сторон (рис. 68), следовательно, такое решение не случайно.

Подобную планировку имели некоторые жилища в Чечено-Ингушетии (рис. 69). Известно, что прообразом форм культовых сооружений у всех народов обычно являлись жилые постройки. По-видимому, это имеет место и в данном случае: ингушские святилища строились не в подражание грузинским храмам (с которыми они не имеют ничего общего ни по планировке, ни по архитектурным формам), а по образцу местных жилищ, не дошедших до нашего времени.

Два входа в небольшой однокамерной постройке - деталь странная на первый взгляд, но она встречается и в других случаях.

В некоторых дагестанских мечетях устроены две входные двери, расположенные рядом (селения Калакурейш, Каракюре, Тама). Мечети с двумя дверьми на фасаде имеются в Средней Азии [62а] и Иране [144в]. Два входа в здании мечети (и даже христианского храма - например, в Грузии) использовались для раздельного прохода мужчин и женщин; может быть поэтому в храмах Датуна и Тхаба-Ерды два входа. Но если бы существовало такое предписание, то два входа делали бы всегда; между тем, они в зданиях церквей и мечетей встречаются лишь иногда. Вышеуказанное использование двух входов в культовых постройках - это именно уже использование решения, а не его происхождение. Прием этот перенесен из практики строительства жилых домов.

Жилища, представляющие собой одно помещение с двумя входами, встречаются в Закавказье [92] и Средней Азии [62б]. Это могли быть входы хозяйственный и "чистый" (соответственно: для женщин и для мужчин). У горцев Кавказа однокамерное жилище разделялось на хозяйственную и "чистую" (т.е. женскую и мужскую) половины. В Дагестане встречаются жилища, хотя и с одной дверью, но с двумя каминами; расположение каминов не позволяет сделать вывод, что дом был построен для двух отдельных семей, которые должны были жить в одной комнате.

Вряд ли следует сомневаться в том, что это - очаги хозяйственной и "чистой" (женской и мужской) половин помещения.

Две наружные входные двери имело главное жилое помещение старинного западно-грузинского жилища: "одна из них служит входом, а вторая выходом в хозяйственный двор" [15а]. Представление о разной роли двух входов в дом приводило иногда к следующему курьезному обычаю. У хевсуров дом обычно двухэтажный, с люком в перекрытии для сообщения. "Нижний этаж, где помещаются семейство и скот, имеет одни двери, через которые мужчинам не прилично входить. Они спускаются туда по лестнице в отверстие из верхнего этажа, составляющего род сарая или сенника, в котором стоит кровать хозяина дома" [32а]. Аналогичным образом и осетины "живут в каменных дымных двухэтажных саклях с башнями... Внизу помещается скот, а люди за перегородкой; выходят же по приставным деревянным лестницам через верхний, с одной стороны открытый, этаж" [32б].

Таким образом, привходная лоджия и два входа в некоторых зданиях ингушских святилищ - детали, которые, вероятно, являются рудиментарными и свидетельствующими о происхождении формы этого типа культовых сооружений от древнего жилого дома. Конечно, этих данных недостаточно, чтобы считать такой вывод безусловным. Но, как мы увидим далее, северокавказские средневековые гробницы, будучи сходны с ингушскими святилищами, тоже имеют немало детей, характер которых дает основания предположить происхождение и этих построек от жилого дома.

У всех народов храмы, как бы ни были своеобразны их формы, генетически связаны в конечном счете с жилищем (поэтому, например, в Древней Греции храм назывался "домос", т.е. дом, а русское слово "храм" одного корня с "хоромы", т.е. жилые помещения). В горах Кавказа, как и у других народов, строение жилища тоже давало изначально форму культовым постройкам. Это происходило потому, что первоначально жилища, почитаемые в силу тех или иных обстоятельств, превращались в святилища. Например, этнограф Л.Чибиров пишет: "Во время неоднократных поездок по горной Осетии мне приходилось слышать от местных жителей, что та или иная башня священна, ее почитают как святилище" [130].

Вероятно, в древности в горах Чечено-Ингушетии существовали жилища, имевшие форму, которая оказалась запечатленной в облике каменных святилищ: продолговатые в плане, с крутой двускатной крышей, подразделенные внутри на два помещения поперечной стеной с проемом.

Подобные жилые постройки могли быть каменными. В странах Средиземноморья (в Греции, Югославии, Италии, Южной Франции) известны жилища с каменной крышей в виде ложного свода; некоторые из них, с лоджией перед входом (см.рис. 100), напоминают упомянутое святилище с лоджией в Хевсуретии (см.рис. 66).

Святилища-монументы

В Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и соседних с ними районах Северной Грузии известны сооружения святилищ в виде монументов (т.е. без помещения внутри); в археологической и этнографической литературе они именуются "столпообразными". Это сооружения вертикальных пропорций (высотой 1,5-3м), с одной или двумя нишами на фасадной стороне, обычно с венчанием наподобие двускатной крыши или фронтона. Эти сооружения имеют вид как бы макета дома (рис. 70,71).

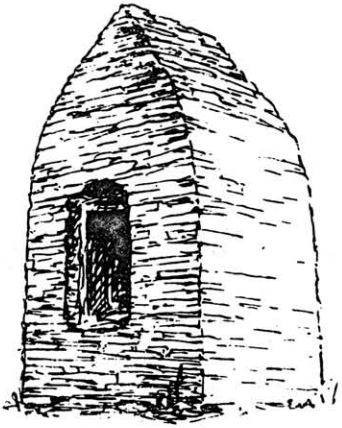
У некоторых ингушских монументов венчание имеет ступенчато-гребенчатую форму (рис. 70,72). Видимо, последняя бытовала и в Чечне, судя по тому, что была известна в соседнем с Чечней районе Дагестана (рис. 73). Теперь как-будто нет монументов с таким венчанием в Северной Осетии, однако, автор конца прошлого века сообщает, что там были "обелиски с чешуйчатыми крышами" [118в].

Некоторые из святилищ-монументов имеют камеру внутри, но она слишком мала, чтобы в ней мог поместиться человек, да и проем слишком мал, чтобы можно было через него проникнуть внутрь [134а]. Обычно такое святилище представляет собой массив без полости внутри, с одной или двумя нишами на лицевой стороне (рис. 74). Нижняя ниша больше верхней и зачастую находится на уровне земли (рис. 75) (не имитируют ли эти ниши дверь и окно в торцевой стене дома?).

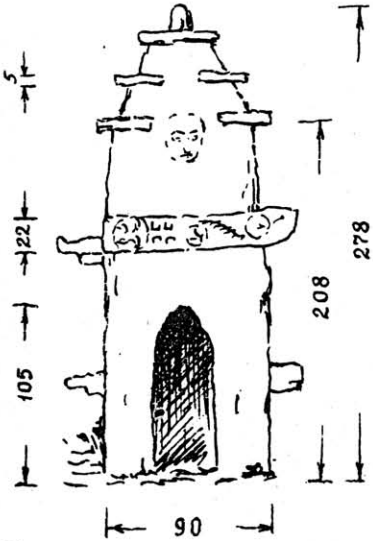
Святилища-монументы, сходные с ингушскими, отмечены в Чечне [39б]. Одно из них, у с.Туга, описывает Б.Плечке [151d]. Сооружение, "почти не отличающееся от святилища в Эрзи"

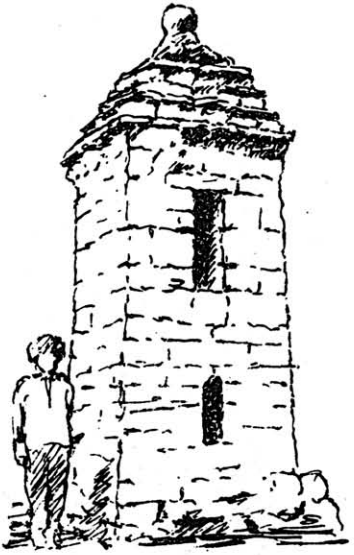
70. Святилище-монумент у с.Таргим, Ингушетия (МА)

71. Святилище-монумент у с.Тапанкау, Северная Осетия

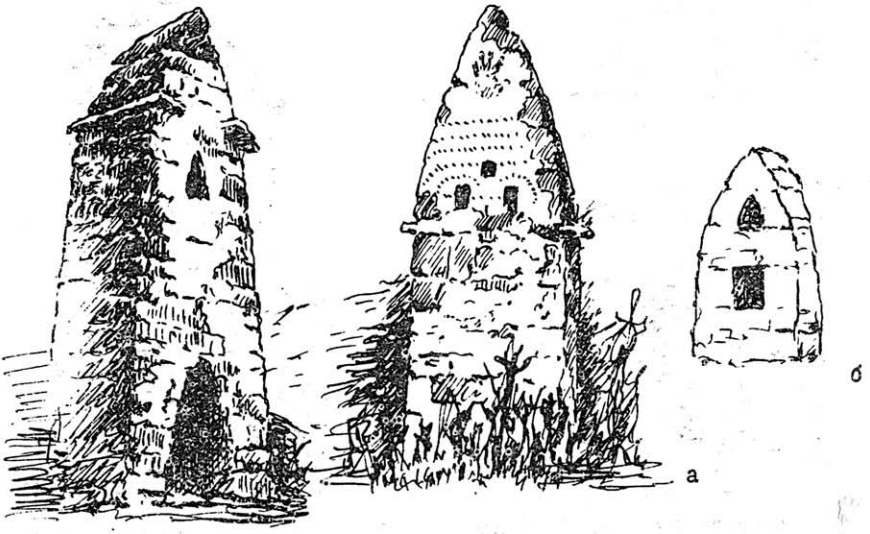
72. Монумент у с.Ной, Ингушетия. Фасад по В.Б.Миллеру[83и], размеры по Л.П.Семенову[103к]

73. Намогильное сооружение в с.Карата, Ахвахский р-н ДАССР[85]

74. Святилища-монументы: а - в Северной Осетии; б - в соседнем районе Грузии (Хеви)[70в]

75. Святилище у с.Эрзи, Ингушетия[134д]

76. Стела у с.Лац в Северной Осетии (а) и алтарь в некоторых ингушских святилищах (Морч-Сели, Галь-Ерды, Баркин и др.)

(см.рис. 75), стоит в районе замка Моцарой; оно построено "из плотного серого плитняка. С фасадной стороны, обращенной на юг, имеется стрельчатая ниша... Сложены стены на растворе извести с примесью тонко измельченного глинистого сланца... Стены святилища со всех сторон оштукатурены тонким слоем глины и выбелены известью с примесью желтоватой охры. Кровля ступенчатая... Высота святилища 2,3м. Высота ниши 116см, глубина 40см. Святилище в плане квадратное - 93х90см" [93б].

О святилищах-монументах в Чечне меньше сведений, чем о сооружениях такого рода в Ингушетии. Может быть, их здесь и было меньше; может быть, они здесь раньше подверглись разрушению; может быть, сказывается малоизученность территории Чечни в этом отношении.

Такие "столпы" в Ингушетии называются "сиелинг", из чего видно, что они посвящались богу-громовержцу Сели (он же бог солнца). По некоторым свидетельствам, они ставились там, где ударяла молния. Сооружения в виде обелисков или стел в Осетии зачастую поставлены в память умершим [47б]. Вообще же святилища-монументы в Чечено-Ингушетии имели примерно такое же назначение, как и святилища-здания: возле них справлялись праздники, они являлись объектами религиозного поклонения.

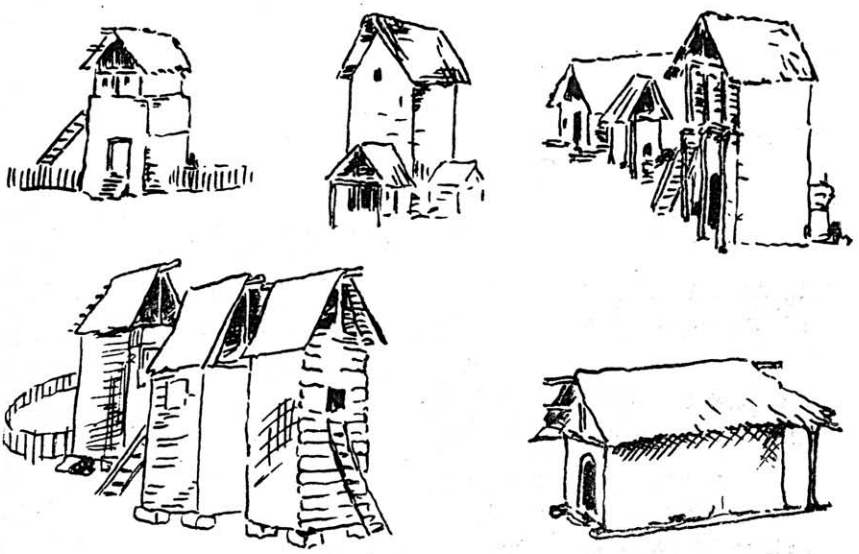
Автор конца прошлого века так описывает культовое действо ингушей-язычников в бывшем христианском храме Алби-Ерды: "Туземцы справляли прежде "тушол", т.е. туда собирались окрестные жители, приносили жертвы и пировали. От Алби-Ерды поклонники шли затем к другому небольшому каменному сооружению, напоминающему по форме обыкновенный чеченский могильный памятник, но украшенному рогами и имеющему в одной из стен небольшую нишу... Этот памятник назывался Аушасел" [83а] (см.рис. 70).

Подобным же образом осетины справляли "кувд". В нише святилища Хохы-Дзуар (см.рис. 71), при осмотре его в 1973 г. находились: небольшой колокол с христианской эмблематикой, икона, оленьи рога, цепь для подвешивания котла, топорик, шампуры для приготовления шашлыков, стаканы и рюмки, деньги.

Есть святилища-монументы не массивные, а плоские, в виде стелы (рис. 76а); такая стела имеет вид торцевой стены дома. Стеловидные монументы устраивались иногда и в зданиях

ингушских святилищ (см.рис. 59, 60), где они, будучи размещены у алтарной стены, играли роль как бы иконы или священного символа (рис. 76б). Эта деталь выполнялась одновременно с возведением здания, поскольку связана кладкой с его стеной или, точнее, устроена в виде выступа на поверхности стены. Следовательно, тип святилища-монумента должен считаться более ранним по отношению к типу святилища-здания. Одно это обстоятельство опровергает наивные схемы краеведов относительно происхождения ингушских святилищ, которые якобы первоначально представляли собой заимствование от христианских храмов Грузии, а затем уменьшались, упрощались и дошли до типа святилища-стелы. Кроме того, представление о том, что архитектура ингушских святилищ развивалась по нисходящей, являясь слабым отблеском культовой архитектуры Грузии, не согласуется с тем фактом, что в то же время в Ингушетии строили замечательные по своим конструктивным и эстетическим достоинствам боевые башни. Наконец, святилища в виде небольшого сооружения без внутреннего пространства, с нишами на фасаде, с венчанием в виде двускатной или ступенчато-пирамидальной крыши, распространены на значительной территории северо-восточного Кавказа, в том числе и в таких местностях, где нет святилищ в виде постройки с внутренним помещением (см.рис. 65). Помимо Ингушетии, Чечни и Северной Осетии, святилища-монументы есть в Южной Осетии [103г, 134з], Хевсуретии [71б], Пшавии [68], Хеви [70в], Дагестане [124]. Описывая сооружения этого типа в Чечне, Б.Плечке отмечает наличие и на Памире святилищ в виде массива с нишей на фасаде [141].

Многие из северокавказских святилищ-монументов имеют облик, напоминающий скульптурные изображения жилых домов. Вероятно, их прообразом были дома с жилым помещением внизу и хозяйственным наверху. Судя по зарисовкам XVII в., жилища такого типа существовали тогда в Грузии. На рисунках того времени показаны жилые постройки, каких теперь в Грузии нет: ярусные, "столпообразные" (рис. 77). Некоторые из этих жилищ имеют на фасаде только один проем - вход на уровне второго этажа; у других первый этаж является жилым, а второй служит хозяйственным помещением; есть также изображения одноэтажных домов с проемом в щипцовой стене над дверью - наверное,

77. Грузинские жилища по зарисовкам XVII в.[151е,17а]

для выхода дыма. Вероятно, подобные жилые постройки бытовали когда-то в горах северо-восточного Кавказа, и они послужили прообразом для местных языческих святилищ.

Глава 4. ЯЗЫЧЕСКИЕ ГРОБНИЦЫ

Ареал и период распространения

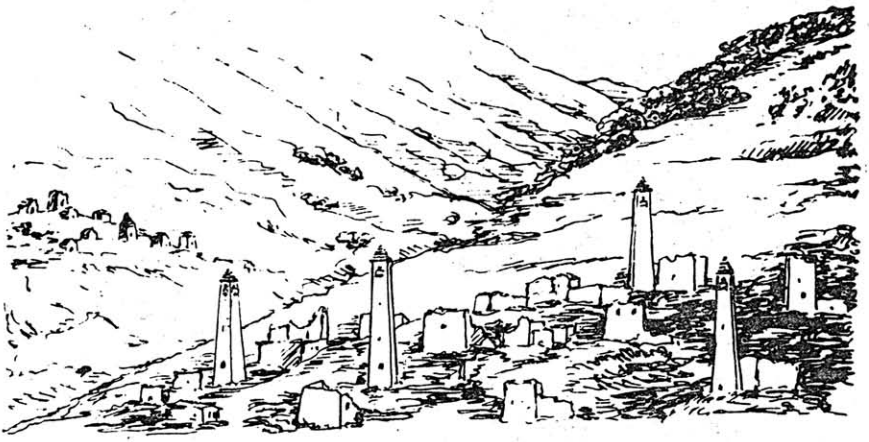
В горной зоне центрального и северо-восточного Кавказа сохранилось много средневековых гробниц-склепов. Это подземные, полуподземные или наземные сооружения с помещением, в которое клали покойников.

"Около каждого горского аула на видном месте взору путешественника представляется как бы другой аул из домиков меньшего размера - местный некрополь" [83г] (рис. 78). Особенно впечатляющи некрополи у селений Даргавс в Осетии (рис. 79), Васеркел (Фарскалой) и Цайн-Пхеда в Чечне (рис. 80), Тумгой в Ингушетии, на которых находится по нескольку десятков гробниц.

В Осетии иногда гробницы расположены внутри селения, вперемежку с жилыми домами (селения Куртатинского ущелья); их в данном случае размещали согласно обычаю (существующему и в Грузии), по которому умершего хоронили на родовом земельном участке.

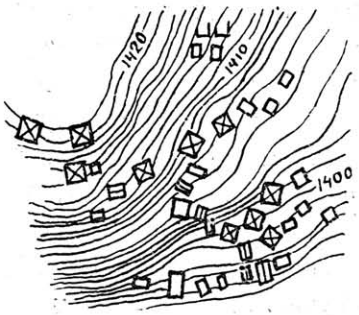
В каждой гробнице хоронили умерших, принадлежавших к определенной фамилии. В некоторых селениях имелась гробница для безродных и неместных, построенная на общественные средства. Гробницы использовались на протяжении столетий, поэтому в них накапливались останки большого числа покойников.

Основным ареалом бытования средневековых гробниц-склепов на Кавказе является горный район Северной Осетии, Ингушетии, западной и центральной Чечни. Имеются средневековые гробницы на Северном Кавказе и за пределами этой территории: восточнее ее - в Дагестане, западнее - в Балкарии и Карачае, южнее - в северных районах Грузии.

78. Селение Таргим в Ингушетии; слева – некрополь

79. Некрополь у с.Даргавс в Северной Осетии (план по материалам СОИМ)

а б

80. Некрополи в Чечне: а – Васеркел или Фарскалой (по Б.Плечке)[75б]; б – Цайн-Пхеда (по В.Марковину)[79б]

Распространенность гробниц тех или иных типов различна; различно и время их бытования в разных местностях.

Подземные гробницы в период раннего средневековья были распространены по всему Северному Кавказу, от Дагестана до Карачая, но неравномерно: их мало на восточной и западной периферии этой территории, а на южной (т.е. в Северной Грузии) вообще нет. Последовавшие за ними полуподземные гробницы, за немногими исключениями, бытуют уже только в Северной Осетии, Ингушетии и Чечне (кроме ее восточной части). Еще более поздние, наземные гробницы распространены в основном на этой же территории; западнее Осетии, в Балкарии, наземные гробницы, имеющие такие же формы, как и склепы в соседней Осетии, преимущественно являлись не склепами, а мавзолеями [80в].

Есть погребальные сооружения типа наземных склепов еще западнее, в Карачае (верховья Кубани), но по своим формам они отличаются от гробниц Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, и их датировка (конец IУ–XI вв., иногда до XIIв.

[54а]) расходится с временем бытования вайнахо-осетинских (XIУ-XIX вв.), поэтому те и другие, по-видимому, не могут быть объединены в одну культурно-типологическую группу сооружений (вообще же склепы Балкарии и Карачая в архитектурном отношении не изучены, и для их идентификации необходимы дополнительные исследования).

Горцы Северного Кавказа перешли к обряду погребения покойников в гробницах-склепах в период раннего средневековья. До этого здесь хоронили умерших в так называемых "каменных ящиках" - одиночных могилах, обложенных и перекрытых каменными плитами. В одних местностях (Ингушетия и основная часть Северной Осетии) обычай устройства фамильных усыпальниц вытеснил прежний способ одиночных захоронений в земле, в других он сосуществовал с ним, в третьих не привился совсем.

В крайней западной части Северного Кавказа (верховья Кубани) и в крайней его восточной части (Дагестан) этот погребальный обряд начал практиковаться раньше, чем на основной территории своего региона (Чечено-Ингушетия и Северная Осетия), но в обоих случаях не стал общепринятым и раньше был оставлен; в Дагестане, как и в верховьях Кубани, гробницы-склепы бытуют в У-XI вв. В Чечено-Ингушетии и Северной Осетии переход к погребальному обряду открытого трупоположения в коллективных гробницах-склепах был массовым; в Северной Осетии он происходил около IX-X вв., в Ингушетии - около XII в., в Чечне - около XIII в.

В Чечне глубинный высокогорный район, соседний с горной Ингушетией (верховья рек Чанты-Аргун, Фортанга, Гехи) изобилует склеповыми могильниками XIII-XУШ вв. Но в зоне, прилегающей к северу и к востоку от этой местности, гробниц уже мало, а в восточной части горной Чечни их уже вообще нет [I22д]. Предположить, что языческие гробницы в данном случае были уничтожены с принятием мусульманства, нельзя, так как здесь не обнаружено не только наземных гробниц, которые могли бы быть разрушены, но также подземных и полуподземных. В XIII-XУШ вв., т.е. в период, когда обычай захоронения в семейных склепах широко практиковался в Северной Осетии, Ингушетии и западной Чечне, в восточной Чечне покойников хоронили в земле, в одиночных могилах. Исследователи отмечают, что в восточной части Чечни погребения в

земле, обычные для древней эпохи, продолжали практиковаться "с эпохи раннего средневековья и вплоть до утверждения здесь мусульманства" [119б].

В срединной Чечне в эпоху средневековья бытуют одновременно оба типа захоронений, о чем свидетельствует наличие на одних некрополях и гробниц и каменных ящиков с синхронным инвентарем [76б]. Нередко в Чечне (как и в Балкарии) постройка, подобная гробнице-склепу, сооружена над погребением в земле (наземное внутреннее пространство такого сооружения не предназначалось для помещения в него покойников, как то делалось в склепах, следовательно, гробница в данном случае является мавзолеем). Среди гробниц эпохи средневековья в Чечне, насколько известно, нет подземных, потому что гробницы там, очевидно, вообще появились после XI в., когда подземных уже не сооружали.

В Северной Осетии в средние века хоронили покойников в склепах почти повсеместно - но все же не везде (например, район верховьев р.Ардон, где живут те же осетины). В других местностях Осетии, где обряд захоронения в гробницах был господствующим, он все же не был единственно признанным у местного населения. Об этом свидетельствуют и многочисленные намогильные памятники средневековой поры [47], и вскрытые погребения в земле [105а]. В горной Осетии, например, у селений Архон, Даргавс, Дзивгис, Цимити, известных своими гробницами-склепами, есть могильники с каменными ящиками XIII-XV вв. [78].

В Юго-Осетии, заселенной осетинами в эпоху позднего средневековья, гробниц меньше по сравнению с Северной; кроме того, здесь нет подземных гробниц [22].

Наземные гробницы, подобные чечено-ингушским и осетинским, имеются на территории Хевсуретии, примыкающей к Чечено-Ингушетии [127б]. Общее число гробниц в Хевсуретии невелико и покойников в каждой из них немного. Очевидно, лишь какая-то часть местных жителей соблюдала обряд открытого трупоположения. Судя по состоянию одежды покойников, захоронения в них прекратились лет сто тому назад [113, 150]. Склеповые гробницы встречаются, помимо Хевсуретии, и в других горных районах Северного Кавказа, входящих в состав Грузии: Тушетии [44], Хеви [70б].

В Дагестане обнаружено несколько подземных и полуподземных коллективных усыпальниц периода раннего средневековья. Средневековые гробницы во всем Дагестане единичны и находятся большей частью не в высокогорных местностях, а в предгорьях. Они относятся к типу подземных или полуподземных, имеют плоское покрытие, стены их сложены без применения извести. Обряд открытого трупоположения в семейных гробницах, проникший в средние века в Дагестан, не закрепился здесь. Это касается и глубинных районов, где ислам (который мог бы препятствовать практикованию этого языческого обряда) утвердился лишь в XУ в.

Н.Б.Бакланов, посетивший Дагестан в 1920-х гг., описывает гробницы, аналогичные вайнахо-осетинским [6]. Но это, по-видимому, следует счесть недоразумением. Таких гробниц здесь никто не видел из исследователей ни до, ни после, и о них ничего не могут сообщить местные жители.

Первые исследователи северокавказских гробниц датировали их следующим образом: подземные У-IX вв., полуподземные IX-XIУ вв., наземные XIУ-XУП вв.; данная хронология отражает и эволюцию гробниц [103д]. Современные археологи в основном принимают эту датировку, с той, однако, поправкой, что типы гробниц не всегда строго заключены в соответствующие хронологические рамки: с каждым последующим типом не прекращается бытование предшествующего, они сосуществуют. Так, в подземных находят вещи и XIУ в., а полуподземные используются наряду с наземными до XУШ-XIX вв. [86г].

В Чечено-Ингушетии, в связи с утверждением здесь мусульманского культа, требующего погребения умерших в земле, хоронить способом открытого трупоположения в гробницах перестали в середине XIX в. [10, 103е]. Но еще в конце прошлого века ингуши "при клятве произносили вместо имени бога название своих фамильных склепов" [4]. Б.Плечке, осматривавший гробницы в Чечне в 1928 г., сообщает, что, судя по состоянию одежды некоторых покойников, они были положены "не ранее, чем лет 30-40 тому назад" [151с], т.е. уже по принятии местными жителями ислама. В Осетии "по свидетельству местных жителей, в наземных склепах хоронили покойников еще в 80-х годах прошлого века" [105в]. Этнограф А.Миллер сообщал в 1920-х гг., что в Северной Осетии он встречал стариков, ко-

торые завещали похоронить их в фамильной усыпальнице, и видел гробницы, представлявшие собой кирпичные домики, крытые железом. В наше время осетины, хотя хоронят покойников в земле, но не засыпают гроб землей, а помещают его в подземной камере.

По сообщениям авторов конца XIX - начала XX вв., в Осетии тогда население категорически возражало против исследования склепов [118г], но чеченцы и ингуши, будучи ревностными мусульманами, не дорожили гробницами своих предков-язычников [83ж]. Это, однако, односторонние суждения, основанные на неполноте сведений. Есть факты, из которых можно было бы сделать и противоположный вывод. Так, в конце прошлого века в некоторых селениях Северной Осетии местные жители проявляли безразличие к гробницам, не препятствовали приезжим осматривать их и даже разбрасывать кости покойников [20]. А в Чечено-Ингушетии можно видеть примеры уважительного отношения к старым гробницам. Здесь встречаются мусульманские кладбища, устроенные на месте прежних языческих некрополей [151к]; нередко мусульманские намогильные стелы стоят рядом с гробницами, иногда вплотную к ним, причем в некоторых случаях вход в гробницу замурован и стела стоит непосредственно перед ним, как бы знаменуя переход к новой вере при сохранении уважения к предкам.

Дело в том, что люди по-разному относились к гробницам в зависимости от того, считали они умерших, останки которых находились в них, предками своей семьи или нет. Уважением пользовались только "свои" покойники.

При сооружении новой гробницы старая через два-три поколения забывалась потомками, не связывалась с их предками и не охранялась, вследствие чего в конце XIX - начале XX вв. одни гробницы оказались ограбленными, тогда как другие оберегались [105б]. Охранять гробницу надо было, потому что соседи могли не только разграбить находящиеся в ней вещи, но и унести покойника, потом требуя за него выкуп [119а].

Теперь гробницы уже нигде не пользуются прежним пиететом, и останки находившегося в них инвентаря, который в свое время не был изъят археологами и краеведами, расхищены.

Формы и типы

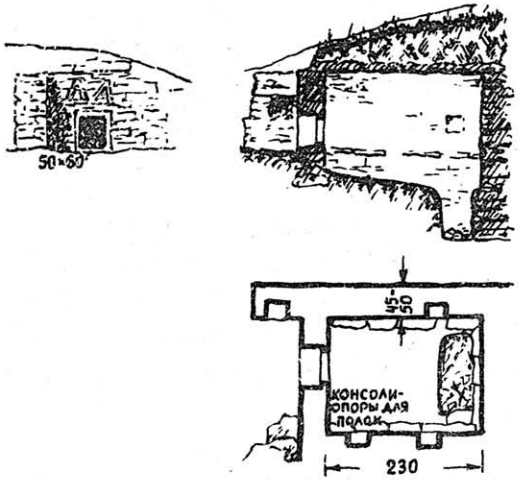
По форме и структуре есть гробницы разных типов, но связанный с ними погребальный обряд был в общем одинаков. Умерших вносили через отверстие (лаз) в стене и клали на полки-лежанки или же просто на пол. Покойников хоронили в хорошей одежде и с их личными вещами. Обычно тело клали без гроба, иногда в открытом деревянном гробу, который делался из досок или долбленым из колоды. Внутри склепа обычно имеются ниши в стенах, предназначенные, по-видимому, для заупокойной пищи и приношений. В некоторых, более старых гробницах, есть углубление в полу-небольшой колодец, куда ссыпали кости далеких предков, чтобы освободить место для новых покойников.

Различаются гробницы подземные, полуподземные и наземные. Первые находятся полностью ниже поверхности земли, вторые частично выступают из земли, у третьих весь объем находится выше поверхности земли.

Подземные средневековые гробницы представляют собой выложенные из камня камеры длиной 2,5-4 м, шириной 1,5-2 м, высотой 1,5-2 м. Внутри обычно имеется ниша в стене, бывают устроены полки для покойников. Доступ внутрь осуществлялся путем вскрытия одной из плит покрытия или же через лаз - отверстие в торцевой стене, которое заслонялось плоским камнем и засыпалось землей.

Полуподземные гробницы врыты в склон так, что из земли выступает верхняя часть передней стены с входным отверстием. В одних случаях они полностью врыты в склон горы (рис. 81), в других (видимо, представляющих стадиально более позднюю форму) наружу выдается вся верхняя передняя часть сооружения (рис. 82). Стены их бывают сложены насухо, на глиняном или на глинисто-известковом растворе. Покрытие плоское из каменных плит или устроенное не доведенным до конца ложным сводом (двусторонним напуском верхних рядов кладки боковых стен, уменьшенный таким образом пролет между которыми перекрыт плоскими каменными плитами).

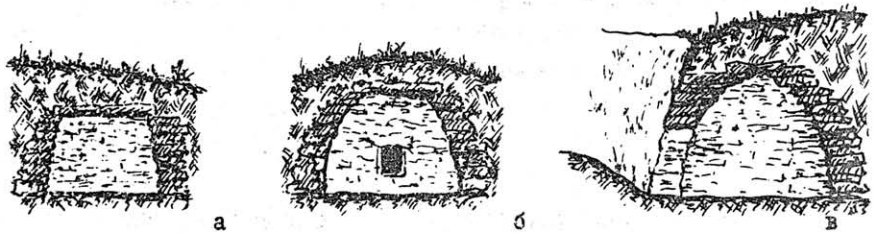
В конструкциях и формах подземных гробниц можно проследить зарождение и постепенное развитие строительных приемов, свойственных для полуподземных. В самых ранних подземных камерах стены вертикальны, но затем кладка приобретает некото-

81. Полуподземная гробница у чеченского селения Верхний Кокадой[79а]

82. Полуподземная гробница у ингушского селения Хамхи

83. Эволюция конструкции покрытия подземных гробниц[90в,88з]

84. Эволюция устройства доступа в подземную гробницу[88л,90г]

рый напуск для уменьшения пролета плит перекрытия (рис. 83а) На следующем этапе формируется неполный ложный свод (рис. 83б) и даже встречается полный свод (рис.83в). Если в наиболее ранних гробницах доступ внутрь осуществлялся весьма трудоемким способом – снятием покрывавшего их слоя грунта и вскрытием плит перекрытия, то затем появляется уже более удобное решение: устройство лаза, выходящего в шахту, которая засыпалась землей и камнями (рис. 84а). В некоторых случаях к лазу ведет траншея – дромос (рис. 84б). Затем лаз уже выходит непосредственно наружу (рис. 84в)*.

Доступ внутрь полуподземной, как и полностью наземной гробницы осуществляется через находящееся в стене над землей отверстие размерами около 0,6 х 0,6м. Входной проем закрывался шиферной плитой или толстой деревянной доской и запирался засовом. Иногда проем имеет по периметру четверть (выступ) для упора двери. Ориентация входа в гробницу неустойчива, будучи обусловлена рельефом местности (потому что удобнее устраивать вход с подгорной стороны). Однако, поскольку гробницы строились, как правило, на солнечной стороне склона, вход в них обычно ориентирован на юг (с отклонениями).

Прямая генетическая связь между подземными и полуподземными гробницами, очевидно, не должна вызывать сомнений. Однако такая связь между полуподземными и наземными гробницами не представляется вполне очевидной. На первый взгляд вопрос как будто ясен: полуподземные гробницы датируются более ранним временем, чем наземные, отличаются от них тем, что врыты в землю, имеют меньшие габариты, кладка их стен более примитивна и не всегда выполнена на известковом растворе, покрытие у них не сводчатое, а плоское из крупных каменных плит или выведено неполным сводом. Следовательно, вторые должны были происходить от первых, представляют собой последующую стадиальную форму их развития. Но в этой

---

* Описываемая здесь схема эволюции подземных и полуподземных гробниц была предложена в 1920-х гг. краеведом Л.П.Семеновым. Она принята и современными археологами. Однако приемы устройства сооружений сами по себе не вполне достаточны для периодизации последних. Желательно было бы иметь дифференцированную датировку различных гробниц, основанную на археологическом анализе их инвентаря.

конструируемой эволюции имеется пробел: развитые архитектурные формы наземных гробниц не предвосхищаются примитивными формами полуподземных, которые представляют собой, по существу те же подземные камеры, лишь имеющие лаз для свободного доступа извне.

Однако, если между типами полуподземных и наземных гробниц существует разрыв с точки зрения преемственности архитектурных форм, то в функциональном отношении они принадлежат одной непрерывной культуре.

Несмотря на появление в XIУ в. наземных гробниц, полуподземные продолжали использоваться, а может быть и строиться. Во всяком случае, и те и другие, как правило, расположены на одних некрополях и содержат однотипный инвентарь. При произведенном археологами (под руководством В.А.Кузнецова) исследовании крупнейшего в Осетии некрополя у селения Даргавс оказалось, что хотя полуподземные и наземные гробницы на нем были возведены, вероятно, в разные эпохи (они локализуются в разных частях комплекса и отличаются разной степенью сохранности), вещественный материал "совершенно идентичен для всех полуподземных и наземных склепов и по существу является одновременным", датируясь XУШ - первой половиной XIX вв. [II5б]. Видимо, в данном случае более старый инвентарь не сохранился, поскольку гробницы использовались на протяжении многих столетий. На тех некрополях, где полуподземные гробницы не утилизовались в последующем, в них содержатся вещи XП-XIУ вв. [75а, I2I].

Наземные гробницы Чечено-Ингушетии и Северной Осетии разнообразны по внешним формам, но представляют единый по характеру архитектурный тип. Эти сооружения относятся к тому же архитектурному стилю, что и местные жилые башни, боевые башни и святилища; они выполнены в той же своеобразной манере, которая присуща средневековому строительству на этой территории.

Стены наземных гробниц тщательно выложены из рваного или грубо околотого камня, большей частью на известковом растворе. Покрытие каменное, ложным сводом, по своим конструктивным и архитектурным деталям аналогичное покрытиям святилищ и боевых башен. Стены оштукатурены снаружи и внут-

ри, фасады окрашены в желтый цвет.

На фасаде наземной гробницы, как и на святилище или боевой башне, иногда можно видеть украшение в виде квадратных углублений, расположенных в ряд, треугольником, ромбом, крестом. На некоторых гробницах имеются вдавленные на штукатурке отпечатки руки (символ, распространенный по всемы Кавказу). Изредка встречаются примитивные изображения; в одном случае зафиксирована надпись.

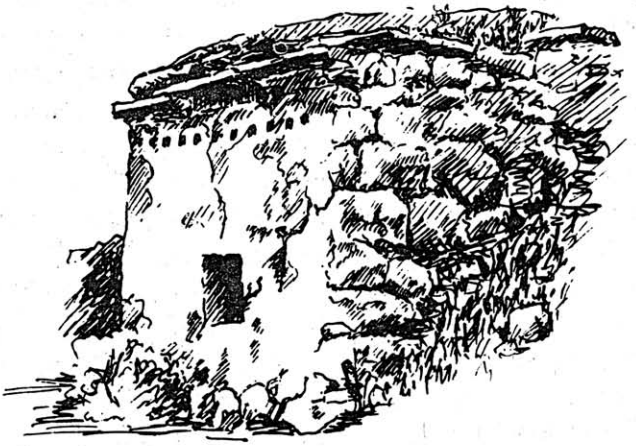
Почти на каждой наземной гробнице (кроме некоторых периферийных районов ареала их распространения) имеется деталь в виде выступающей из кладки горизонтальной каменной плиты с отверстием*. Это устройство использовалось для закрепления белого флага [103е]. Он у кавказских горцев служил символом почитания. Так, у вайнахов жрец, шествуя во главе культовой профессии, нес флаг. У осетин раньше во время похорон несли флаг. В Дагестане и теперь на могиле или на месте гибели родственника устанавливают белый флаг. На Кавказе и в Передней Азии издревле существовал обычай отмечать почитание куском ткани, в том числе в виде небольшого флажка. У осетин, при прощании с умершим, "каждый мужчина, входя в дом, втыкает палку с привязанным к ней куском ситца в стену поближе места, где лежит покойный" [32в]. В Дагестане можно встретить "священное дерево" с привязанными к его ветвям лоскутами, или почитаемое надгробие с воткнутыми между камнями его кладки флажками.

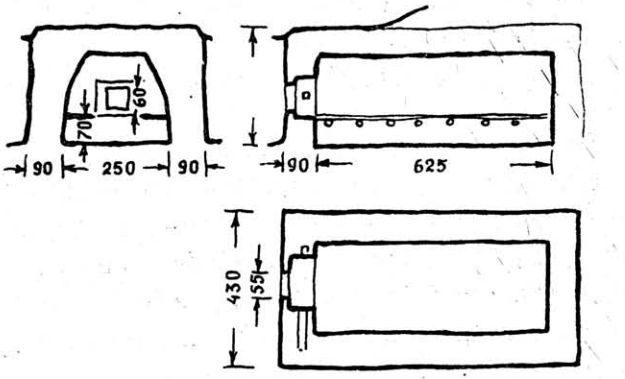
Однако если плита с отверстием использовалась для закрепления флага к гробнице, это еще не значит, что ее происхождение связано с таким назначением. Встречаются такие плиты, расположенные так, что в них вряд ли возможно было воткнуть флаг - на большой высоте (см.ниже, рис. 96) или в глубине ниши [47а]. Такое расположение этих плит исключает и иное их предполагаемое утилитарное назначение, догадки о котором высказывали разные авторы - например, что они служили для прикрепления ритуальных факелов, или для привешивания кос вдовы, обрезаемых со смертью мужа, или в качестве

* Аналогичная деталь встречается и на мусульманских гробницах-мавзолеях (сооружениях над захоронениями в земле) в Дагестане (рис. 85).

85. Плита с отверстием на мусульманской гробнице в Дагестане

86. Гробница с плоской крышей в с.Даллагкау, Северная Осетия

коновязи при ритуале "посвящения коня" покойному.

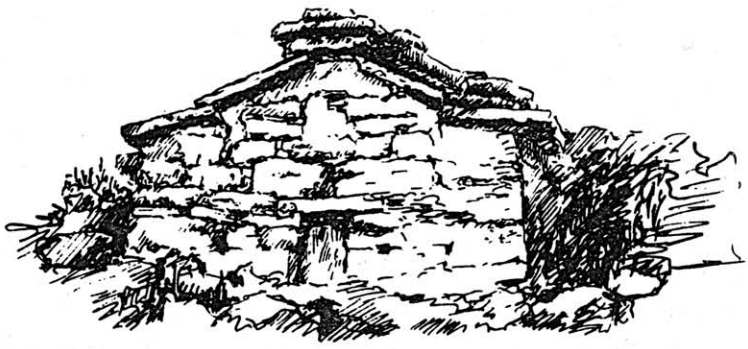
Вероятно, это просто символ. Дело в том, что на Кавказе существовало поверье в магическую силу отверстия. Например, в некоторых местах стоял камень с большим отверстием, через которое прогоняли овец, чтобы они не болели [103з]. В хевсурских церквах молились перед алтарем с круглым отверстием в нем [117].

Наземные гробницы, как уже было сказано, разнообразны. Облик гробницы определен прежде всего конфигурацией плана, а также формой покрытия, которая в свою очередь зависит от очертаний плана: прямоугольные в плане постройки имеют двускатную крышу, квадратные - пирамидальную, круглые - сферическую или сфероконическую.

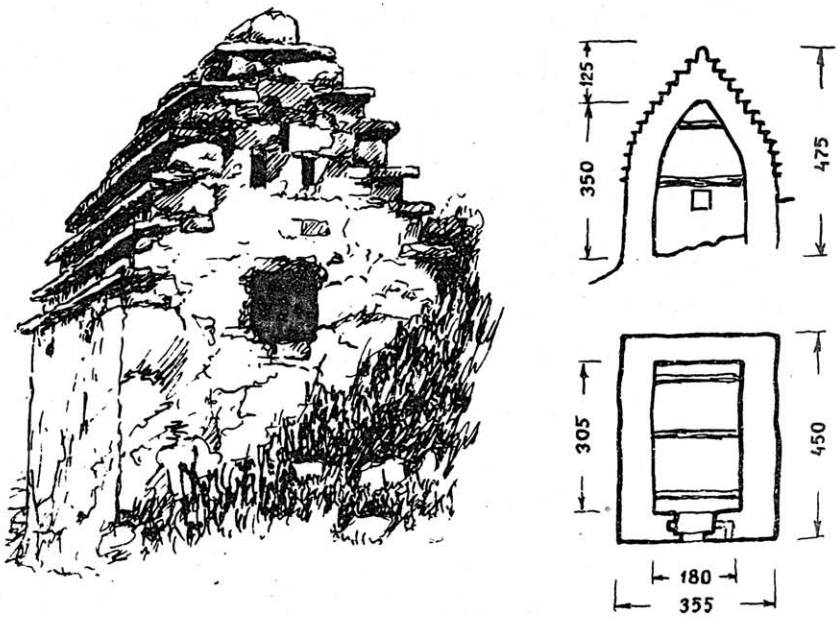
Есть наземные гробницы и с плоской крышей. Их покрытие представляет собой не доведенный до формы свода напуск кладки стен, перекрытый каменными плитами (рис. 86). По-видимому, не всегда плоская крыша гробницы свидетельствует об архаичности сооружения. Некоторые из них оснащены явно поздними аксессуарами архитектурного оформления - поясками, фронтончиками (рис. 87).

Гораздо более распространены наземные гробницы с двускатной крышей. Они фигурируют во всем ареале бытования гробниц, от Чечни до Карачая. При этом в восточной его части - в Чечне, Ингушетии и восточной Осетии крыша имеет ступенчато-гребенчатое оформление (рис. 88), а в западной - в Дигории (западный район Северной Осетии) и Балкарии крыши гробниц имеют, как правило, ровные скаты (рис. 89).

Однако разделение северокавказских гробниц по одному только этому признаку на две группы, восточную и западную, было бы не точным. Район, в котором для гробниц характерны ступенчатые крыши, является не просто восточной частью ареала гробниц, а его основной частью, тогда как Дигория - периферийная, причем небольшая часть Осетии (и тем более она невелика по сравнению с районом, охватывающим остальную Осетию, Ингушетию и значительную часть Чечни), в Балкарии гробниц мало, а в Карачае они единичны. Таким образом, район гробниц, крыши которых не имеют ступенчатого профиля, является не просто западной частью всего ареала гробниц, а его западной периферией. Если же обратить внимание на то,

87. Гробница с плоской крышей в с.Ц'амад, Северная Осетия

88. Гробница с двускатным ступенчато-гребенчатым покрытием в с.Даргавс, Северная Осетия

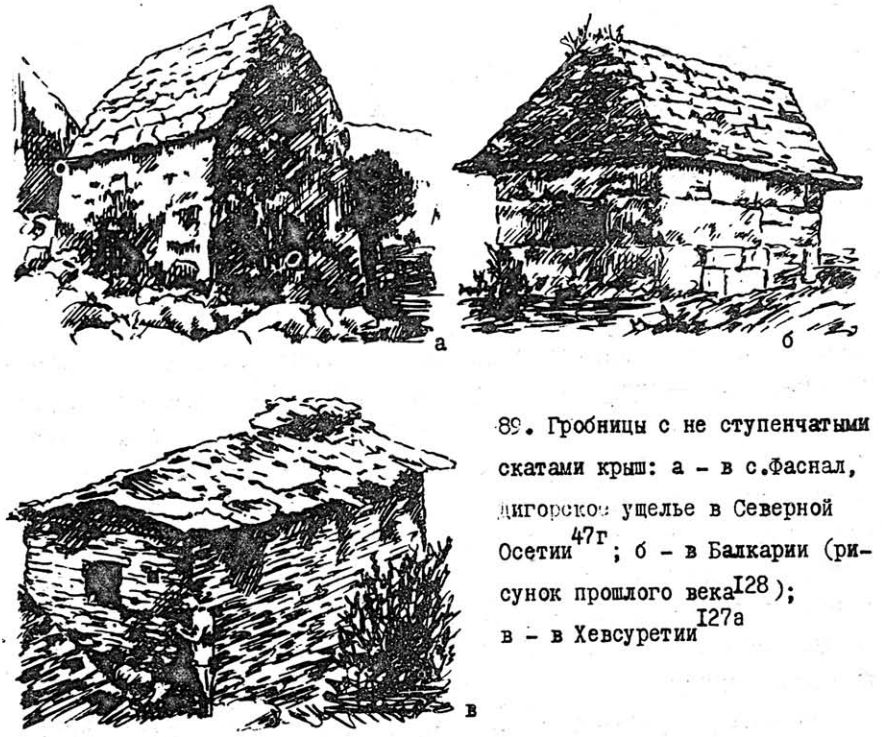
что гробницы с ровными скатами встречаются и в других местах, окраинных по отношению к общему ареалу (в Хевсуретии - рис. 89в, в срединной Чечне [39в]), то следует сделать вывод, что двускатные крыши гробниц с ровной поверхностью скатов представляют форму периферийную, причем свойственную разным местам периферии основного ареала (к востоку, западу и югу от него).

Форма крыш ступенчато-гребенчатого профиля, очевидно, возникла внутри нынешнего ареала наземных гробниц. На раннем этапе она могла сосуществовать с крышами, имеющими ровные скаты, со временем получая все большее распространение. Судя по тому, что крыши с ровными скатами встречаются в противоположных местах периферии ареала наземных гробниц, по-видимому, следует предположить, что ступенчатые крыши вследствие своего более эффектного вида могли, с развитием архитектурно-строительного мастерства, вытеснить ровные, причем сперва на какой-то локальной территории, а затем и на более широкой.

Наземные гробницы с двускатной ступенчато-гребенчатой крышей имеют в общем такой же вид, как ингушские святилища (см. рис.63), отличаясь от них, по существу, только меньшими габаритами входа. По своим размерам они тоже подобны зданиям ингушских святилищ: наиболее крупные из них имели в длину более 10 м при ширине более 3 м. В сооружениях гробниц с двускатной крышей, как и в постройках святилищ, свод, выполненный напуском камней, укреплен внутри поперечными деревянными балками-распорками.

Внутри гробницы, имеющей удлиненную форму плана, вдоль боковых стен устроены полки из шиферных плит или деревянных досок, на которые клали покойников. Ширина полок полметра или несколько больше, а между ними идет узкий проход. Поскольку гробница обычно расположена на склоне, пол в ней часто не горизонтален, а повышается, так что в конце остается место по высоте лишь для одного яруса полок, тогда как у входа их бывает два. В конце прохода в стене обычно имеется ниша.

Есть такие гробницы, разделенные поперечной стенкой на два, иногда на три отделения, которые сообщаются посредством проема, т.е. как и в святилищах (рис. 90). Встречают-

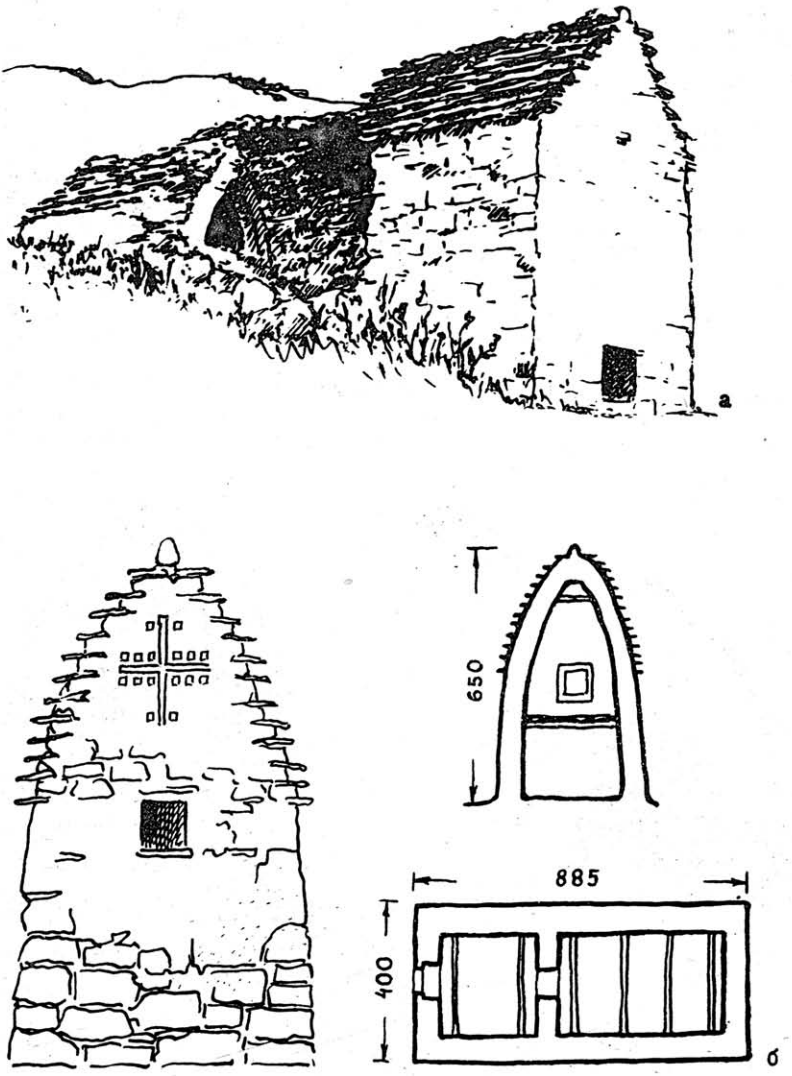

89. Гробницы с не ступенчатыми скатами крыш: а – в с.Фаснал, дигорское ущелье в Северной Осетии[47г]; б – в Балкарии (рисунок прошлого века[128]); в – в Хевсуретии[127а]

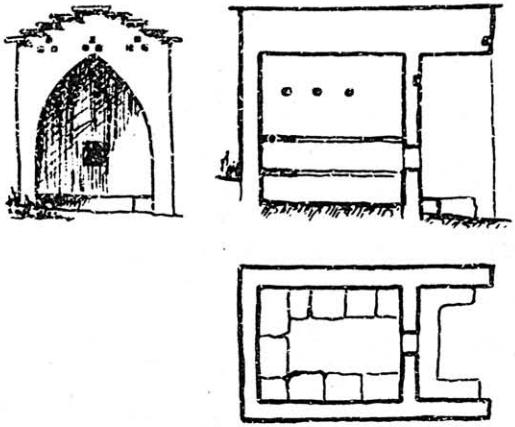
ся в числе гробниц с двускатной крышей и двухярусные (со сводчатым междуэтажным перекрытием). Многокамерность (по длине или по высоте) гробниц с двускатными крышами свойственна району распространения ступенчатых крыш.

Довольно распространен вариант гробницы с лоджией на главном фасаде (рис. 91а). Авторы, сообщающие о таких гробницах, неизменно отмечают, что эта лоджия устраивалась в качестве поминальной камеры. Однако бывают лоджии очень небольшого размера, в которых человек поместиться не может (рис. 91б). Из этого следует заключить, что если лоджия гробницы и использовалась в качестве поминального помещения, и иногда, может быть, даже устраивалась с такой целью, происхождение этой формы иное.

Встречаются, но сравнительно редко, гробницы с лоджией, устроенной над погребальной камерой (рис. 92). В Чечне, где обряд открытого трупоположения не был столь общепринятым, как в Ингушетии, и где у населения частично сохранялись прежние представления о погребении покойников в земле,

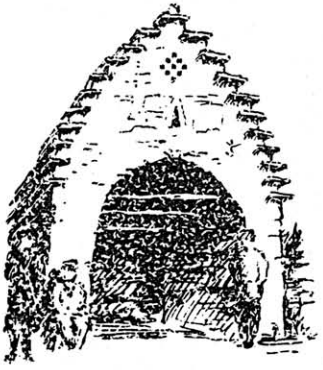

90. Гробницы с отделениями по длине: а - в с.Хамхи, Ингушетия; б - в с.Цимити, Северная Осетия (СОКИ)

а б

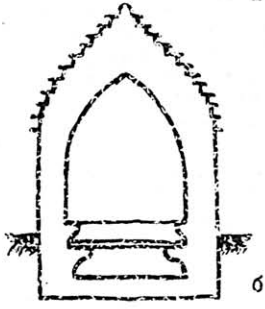
91. Гробницы с лоджией на торцевом фасаде: а – в Чечне, Цайн-Пхеда[76а]; б – в Ингушетии, Таргим

а

92. Гробница с лоджией над погребальной камерой, Ингушетия. По фотоснимку 1926г. (МА)

б

93. Гробница-мавзолей в с.Терете, Чечня: а – общий вид[151]; б – разрез[122]

гробница такого типа могла иметь погребальную камеру, опущенную ниже поверхности земли (рис. 93).

В XУ-XУШ вв. получили широкое распространение в Ингушетии, восточной Осетии и западной Чечне гробницы квадратной формы в плане (размерами около 3,5 х 3,5м), увенчанные пирамидальным покрытием.

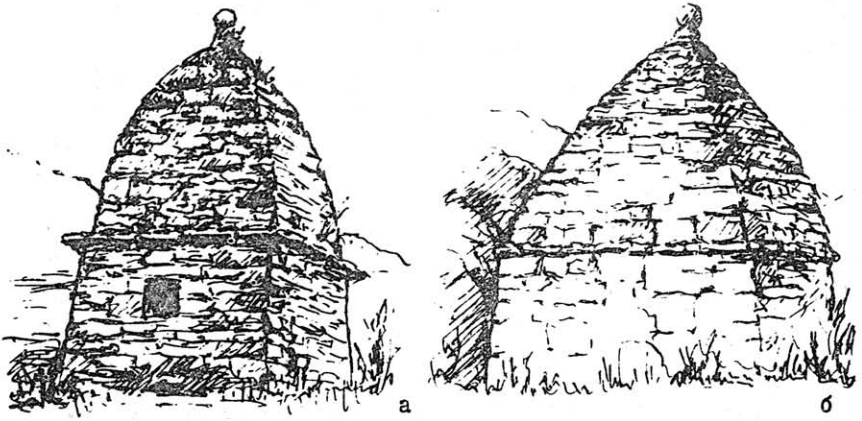
Гробница этого типа внутри разделена деревянными (устроенными настилом из бревен), изредка каменным (ложносводчатым) перекрытиями на два-три, в отдельных случаях четыре яруса. Поскольку постройка обычно стоит на косогоре, доступ в ее этажи для удобства осуществлялся через входы, находящиеся на разных фасадах, так, чтобы каждый лаз был расположен невысоко над землей.

Пирамида покрытия обычно имеет силуэт с выпуклыми гранями (соответственно своду внутри). На ее вершине установлен венчающий камень, шпилеобразный или с шаром (который, вероятно, символизирует солнце). Пирамидальная крыша лишь в редких случаях имела ровную поверхность скатов (рис. 94). Немногочисленность таких гробниц, вероятно, свидетельствует об архаичности их формы. Об этом же говорит и то, что сооружения эти - старые, ветхие (к настоящему времени они не сохранились).

Многочисленны гробницы с пирамидальными крышами ступенчато-гребенчатого профиля (рис.95). Он получается так же, как и на двускатных крышах: ряды камней ложного свода (в данном случае - четырехстороннего) образуют ступени, которые покрыты, в виде карнизов, шиферными плитками.

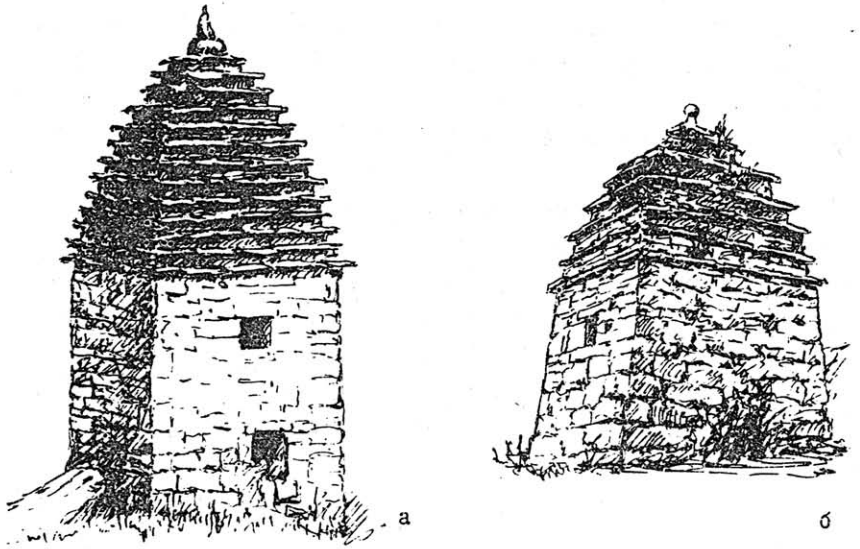
Пирамидальные ступенчато-гребенчатые крыши гробниц по своему устройству и виду аналогичны крышам классических вайнахских боевых башен. Некоторые гробницы этого типа и по своему общему облику отражают влияние форм башенной архитектуры (рис. 96). Гробница вертикального силуэта может быть оформлена также в подражание башне с плоской крышей и зубцами на углах (рис. 97).

Гробницы с пирамидальной ступенчато-гребенчатой крышей обычно отличаются относительно хорошей сохранностью. Из этого как будто можно заключить, что они представляют вид стадиально поздний по отношению к наземным гробницам других видов. Однако такой вывод был бы преждевременным. Археоло-

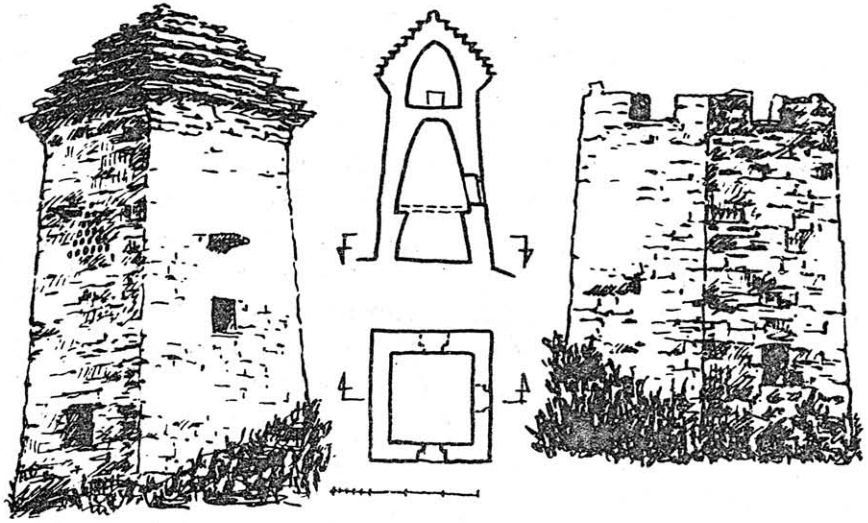

94. Гробницы: а – в с.Хинцаг-Хусар, Северная Осетия (по рис. И.Щеблыкина, 1920-е гг., СОКМ); б – в с.Джерах, Ингушетия (по фото 1920-х гг.)

104б

95. Гробницы с пирамидальным гребенчато-ступенчатым покрытием: а – в с.Эгикал (Ингушетия); б – в с.Ход (Северная Осетия)

96. Гробница в с.Таргим, Ингушетия. Общий вид, план, разрез

97. Гробница в с.Эгикал, Ингушетия

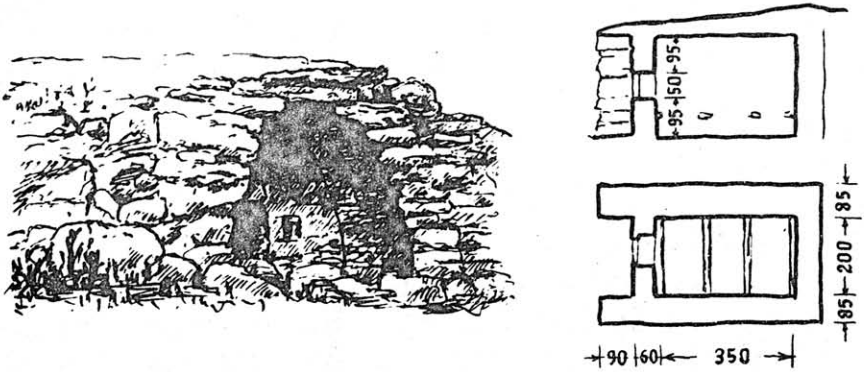
98. Распространенность ступенчатых крыш на разных сооружениях

гические датировки, основанные на исследовании инвентаря гробниц (т.е. вещей, которые в свое время сопровождали покойников), не дают четкого определения времени возникновения наземных гробниц той или иной разновидности. Археологи определяют время возникновения наземных гробниц Чечено-Ингушетии и Северной Осетии около XIУ века. Но убедительной дифференцированной датировки возникновения различных наземных гробниц пока нет. Архитектурный же анализ их форм не позволяет установить последовательной генетической связи между ними. Начальная стадия бытования этих форм могла приходиться и на одно время. Вариант гробниц с пирамидальными крышами мог на раннем этапе существовать одновременно с другими вариантами наземных гробниц, являясь одной из локальных форм, а затем получить широкое распространение.

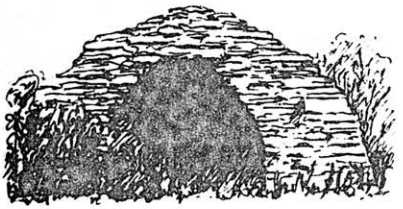
Помимо гробниц прямоугольного и квадратного плана, есть еще гробницы круглые в плане. Они довольно редки, причем, судя по их состоянию, относятся к раннему этапу строительства наземных гробниц. Порой такое сооружение представляет собой не склеп с помещением для покойников, а глухой массив, возведенный над одиночным захоронением.

Гробницы различных типов не всегда можно отнести строго к той или иной местности: ареалы их распространения расплывчаты и перекрывают друг друга; на одних и тех же некрополях, особенно на крупных, обычно имеются гробницы разных типов.

Наибольшим разнообразием гробниц отличается Ингушетия. Это соответствует и другим свидетельствам ведущей роли в XIУ-XУШ вв. ингушской школы зодчества в районе, охватывающем территории нынешних Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и расположенных севернее Главного Кавказского хребта районов Грузии. Действительно, наиболее интересными сооружениями святилищ являются ингушские; наиболее совершенные в архитектурно-художественном и строительном аспектах боевые башни находятся в Ингушетии; распространенность таких архитектурных решений, как ступенчато-гребенчатая крыша и пирамидальное покрытие уменьшается к востоку и к западу от Ингушетии, где они, видимо, и возникли (рис. 98).

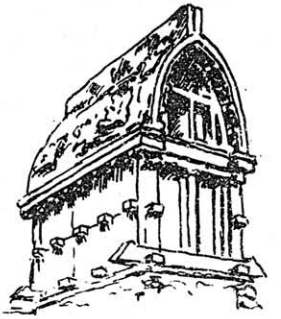
99. Гробница на некрополе у с.Даргавс, Северная Осетия

100. Жилище с ложно-сводчатым покрытием в странах Средиземноморья[140]

101. Дом с надстройкой-кукурузником в Грузии[176]

102. Гробница в Малой Азии, УШ в. до н.э.

Генетическая связь с жилищем

Гробницы разных типов по своему виду похожи как бы на дома с плоскими, двускатными или пирамидальными крышами. И действительно, некоторые детали гробниц указывают на генетическую связь их архитектуры с архитектурой жилища.

Многие гробницы имеют лоджию перед входом (рис. 99) или над погребальной камерой (см.рис. 92). Гробницы с лоджиями, по своему состоянию, производят впечатление сооружений более старых, чем, например, со ступенчато-пирамидальной крышей. Если бы, как то принято считать, лоджия предназначалась для поминовения усопших, то непонятно, почему, в таком случае, некоторые двухярусные гробницы имеют лоджии в обоих ярусах (см.рис. 80а), не говоря уже о том, что не все гробницы, а лишь часть их имеют лоджии, следовательно, поминальное помещение не предусматривалось ритуалом. Кроме того, как уже отмечалось, иногда лоджия настолько мала, что не может служить местом для людей.

Гробницы с лоджией у входа имеют такой же облик, как и святилища с лоджией (см.рис. 66). Если постройки столь разного назначения одинаковы по форме, напрашивается предположение, что и те и другие имели своим прообразом один и тот же источник - наверное, жилой дом. И действительно, в странах Средиземноморья есть старые жилища, сложенные из камня, с устроенным путем напуска камней сводчатым перекрытием и с лоджией перед входом (рис. 100).

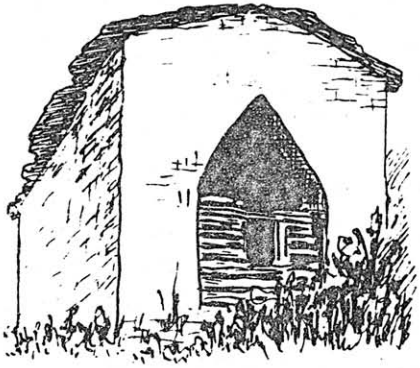
Гробница же с лоджией над погребальной камерой могла быть уподоблением жилого дома с сеновалом на чердаке. Дома с хозяйственной надстройкой над жилым помещением в Грузии запечатлены на рисунках XVII в. (см.рис. 77); подобное решение встречается в грузинском народном зодчестве до сих пор (рис. 101). Чердачное пространство использовалось, в качестве помещения верхнего яруса, в жилищах (ныне исчезнувшего типа) древней Малой Азии (ср.рис. 102 и 92). Надстройку на крыше жилого дома, служащую для хранения сена, можно видеть в селениях Дагестана; наверное поэтому иногда в мусульманских гробницах-мавзолеях Дагестана бывает сооружена во втором ярусе лоджия, которая, вследствие ее небольших размеров и отсутствия ведущей к ней лестницы, вряд ли предназначалась для практического использования (такие мавзолеи с лод-

жией наверху встречались С.О.Хан-Магомедову и мне).

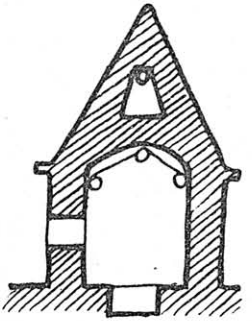
В Чечне есть необычная по своему устройству гробница (рис. 103). Необычное в народной архитектуре представляет особый интерес: во многих случаях это своего рода атавизмы, в них запечатлено то, что когда-то было обычным. Данная чеченская гробница относится к виду двухярусных с лоджией наверху. Необычность ее в том, как это решение оформлено. Общее внутреннее пространство каменной коробки сооружения выходит на фасад одним большим проемом, который в нижней части закрыт деревянной стенкой, а в верхней оставлен открытым, образуя лоджию. Эта деревянная вставка в каменном обрамлении представляется рудиментом деревянного дома, как бы изображением освященного обычаем древнего жилища на фасаде сооружения более позднего типа. Так же как святилища-монументы (особенно их разновидность типа стел) изображают фасад жилища, и здесь, очевидно, мы видим изображение фасада жилого дома. Это должен был быть деревянный дом с высокой двускатной крышей, чердак которой выходит на фасад открытым фронтоном, представляя собой лоджию (надо полагать, хозяйственного назначения). Такие, очевидно, дома явились прообразом двухярусных гробниц с погребальной камерой внизу и поминальной камерой в виде лоджии наверху.

В Балкарии есть гробница с высокой двускатной каменной крышей, под которой имеется чердачное пространство (рис. 104; ширина треугольного в разрезе верхнего помещения 0,85м по низу, высота 1м; в него ведет треугольный лаз, о размерах которого не сообщается [80д]). Это, надо полагать, рудимент чердака жилого дома.

В ряде случаев на фасаде гробниц, над входным проемом, имеется узкое щелевидное отверстие. При толщине стены более 0,5м и ширине этой щели около 2 см она не могла играть никакой роли ни для освещения, ни для проветривания помещения. Многие гробницы этой детали и вовсе не имеют. Такие отверстия делались иногда и над входом в святилище. Возможно, древний жилой дом имел проем для вентиляции его верхнего яруса, где могло храниться продовольствие (подобно тому, как старинный жилой дом в Грузии имел над жилым помещением надстройку для кукурузы, а жилой этаж ингушской боевой башни имел антресоли для хранения припасов). Может быть также, что

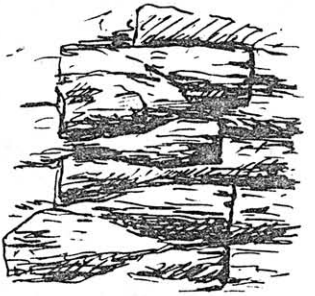
I03. Двухярусная (с лоджией наверху) гробница в Чечне, некрополь Цайн-Пхеда[39а]

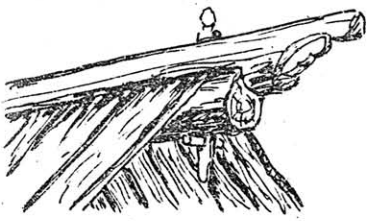
I04. Гробница в Балкарии. Разрез[80г]

I05. Гробница с многогранной пирамидальной крышей в с.Фаснал, Северная Осетия[47д]

I06. Угол многоугольного срубного дома в Карачае[88]

I07. Деталь коньковой части тесовой крыши в русском зодчестве

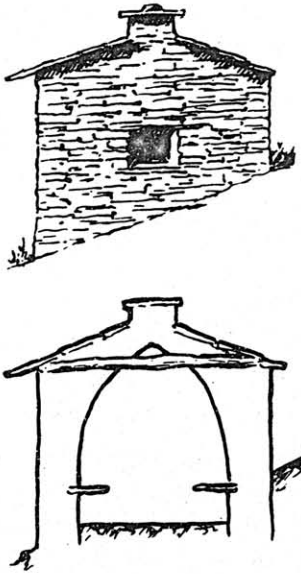
подобные отверстия в стене жилого дома предназначались для выхода дыма из помещения (устройство вывода дыма от открытого очага в виде отверстий в стенах и теперь можно встретить в старинных постройках Аварии, Хевсуретии, Чечни).

Многие гробницы имеют декоративную деталь в виде группы квадратных впадин в верхней части фасада (см.рис. 86, 88, 91,93,96). По-видимому, они являются рудиментом отверстий в стене жилого дома. Это предположение тем более вероятно, что в некоторых гробницах такие декоративные углубления являются не впадинами, а сквозными отверстиями (см.рис. 90б).

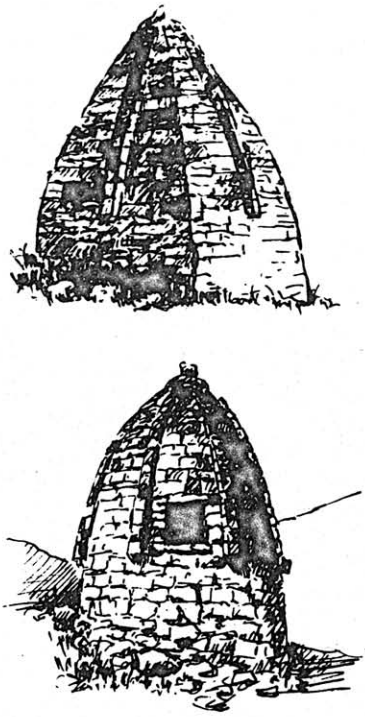
В Чечне есть гробницы и в форме сакли: с плоской крышей, с входом на продольной стороне постройки, торцевые стены которой продолжаются в сторону фасада в виде антов [122е,з].

При археологических раскопках раннесредневекового (IУ-УП вв.) поселения в горах Карачая оказалось, что жилища представляли собой небольшие однокамерные постройки, имевшие вход с торцевой стороны [84б]. В народном зодчестве Кавказа наблюдается такая закономерность: дома с плоскими крышами имеют вход с продольной стороны, а дома со скатными крышами - с торцевой стороны. Вероятно, жилища этого поселения имели двускатные крыши и были похожи на гробницы соответствующей формы. Но теперь в горах Карачая нет традиционных жилищ такого типа.

В Северной Осетии и в Балкарии, т.е. в местностях, где известны деревянные срубные жилища, есть гробницы с многоугольным планом (рис. 105). Частота применения этой формы гробниц увеличивается с востока на запад (в Чечено-Ингушетии их нет, в Северной Осетии зафиксировано три, в Кабардино-Балкарии девять), т.е. по мере повышения степени применения дерева для сооружения жилищ. Такой прием устройства гробниц восходит к одной из форм местных жилых домов, возводившихся в виде многоугольного бревенчатого сруба (рис. 106). Археолог И.М.Мизиев считает, что эта форма гробниц заимствована из архитектуры мусульманских мавзолеев и что сами эти гробницы в Балкарии являлись мусульманскими мавзолеями [80з]. Но в Северной Осетии такие гробницы являлись не мавзолеями (которые можно было бы счесть мусульманскими), а языческими склепами, и в самой Балкарии они стоят в окружении языческих погребений.

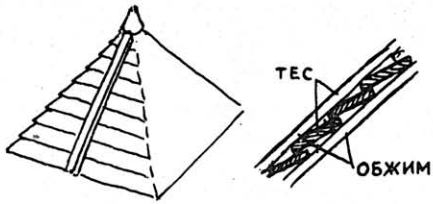
I08. Гробница в северной Хевсуретии[I50]

II0. Гробницы с выступающими гребнями на поверхности покрытия; селения Фуртоуг[I0] и Джерах (МА), Ингушетия

I09. Неолитический дом в Западной Европе. Реконструкция по форме погребальных урн[I52]

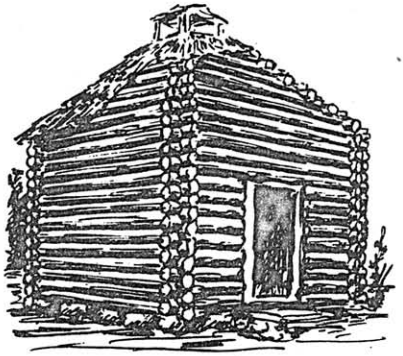
III. Реконструкция деревянной крыши с выступающим гребнем на скате

На коньке двускатных каменных крыш гробниц устроен высокий гребень с овальным верхом. Возможно, его форма происходит от формы охлупня (шелома) - желобчатого бревна, который укладывался на коньке тесовой крыши (рис. 107).

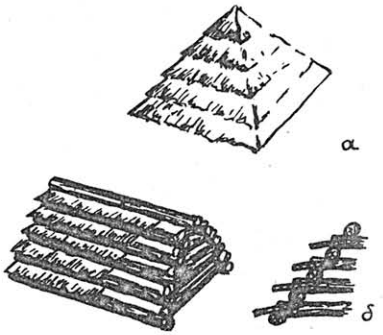
У ныне необитаемого селения Анатори, находящегося в Хевсуретии близ границы с Чечней, есть гробницы с резко выступающим, в виде высокого гребня, коньком (рис. 108). Наверное, эта форма - уподобление соответствующей детали древних соломенных крыш (рис. 109).

В Ингушетии и Осетии встречаются гробницы с пирамидальной крышей, у которой на каждом скате имеется выступающий вертикальный гребень - гурт (рис. 110). Иногда гурт устроен и на внутренней поверхности свода гробницы. Подобные же выступы на внутренней поверхности свода имеются в интерьере ингушской боевой башни (см.рис. 25в). Если исходить из положения, что в народной архитектуре никакая деталь не делалась просто так, то следует счесть, что эти выступы, в данных случаях не имеющие понятного назначения, повторяют форму детали ныне исчезнувших древних построек, игравшей практическую роль. Можно представить себе дом, квадратный в плане и с пирамидальной крышей, кровля которой была сделана из горизонтально уложенного тёса. Доски кровли могли при этом закрепляться, будучи прижаты поперечными брусьями сверху и снизу; они и образовывали выступающие гребни на потолке помещения и на скате крыши (рис. 111).

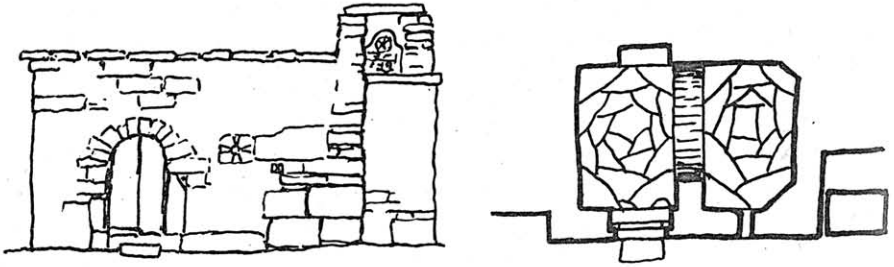
Возможная связь декоративных гуртов (в случае, когда они выступают на нижней поверхности свода, т.е. со стороны помещения) с архитектурой исчезнувших типов жилища была отмечена и другими исследователями: "В отличие от остальной части свода гурты заботливо оцементированы и побелены, так что очертания камней скрыты под обмазкой и гурт выступает как нечто целое, наподобие прямоугольной в сечении балки. А в том месте, где все четыре гурта сходятся под центром купола, строители неизменно оставляли небольшой квадратный выем - как бы для столба, подпиравшего балки перекрытия. Использование каменных гуртов в качестве декоративных деталей приводит нас к такой мысли: не восходит ли обычай украшать каменный свод изнутри гуртами к деревянным постройкам? Не воспроизводят ли каменные гурты форму деревянных балок,

II2. Колхидский дом по Витрувию. Реконструкция В.С.Гагошидзе[156]

II3. Реконструкция соломенной и бревенчатой крыш, образующих ступенчатый профиль

II4. Мавзолей близ с.Гагатль, Ботлихский р-н ДАССР. На плане показан плафон. Обмеры Г.Я.Мовчана[85]

которые некогда поддерживали кровлю?" [86]. Кстати, по-ингушски эта деталь (т.е. каменный гурт) называется "кхозэр", что похоже на осетинское "хадзар" (жилой дом, жилая комната)

Загадочным представляется происхождение формы ступенчато-гребенчатого профиля крыш северокавказских гробниц и святилищ. Ее как будто можно объяснить функционально: ступени скатов крыши якобы образованы рядами камней ложного свода, а плитки играют роль карнизов, уложенных на каждой ступени, чтобы влага атмосферных осадков не затекала внутрь. Но, здраво рассуждая, такое устройство не должно способствовать долговечности покрытия, а наоборот, образует горизонтальные сквозные швы, сквозь которые внутрь может просачиваться влага. Постройки с ровными скатами крыши, образованной ложным сводом, возникли раньше ступенчато-гребенчатых (например,

Нузальская часовня, построенная в XIII в.*), но это не помешало им быть не менее долговечными. Ступенчато-гребенчатая форма крыши не имеет утилитарного назначения, к тому же и выполнить ее труднее, когда для кладки применялись камни неопределенной конфигурации и разных размеров. Наконец, ступенчато-гребенчатой форме каменных крыш, если она функциональна, должна была предшествовать более простая - ступенчатая. Но крыши ступенчатого профиля, двускатные или пирамидальные, уступы которых не были бы покрыты плитками, на Северном Кавказе не известны.

Прообразом формы каменных ступенчато-гребенчатых крыш могла послужить бревенчатая крыша (рис. II2), у которой отступающие ряды венцов покрыты деревянной щепой (рис. II3б) или же соломенная крыша (пирамидальные соломенные крыши подобного облика есть в Италии [27]).

Конечно, это лишь предположение. Не исключено, что ступенчато-гребенчатая форма крыш северокавказских средневековых построек развилась на основе каменного ложного свода, но в таком случае эта форма трудно объяснима. Не представляется также вероятной ее прямая связь с оформлением щипцов построек в Табасаране [64а], так же как аналогичных им во Франции.

Многие гробницы разделены внутри поперечными арками, которые не имеют какого-либо конструктивного или функционального назначения (такие арки, как отмечалось выше, обычны и в ингушских святилищах). Гробницы с арками, как и вообще наземные гробницы, датируются не ранее XIУ в. Однако эта конструкция была известна и раньше: так, она применена в ингушском храме XII в. (если эта датировка верна) Тхаба-Ерды, причем и в этом случае ее вид свидетельствует о наличии соответствующего строительного опыта. Следовательно, в Ингушетии здания с внутренними поперечными арками сооружались до появления наземных гробниц. Вероятно, это были жилища, разделенные на отсеки поперечной стеной с проемом (см.рис. 69).

---

* Археолог В.А.Кузнецов считает, что сланцевые полочки на скатах крыши этой постройки имелись, но со временем были утрачены [56а]. Мне представляется, что для такого утверждения нет оснований.

Особенности конструкций некоторых построек в горах северо-восточного Кавказа позволяют догадаться, какую роль играла эта поперечная стенка изначально. В безлесных районах перекрытия делали каменными. При этом плиты укладывали по периметру стен помещения, с консольным напуском внутрь, затем второй слой снова с напуском и т.д., образуя ложный купол. Для удобства выполнения этой конструкции необходимо, чтобы форма помещения в плане приближалась к квадрату. Если помещение было удлиненным, его разделяли поперечной стенкой.

Такая конструкция применена, например, в позднесредневековой мусульманской гробнице с.Гагатль (северо-западный Дагестан, неподалеку от Чечни); ее внутреннее пространство подразделено на два отсека поперечной аркой (рис. II4). Такова же конструкция покрытия храма Тхаба-Ерды. Если он был возведен в XII веке (и если нынешняя конструкция покрытия является той или соответствует той, которая была сооружена первоначально), то, следовательно, она применялась в Ингушетии до того, как была разработана конструкция двустороннего ложного свода, характерная для ингушских святилищ. Очевидно, в этом конструктивном приеме заключается происхождение поперечной арки ингушских святилищ и гробниц. В западной Осетии и в Балкарии, где есть достаточно леса и поэтому в устройстве каменных перекрытий не было необходимости, гробниц с поперечными арками нет (в восточной Осетии они единичны и их наличие здесь может быть объяснено влиянием соседней Ингушетии).

В ингушских святилищах с поперечной стенкой арка в ней сделана широкой, более широкой, чем это требуется для прохода; кроме того, над проемом прохода иногда имеется другой проем, в виде внутреннего окна (см.рис. 67б). Это говорит о том, что поперечная стенка устраивалась не для разделения внутреннего пространства на два помещения, а наоборот, что строители стремились трактовать внутреннее пространство единым. Внутренняя стенка не имела, таким образом, функционального назначения. Не имела она и конструктивного назначения в дошедших до нас постройках святилищ и гробниц. Только в храме Тхаба-Ерды видно, какую она могла играть роль: поперечные стенки членят план на отсеки, которые перекрыты по-

средством укладки плит по их периметру с постепенным напуском, в виде плоских ложных куполов*.

В дошедших до нас постройках ингушских святилищ и гробниц поперечные арки не играют конструктивной роли. Но эта роль могла быть утрачена в связи с развитием техники устройства ложного свода (и в частности, с применением известкового раствора, что делало свод более прочным и позволяло перекрывать им больший пролет). Надо полагать, каменное покрытие в виде ложного купола из плит применялось в ныне исчезнувших типах жилища горной Чечено-Ингушетии. Если это предположение верно, то поперечные арки святилищ и гробниц, являющиеся рудиментарной формой этой конструкции, свидетельствуют о происхождении святилищ и гробниц от жилища.

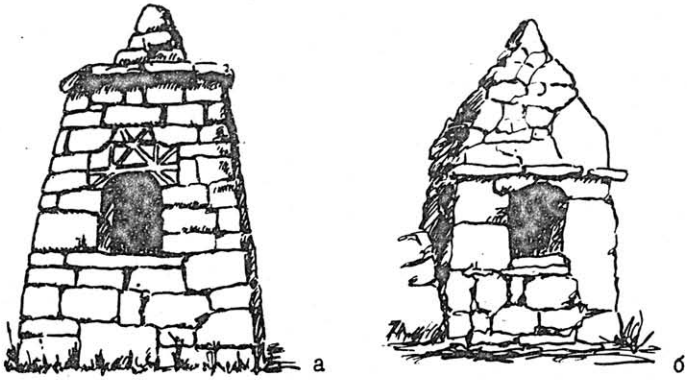
О таком их происхождении свидетельствуют и другие данные.

У горцев Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, наряду с погребальным обрядом открытого трупоположения, применялось и погребение в земле. В этом случае на могилах устанавливали сооружения, формы которых, опять-таки, восходят к облику жилища (рис. II5). Можно было бы подумать, что такие намогильные сооружения являются упрощенными уподоблениями гробниц. Однако надгробия в виде массива, напоминающего по форме дом, обычны и в тех районах, где гробниц нет (верховья р.Ардон в Осетии).

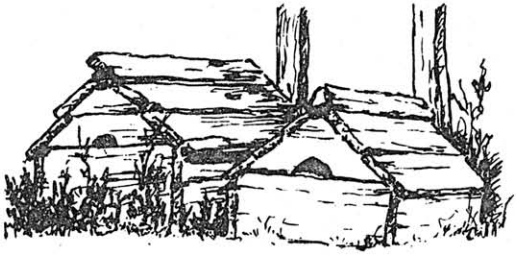
Своеобразным памятником в виде жилого дома, сооруженным над индивидуальным захоронением в земле, является и так называемая "часовня" в с.Нузал (см.рис. 52), построенная тогда, когда наземные гробницы-склепы в Осетии еще не появились.

Нузальская постройка - не единственный на Северном Кавказе пример намогильного сооружения, повторяющего форму жилого дома. В Балкарии тоже есть подобные памятники: стены таких построек возведены из камня на известковом растворе и

* Доктор искусствоведения С.О.Хан-Магомедов в личной беседе с автором выдвинул иную гипотезу возможного происхождения поперечной стенки ингушских святилищ. В Табасаранском районе Дагестана он видел сарай, имевший поперечную стенку с аркой. Эта стенка, как и торцевые стены постройки, имела двускатный верх и служила промежуточной опорой для прогонов крыши.

II5. Мусульманское надгробие в Чечне[75д] (а) и намогильный памятник в Северной Осетии[81] (б)

II6. Намогильные памятники в виде макетов жилого дома в России. По фото А.В.Ополовникова, 1968г.

оштукатурены, в них имеются окна и входная дверь; крыши нет - вероятно, крыша была земляной и обрушилась [80ж].

Обычай сооружать на могиле подобие жилого дома встречается у многих народов. Например, славяне в древности ставили на могиле небольшой деревянный домик. На севере России такие намогильные памятники сохранились и в наше время (рис. II6); верующие считают, что на могиле ставят домик, чтобы в нем могла жить душа умершего.

Во многих языках слово, обозначающее могилу, родственно названию жилого дома. Например, у древних славян подземная деревянная камера, в которую клали покойника, называлась домовиной. У зороастрийцев место сожжения трупов именуется дахма; это слово когда-то означало дом (в Азербайджане и теперь так называют определенный вид жилища [43]). Корень этого слова звучит в украинском дах (крыша) и персидском чардах (верхняя часть дома).

Названия гробниц и намогильных сооружений у северокавказских народностей тоже родственны древним наименованиям жилища: чечено-ингушское каш (гробница), кабардино-черкесское кешене (намогильное сооружение), тюркское кесене (мавзолей), иранское чесена (каменный могильник) - имеют аналогии в не погребальной архитектурно-строительной терминологии других языков. Кош по-осетински значит "хутор", а кесена - "башня, замок, сооружение"; у армян жилая башня называется кошк; в романских языках каса - "дом".

Таким образом, ряд фактов позволяет выдвинуть гипотезу: в облике и деталях северокавказских гробниц запечатлены формы когда-то существовавшей на этой территории, а затем исчезнувшей архитектуры жилища.

Происхождение обычая

Публикации о гробницах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии обычно сопровождаются попыткой ответить на вопросы: почему возник у кавказских горцев такой странный обряд захоронения и как появилась столь необычная форма погребального сооружения?

Высказывались мнения о том, что обычай помещать покойников в коллективных усыпальницах был вызван малоземельем [52б, 83м] или возник в результате эпидемии, когда было много умерших, а живые готовились к близкой смерти и стремились к упокоению с родичами.

По поводу первого суждения археолог И.М.Мизиев остроумно замечает: "Если бы гробницы были вызваны малоземельем, то богатые и знатные роды прежде всего страдали от малоземелья, ибо в первую очередь они строили склепы" [80к]. Малоземелье в горах Дагестана было не менее острым, чем в Осетии и Чечено-Ингушетии, но здесь хоронили в одиночных могилах. Острейшее малоземелье в горном Азербайджане иллюстрируется таким случаем. "Было предложено уступить участок земли для постройки дома на следующих условиях: за целое стадо овец требовалось столько земли, сколько окажется под стадом; но хозяин земли не согласился" [100]. Тем не менее, в Азербайджане находилось место для кладбищ, в склепах здесь не хоронили. Не был принят обряд захоронения в склепах также на части территории Чечни и Осетии.

Кстати, некрополь с домиками-усыпальницами занимает места не меньше, чем обычное кладбище. При размещении гробниц не заботились об экономии места: постройки установлены вразброс, со значительными промежутками между ними. Некоторые некрополи "занимают больше места, чем сами аулы" [118а].

Далее, в горах всегда можно найти участок, который непригоден для земледелия, но может быть использован в качестве кладбища. И даже если нужно было отдать для погребения умерших хорошую землю, горцы перед этим не останавливались. Например, при острейшей земельной нужде в Мамисонском ущелье Осетии, кладбище у селения Лисри занимает обширный участок земли, весьма пригодный для обработки. "В Балкарии подземные и полуподземные склепы нередко располагаются на удобных для обработки участках, которые и сейчас используются для посевов и покоса" [80и]. Мертвые пользовались вниманием по крайней мере не меньшим, чем живые. В Осетии на поминки умерших расходовали (и теперь расходуют) огромные средства, ничего не жалея.

Не мог возникнуть обычай устройства семейных гробниц и в связи с массовой смертностью, потому что обстановка такого бедствия вряд ли способствует возникновению идеи не погребать умерших в земле, а строить для них каменные дома, более капитальные чем жилые. Необоснованно и суждение о том, что будто бы покойников клали в склепы с целью естественной мумификации трупов [37]: они в склепах не мумифицируются, а лишь замедленно разлагаются. Нет никаких оснований также предполагать, что этот обычай возник под влиянием верований типа зороастризма.

Некоторые авторы приводят данные о том, что в тех случаях, когда на одном и том же могильнике представлены разные типы захоронений - одиночные в земле и коллективные в гробницах - первые представляют беднейшую часть населения, а вторые - более состоятельную [110, 122б]. Но это не объясняет того, почему в одних районах хоронили только в могилах, а в других - только в гробницах.

По поводу происхождения самого типа гробниц как построек тоже высказывались разного рода необоснованные суждения: например, что они происходят от дольменов, от христианских храмов, от мусульманских мавзолеев, даже от камбоджийских

пагод. Эти суждения основываются на чисто внешнем, причем приблизительном сходстве построек, имеющих различную структуру (не говоря уже о функции).

Археолог В.А.Кузнецов, считающий (вслед за В.Н.Худадовым [127]), что гробницы Карачая происходят от причерноморских дольменов, приводит соответствующую таблицу, но в том месте ее, где должна фигурировать промежуточная форма, ставит вопросительный знак [54ж]. Это не удивительно, потому что промежуточной формы между средневековыми гробницами и древними дольменами, наверное, не существовало. Эти типы сооружений не только разделены значительным хронологическим промежутком, но и расположены на разных территориях, а также различаются по форме и конструкциям. "В бассейне верховьев Кубани дольменов не встречается. Для этих районов характерны гробницы, несколько напоминающие дольмены, но отличающиеся от них тем, что их стены сложены не из одной плиты, а из большого числа разномерных камней. Крыша сложена не из одной, а несколькими плитами, представляющими большей частью пирамиду. Последние из отмеченных гробниц составляют иную область, хорошо отделяемую от области дольменов" [109]. Наконец, если наземные гробницы произошли от дольменов, то возникает вопрос о происхождении предшествующих им подземных и полуподземных гробниц.

Не могли северокавказские наземные гробницы-склепы произойти и от мусульманских гробниц-мавзолеев. На всей территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии есть одна постройка, сооруженная по типу мусульманского мавзолея и действительно являвшаяся им [104в, 135г]. Но она лишь одна, принадлежала не горцам, возведена была уже в XУI веке и расположена вне ареала склепов. В Балкарии гробницы-мавзолеи окружены домусульманскими могилами [80е], следовательно, и сами относятся к домусульманскому периоду. Равным образом и в горной Чечне гробницы-мавзолеи возводились тогда, когда в этот район еще не проникал ислам. Гробницы-мавзолеи Балкарии и Чечни - это сооружения того же типа, что и Нузальская "часовня" в Осетии, и происходят они (так же, как мавзолеи, строившиеся в странах ислама еще до возникновения самого ислама) от обычая возводить на могиле уподобление жилого дома.

Высказывалось также суждение о том, что форма северокавказских наземных гробниц-склепов "воспроизводит вид христианских часовен" [34, 47в]. Но от трех-четырех христианских храмов, построенных в обособленных горных местностях в XI-XII вв., наземные гробницы, возникшие в XIУ в. и распространенные на обширной территории, произойти не могли хотя бы вследствие различия функций этих сооружений, не говоря уже о несопоставимости архитектурных форм северокавказских гробниц и грузинских церквей.

У древних племен Ирана, Индии и других стран Центральной Азии существовало представление о том, что труп не следует погребать в земле, ибо в покойника вселился злой дух, оскверняющий ее. У других народов древности, обитавших на территории Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья, Кавказа были на этот счет взгляды прямо противоположные: умершего не следует засыпать землей, потому что она оскверняет его. Именно это (а не первое) представление объясняет возникновение у некоторых народов (в том числе у кавказских горцев) обряда камерного погребения; оно было высказано местным жителем приезжему как объяснение того, почему осетины хоронят в склепах: "Лежать в сырой земле - не дай бог! сказал мне старшина одного из селений" [24б]. Местные жители смотрели на гробницы как на "жилища" покойников [83д].

Обряд камерного погребения был весьма распространен в древности. Например, у племен северо-западного Кавказа Ш тыс. до н.э., носителей так называемой майкопской культуры, существовал следующий обычай: покойника клали на полу камеры, возведенной на поверхности земли и засыпанной курганом. Такой обычай существовал в эпоху бронзы и в Закавказье. Скифы (от Поднепровья [35] до Алтая [I]) хоронили знатных покойников в наземных камерах, над которыми насыпался курган. Судя по устройству погребальных камер в некоторых скифских курганах, они имитируют тип квадратного в плане дома с пирамидальной крышей [90а], что, наряду с данными о жилищах на Кавказе, в Передней Азии и странах Средиземноморья, свидетельствует о широкой распространенности построек такой формы в древности. Древние славяне хоронили умершего в наземной постройке, над которой насыпали курган, или в просторной подземной камере; существовали у славян

также постройки, куда помещали кости сожженных покойников [101]. У финно-угорских и балтийских племен тоже были "домики мертвых", куда помещали останки умерших [3а]. Сарматы помещали умерших в вырытых в грунте камерах (катакомбах), а горцы Кавказа - в так называемых "каменных ящиках", сложенных из больших каменных плит.

Пять тысяч лет тому назад в районе восточного побережья Средиземного моря возник обычай устройства семейных или родовых усыпальниц. Он распространился у многих древних племен Передней Азии, на Крите, в Древней Греции. В этих районах встречаются гробницы, в которых находятся останки десятков и даже сотен покойников. Обычай захоронения в родовых склепах существовал, например, у этрусков, затем у древних римлян и бытовал в Италии еще в средние века.

У разных народов существовали гробницы-склепы, в ряде случаев сходные с северокавказскими. Гробницы, круглые в плане и перекрытые ложным куполом (толосы), в конце эпохи бронзы были распространены по всему Средиземноморью от Португалии до Греции, а в конце I тыс. до н.э. в Боспорском царстве [42]. Пещерные гробницы с лежанками для покойников и нишами для приношений были в античное время обычны в Древней Греции [16] (в том числе в греческих колониях Северного Причерноморья [116]), в Малой Азии [145], в Аравии [153]. Отметим кстати, что пещерные гробницы имеются в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии (они устраивались здесь в период XП-XIУ вв.) .

При раскопках древнего Пенджикента была обнаружена гробница в виде наземной постройки с лазом в торцевой стене, внутри с нишей для приношений и с завалинкой, на которую ставились оссуарии [26].

Не менее поразительны, в смысле сходства с северокавказскими, гробницы Хорезма, использовавшиеся местным населением вплоть до начала XX века. Характерно, что в постройках хорезмских гробниц запечатлена древняя форма жилища, ныне исчезнувшая в этих местах (рис. 117). Этнограф Г.Н.Снесарев пишет о них: "Это настоящие дома для умерших. В них можно свободно стоять, не наклоняя головы... Каждая гробница является местом захоронения умерших определенной группы родственных семей... Предать тело земле, несмотря

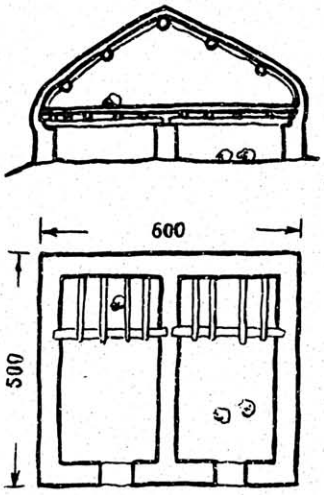
на все мусульманские установления, считалось проявлением неуважения к покойному. В старину там, где преобладал наземный способ захоронений, в землю клали лишь безродных и бедняков" [111а].

Показательно, что в хорезмских гробницах устраивались нары для покойников (см.рис. 117). Это тоже - деталь жилого дома; нары устраивают в Дагестане до сих пор. Аналогичным образом лежанки для покойников в древнегреческих и этрусских гробницах соответствуют обычаю устройства лежанок в древних жилищах Средиземноморья (вспомним обычай древних греков и римлян не сидеть, а возлежать на пирах). С этой древней формой, несомненно, следует связать и устройство полок в северокавказских склепах.

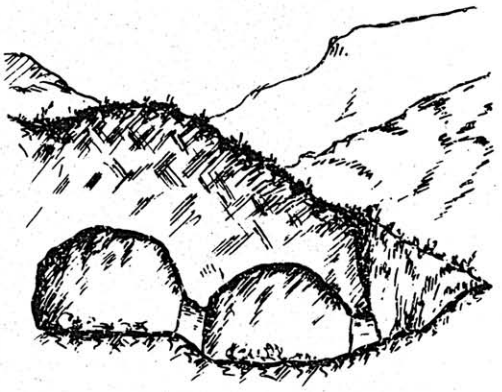
Автор публикации о хорезмских гробницах сравнивает практиковавшийся в них погребальный обряд открытого трупоположения с вайнахо-осетинским, причем, считая, что если у кавказских горцев он восходит к аланским обычаям, то у жителей Хорезма - к зороастрийским верованиям. Между тем, в странах, где исповедовался зороастризм, погребальные обряды были совершенно иные (основанные на представлениях о том, что труп оскверняет землю), а аланы, кстати, обитали не только на Северном Кавказе, но и в Средней Азии; район Хорезма был одним из аланских центров.

На Северном Кавказе коллективные гробницы впервые появились во II тыс. до н.э. Некоторые археологи считают, что захоронение покойников в гробницах-склепах, применявшееся у осетин и вайнахов в средние века, является прямым продолжением обычая, существовавшего здесь еще в эпоху бронзы [52б, 54г]. Другие же полагают, что средневековые гробницы в горах Северного Кавказа появились под влиянием алан, у которых существовал обычай камерного погребения [89].

Первое утверждение остается гипотетичным, поскольку между древними и средневековыми гробницами на Северном Кавказе существует значительный хронологический разрыв в полторы-две тысячи лет или как минимум семьсот-восемьсот лет [2,114]. Правда, пока нет определенных данных о захоронениях периода с III в. до н.э. (датировка последних гробниц эпохи древности) до конца IУ в. н.э. (время появления первых средневековых гробниц) [54е]. Может быть, еще будут об-

II7. Гробница склепового типа в Хорезме[III6]

II8. Аланские катакомбы[II8б]

наружены погребальные сооружения, которые окажутся связующим звеном между древними и средневековыми, но пока они не обнаружены.

Исходя из имеющихся на сегодня данных, можно считать, что коллективные усыпальницы в горах Северного Кавказа, характерные для древнейшей эпохи, снова появились здесь в период миграции в горы алан.

Аланская гробница представляла собой подземную камеру, вырубленную в материковом грунте (рис. II8). В ней вдоль стен (с трех сторон, кроме входной) имелось возвышение для укладывания покойников, а в стенах были ниши. Доступ в погребальную камеру осуществлялся через траншею-дромос (первые каменные подземные гробницы в горах тоже иногда имели дромос в виде крутого спуска, см.рис. 84б). Проем входа из траншеи в погребальную камеру аланской гробницы закрывался деревянным щитом или мельничным жерновом (отголоски последнего обычая известны у осетин). В дромосе находят керамические сосуды (в Осетии иногда керамический сосуд вделан в фасадную стену гробницы). Аланские катакомбы использовались как семейные усыпальницы в течение длительного времени и периодически открывались для совершения новых захоронений [55].

В конце IУ в. аланы, до того господствовавшие в степях Северного Кавказа, были разгромлены гуннами. Часть их отошла в горы верховьев р.Кубань. Подземные гробницы здесь появились тогда и бытовали до XП в. [54б], т.е. до того времени, когда аланское население в этом районе было ассимилировано новыми пришельцами - тюрками.

В УП в. другая часть алан, остававшихся в степях, отступала, теснимая хазарами, в горы Осетии. Здесь обнаружены катакомбные аланские захоронения того времени. Они сосуществуют на одних некрополях с "каменными ящиками" (которые до этого на территории Северной Осетии являлись единственным типом погребальных сооружений и преобладали до XП в.) и с каменными подземными гробницами (которые в Северной Осетии появились около УШ в. [54д]. Катакомбные погребения в горах Осетии прекращаются в Х в., когда аланы слились с аборигенами, образовав новую народность , осетин (в предгорьях и на равнине аланские катакомбы бытуют до XШ в., т.е. до монгольского нашествия).

Аланский обычай хоронить умерших людей, принадлежавших к одной семье, в общей гробнице, совпадал с представлениями горцев о единстве кровно-родственной группы, противопоставленной остальному обществу. Аланский обычай хоронить умерших путем укладывания их в склепе был понятен кавказским горцам по самой идее хоронить покойника не засыпая его землей. Ведь каменный ящик был, в сущности, тоже склепом, только не коллективным, но одиночным, и помещался он не как гроб, навсегда зарытый в могиле, а у поверхности земли (благодаря чему в нем иногда совершалось повторное захоронение).

Таким образом, появление (или возобновление) в средние века на Северном Кавказе обряда погребений в семейных склепах следует, очевидно, связать с аланским влиянием. В пользу этого говорят такие обстоятельства, как совпадение времени появления здесь средневековых коллективных усыпальниц с периодами миграций алан в горы, небольшие размеры каменных гробниц раннего периода (что свойственно для аланских катакомб), наличие в них аланского инвентаря и специфичных для алан деформированных черепов [84а].

Но если в Северной Осетии и Карачае появление коллективных усыпальниц можно связать с массовыми миграциями в эти

места алан, то в глубинном горном районе Чечено-Ингушетии алан как будто не было или было мало.

Аланы в УП-IX вв., судя по обнаруженным катакомбным погребениям, занимали предгорья Чечено-Ингушетии, а в некоторых местах проникли довольно далеко в горы (примерно до места слияния рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун); считается, что часть алан со временем включилась в местную этническую среду [9I]. Возможно, аланы занимали ущелье р.Армхи, которое выходит к Осетии: у ингушей этой местности существовали предания, что до них там жили осетины [I03а]. О том, что в этногенезе ингушей имела место, вероятно, аланская струя, свидетельствует такой, например, обычай: "По рассказам стариков, в Ингушетии в прошлом каждый год был день, когда женщины одевались во все мужское и целиком отдавались чисто мужским занятиям - стрельбе, джигитовке, скачкам и пр." [I3]. А ведь аланы - потомки сарматов, у которых женщины занимались подобными "чисто мужскими" делами (откуда и возник у греков миф об амазонках).

Согласно свидетельству, зафиксированному в прошлом веке, ингуши ущелья р.Армхи "говорят, кроме своего родного языка, и на иноплеменном, осетинском", но что еще более примечательно, "деревни их носят двойное, кистинское (т.е. вайнахское - А.Г.) и осетинское название" [3I].

У вайнахов еще в прошлом веке существовали предания о том, что когда-то в их местности жил народ "джелты" [I8]. П.А.Головинский, который опубликовал эти сведения, поясняет, что джелты это греки, однако, такое толкование было подвергнуто другими авторами критике как фантастическое. Джелты - наверное аланы, судя по названию главного аланского города Джулат, а аланы исповедовали христианство греко-византийского толка, почему вайнахи и могли считать их "греками". В горной Осетии тоже существовала легенда о том, что там до осетин якобы жили греки [47].

Не углублялись ли аланы в горы Чечено-Ингушетии дальше, чем принято сейчас считать? Ведь горные районы Чечено-Ингушетии пока еще археологически мало исследованы.

Впрочем, камерный обряд погребения мог привиться в средние века у вайнахов и без того, чтобы в числе их предков были аланы. Он мог быть воспринят ими у соседей - осетин или у тех же алан.

Дело в том, что погребальный обряд отнюдь не является бесспорным этническим признаком. Одни осетины (или чеченцы) хоронили покойников в земле, другие - в склепах. В то же время у разных народностей - осетин и ингушей - установился идентичный погребальный обряд. "Обряд погребения, подобно другим элементам культуры и быта, часто заимствовался у соседей... Известно много примеров сосуществования у одного и того же народа разных обрядов погребения... Все это вместе взятое свидетельствует о неустойчивости обряда погребения у населения, которое придерживалось примитивных народных верований (язычества). Дело в том, что в отличие от христианства, ислама и других мировых религий классового общества примитивные народные верования не знали строгих догм, не допускающих отклонений... Роль догм играли там мнения стариков и других уважаемых лиц, авторитет которых ограничивался в большинстве случаев кругом родственников или последователей. В этих условиях создавалась почва не только для значительного варьирования религиозных представлений и обрядов у одного и того же народа, но и для заимствования обрядов у соседних народов" [60].

Обычай хоронить умерших в склепах, вероятно, распространился в Чечне из Ингушетии (он появился в Чечне позже, был распространен не повсеместно и носил менее ортодоксальные формы), а ингушами он мог быть заимствован у осетин.

В традиционном быту и обрядах осетин и ингушей много общего. Это может быть объяснено и наличием алано-осетинского пласта в этногенезе ингушей, и соседским влиянием. Если распространение одинаковых обычаев имело место между родственными народностями, ингушами и чеченцами, то оно могло происходить в средние века и между неродственными но соседними народностями, ингушами и осетинами.

Понятия "народность" и "родственные народности" принадлежат современному мировосприятию, и нельзя экстраполировать их на прошлое. В средние века у горцев Северного Кавказа не было представления о национальной общности, подобного нынешнему. Тогда не было осетин, чеченцев, ингушей. Вплоть до конца XIX - начала XX вв. люди причисляли себя не к той или иной национальности, а к тому или иному "обществу" (союзной группе селений) или даже к более узкой кровнородственной

группе. Теперь хевсур из селения Шатили называет себя грузином. А тогда он и хевсуром себя не считал; он был "шатильцем". Для чеченца общества Малхиста чеченцы соседнего общества Майста, говорящие на том же языке, что и они, были столь же чужим народом, как и ингуши, как и хевсуры, осетины, аланы или кто угодно. Отношения с соседями в весьма малой степени определялись тем, что мы сейчас назвали бы чувством национальной общности. В силу этих обстоятельств и погребальный обряд и архитектура погребальных сооружений у осетин и ингушей, живущих по соседству, оказались одинаковыми, а у восточных и западных чеченцев, разделенных горами и долами - разными.

В конечном счете дело историков и археологов установить, при каких обстоятельствах обряд камерного погребения, выработавшийся у осетин (по-видимому, вследствие их аланского или полуаланского происхождения), почти одновременно, если не одновременно, возник и у ингушей - народности, этногенез которой с аланами связан все же, вероятно, мало.

У ингушского селения Шуан (в ущелье р.Армхи, которое выходит к Тарской равнине в Осетии) находится крупнейший могильник с подземными и полуподземными гробницами IX-XII вв. [103в]; в XII в. такие гробницы появились в центральной Ингушетии (в районе храма Тхаба-Ерды) [54в]. Погребения в каменных ящиках в Ингушетии прекращаются в XII в., и здесь всецело утверждается обряд погребения в склепах. В эту же эпоху полуподземные гробницы распространяются на примыкающих в Ингушетии территориях Чечни, где они, однако, не вытеснили обычай захоронения в земле.

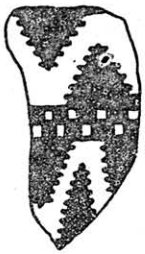
Но если обряд погребения в коллективных усыпальницах установился в IX-XII вв. в Ингушетии в силу, очевидно, связей с Осетией, то в последующий период, в XIУ-XУII вв., происходило обратное влияние архитектурно-строительной культуры Ингушетии на Осетию, что выразилось в совершенно аналогичных, вплоть до деталей, типах и формах гробниц.

Сравнение подземных, полуподземных и наземных гробниц, их датировка, расположение на одних некрополях, а также их инвентарь, принадлежащий одной преемственной культуре, свидетельствуют, что эти три типа сооружений представляют стадии последовательного развития.

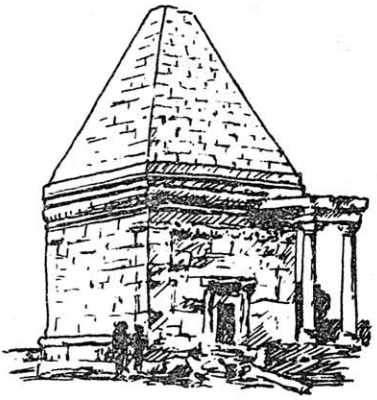
Например, на могильнике в окрестностях ингушского с.Шуан, содержащем около сотни подземных и полуподземных гробниц, имеются сооружения этого рода, по которым виден процесс их эволюции: совершенно погруженные в землю и с плоским покрытием, заметные снаружи лишь по невысокой насыпи; с явственной выпуклостью грунта, образованной примитивным плоским сводом под ней и с едва выступающей над поверхностью земли передней стеной с лазом; со ступенчатым сводом, плоская крыша которого наполовину выступает из земли [103в].

Полуподземные гробницы по своему устройству не очень от-отличаются от подземных: верхняя часть стены с входным отверстием поднимается над землей; становятся обычными полки для покойников; чаще встречается ложно-сводчатое покрытие, появляется (вероятно, около XII в.) известковый раствор.

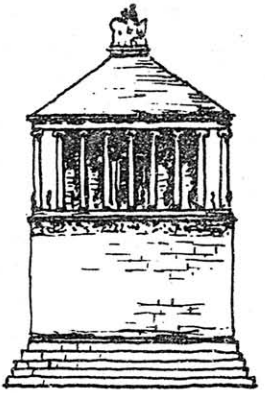
Но "если подземные и полуподземные склепы прошли длительный путь своего развития, то наземные гробницы появляются как-то сразу, буквально в несколько десятков лет", - пишет исследователь ингушских гробниц археолог М.Б.Мужухоев [86д]. "Не до конца выяснены время и причины зарождения и развития этих сооружений", - замечает исследователь чеченских гробниц археолог С.Ц.Умаров [122г]. Археолог В.Х.Тменов, участвовавший в исследовании осетинских гробниц на некрополе у селения Даргавс, сообщает: "Наземные склепы четко отличаются от полуподземных, во-первых, тем, что они полностью вынесены на поверхность земли, во-вторых, конструкцией крыши, более сложной, чем плоская снаружи крыша полуподземных склепов" [115а]. На этом некрополе полуподземных гробниц 61, наземных 33, - и ни одной, которая представляла бы промежуточную форму, хотя могильник функционировал непрерывно. Ни одного сооружения, которое демонстрировало бы такую промежуточную форму, не известно вообще на всем Северном Кавказе. Наверное, их и не было. В таком случае, закономерен вопрос: почему наземные гробницы появились сразу? Почему отсутствуют сооружения, на примере которых можно было бы проследить переход от примитивных перекрытий, образованных напуском двух-трех верхних рядов кладки продольных стен и укладкой сверху больших плоских плит, к безукоризненно выведенным сводам наземных гробниц с их совершенными архитектурными формами?

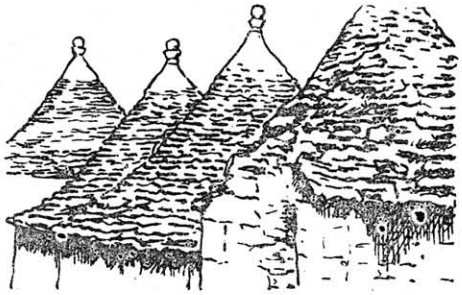
II9. Узор на древней керамике из Северного Ирана[I54]

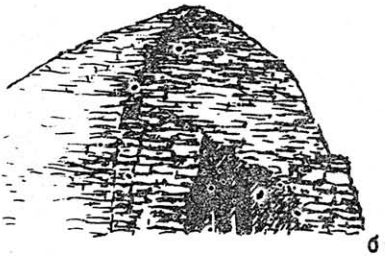
I20. Древняя гробница в Сирии[I47в]

I2I. Мавзолей в Галикарнасе, Малая Азия, IУ в. до н.э. Реконструкция

а

б

I22. Ложно-купольные покрытия народного жилища в Южной Италии (а) и Южной Франции (б)

I23. Гробница в с. Эгикал, Ингушетия (МА)

I24. Финикийская гробница X в. до н.э.[I4а]

В связи с этим возникает предположение о возможном внешнем факторе, оказавшем где-то около XII-XIII вв. дополнительное воздействие на процесс развития монументального зодчества этой территории.

Б.Плечке, посетивший в 1920-х гг. Чечню, в поисках разгадки странной формы ступенчато-гребенчатых крыш местных святилищ и гробниц, обратил внимание на сходный с их профилем узор на керамике из Ирана (рис. 119). Это может быть и случайным совпадением. Но в Сирии есть гробницы, похожие на северокавказские (рис. 120). Традиция устройства таких гробниц в Передней Азии весьма древняя, о чем может свидетельствовать известный мавзолей в Галикарнасе, столице Карии (восточное побережье Средиземного моря), построенный в IУ в. до н.э. Гробница Мавзола была грандиозна по размерам и пышно украшена. Но в принципе она, как и северокавказские наземные гробницы, представляла собой кубический объем с пирамидальной крышей (рис. 121).

В прибрежных средиземноморских местностях Западной Европы есть старинные ложно-купольные постройки, по конструкции и формам сходные с северокавказскими (рис. 122).

Среди северокавказских гробниц есть круглые в плане, с крышей в форме сфероидного конуса или полусферы (рис. 123). Круглые гробницы на Северном Кавказе относятся к числу наиболее старых. Об этом свидетельствуют и небольшое их количество, дошедшее до нас, и их особенности, например: "лаз имеет треугольную форму... Поверхность стен внутри неровная... Все погребения внутри склепа совершенно опустошены" [105г]. В ряде случаев круглые в плане погребальные сооружения не имеют помещения внутри, но представляют собой глухие массивы, возведенные над одиночным захоронением: они появились, как готовая форма, в те времена, когда еще не утвердился обряд захоронения в склепах. Между формами круглых в плане гробниц и структурой полуподземных гробниц отсутствуют какие-либо промежуточные звенья, поясняющие переход от одних к другим, если бы таковой переход имел место. Круглые гробницы появились сразу, непонятно почему, и, как семя, попавшее на неподходящую почву, не привились на земле Северного Кавказа.

Можно было бы счесть круглые гробницы творческими вариациями, не получившими развития: какому-то мастеру вздумалось делать гробницы такой формы, но заказчики и другие мастера его не поддержали. Однако такого рода явления, свойственные профессиональной архитектуре, чужды народному зодчеству. Кроме того, эта форма погребального сооружения не носит локального характера: она известна почти на всей рассматриваемой территории, от Чечни до Балкарии.

Круглые гробницы, единичные в горах Северного Кавказа, были распространены в районе Передней Азии, примыкающей к Закавказью, например, в Сирии и Финикии (рис. 124). Подобные этим гробницам круглые в плане и со сферическим куполом жилые башни существовали на Ближнем Востоке, судя по сохранившимся изображениям, еще в эпоху бронзы.

В Аравии есть древние гробницы, которые описаны следующим образом: "маленькие, кругленькие домики от 2 до 4 м в диаметре, высотой от 1,5 до 2,5 м. Внутри в полу небольшая яма" [36б]. В горных районах Передней Азии есть остатки построек, которые местное население называет "жилищами огнепоклонников". Но они слишком малы, чтобы могли быть жилыми домами. Их размеры в плане 1,5х3,5м, а круглые имеют диаметр 2 м. Габариты дверей: высота 50-60см, ширина 40см. Толщина стен более метра. "Сооружения эти особенно знаменательны тем, что при постройке совершенно не было употреблено дерево" [36а]. У древнего г.Петра (нынешний Вади-Муса в Иордании) отмечены подобные гробницы, "в которых помещались целые десятки трупов" [28].

В связи с этим интересно обратить внимание на следующее. У вайнахов гробница называется мэлх-каш (или малхара-каш). Мэлх (или малх) значит "солнце". Но это слово семитского происхождения (Мелех - бог солнца у древних евреев и финикийцев). Святилище у ингушей называется эл-гац. Но эл - значит "бог" у древних семитов. Все это можно сопоставить с чеченскими преданиями о том, что какая-то часть их предков мигрировала из района, находящегося к югу от западного Закавказья [108] и с другими данными о древних связях вайнахов с Ближним Востоком [106].

Во второй половине XI в. происходила ожесточенная борьба между сельджуками и Византией за обладание Малой Азией,

в результате которой Византия Малую Азию потеряла. Главным театром военных действий при этом была территория, прилегающая к западному Закавказью. Население этих мест оказалось меж двух огней; его положение усугублялось тем, что сельджукские завоевания сопровождались разорением покоренных земель. Очень может быть, что в этой обстановке одно из местных племен ушло отсюда на север, двигаясь вдоль Черноморского побережья, а затем на восток, достигнув через несколько поколений территории нынешней Чечено-Ингушетии. История этой миграции, если таковая имела место, выглядит правдоподобной в легенде, запись которой опубликована Н.С.Семеновым [108].

Нужно, однако, признать, что вышеизложенной гипотезе противоречит одно существенное обстоятельство: если наземные гробницы в горах Северного Кавказа возникли в результате переднеазиатского влияния, имевшего место в связи с предполагаемой миграцией, то не понятно, почему таких гробниц нет на пути этой миграции. Но если отклонить эту гипотезу, остаются пока без удовлетворительного объяснения два факта: наземные гробницы в известных нам формах появились в горах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии сразу; некоторые из этих форм сходны с переднеазиатскими.

То же относится и к башенному жилищу на данной территории. Внезапный переход от полуподземных к наземным гробницам на северо-восточном Кавказе произошел в ту эпоху, когда здесь - тоже вдруг - стали строить жилые башни, которые, по своему характеру, представляются инородным включением в местную среду, характеризующуюся вокруг этого района совершенно иной архитектурой, но в то же время сопоставимы с древней традицией возведения жилых башен в Передней Азии. До этого жилая архитектура Чечено-Ингушетии и Северной Осетии была совсем иной: это были либо сакли, распространенные по всему горному Кавказу, либо домики с высокими скатными крышами, характерные для Грузии. Обратим внимание также на явную деформацию характера общественной структуры, происшедшую в то время в вайнахской среде: тогда как в Дагестане, отнюдь не отставшем от Чечено-Ингушетии по уровню и темпам социальной и культурной эволюции, население жило родовыми общинами, у вайнахов обозначилась тенденция к выделению семей.

Какие-то культурные, а может быть и этнические сдвиги, вероятно, обусловили все эти явления.

Таким образом, как видим, история средневековых гробниц Северного Кавказа довольно сложна и представляется в сплетении элементов как конвергентного развития, так и внешних влияний.

Заключение

Северокавказские горцы в XII–XVIII вв. создали оригинальную архитектуру, во многом сходную на обширной территории, но во многом и своеобразную в различных ее частях. Сложную картину образует разнообразие традиционных местных жилищ и приемов планировки поселений.

Особый характер имела, в различные периоды своей истории, архитектура жилища в горной Чечено-Ингушетии. Судя по формам средневековых культовых построек, жилые дома здесь в свое время должны были быть сходны с тогдашними жилищами центральной Грузии: они имели двускатные крыши, вход с торца, и в ряде случаев были двухярусными, причем для верхнего яруса использовалось обычно пространство чердака. В средние же века здесь появился и/вскоре стал преобладающим тип жилого дома в виде трехэтажной жилой башни.

Жилище в виде жилой башни было распространено также в Северной Осетии и в северных горных районах Грузии – Хевсуретии, Тушетии, Хеви. Однако центром распространения в горах Кавказа этого архитектурного типа было явно Чечено-Ингушетия Но каким образом он появился в Чечено-Ингушетии, не совсем ясно. Причина столь радикального изменения зодчества (и характера быта), как переход от незащищенных домиков к массивным замкнутым башням, каждая из которых представляла собой своеобразную крепость, не может заключаться в поступательной эволюции, и условия его вряд ли могут быть сведены к автохтонному развитию. Условия Чечено-Ингушетии мало отличались от условий ее соседей. Не совсем ясен также процесс формирования здесь башенного жилища, особенно если учесть, что оно к тому времени уже было известно, поскольку издревле бытова-

ло в районе Передней Азии, сопредельном с Кавказом. Остается непонятным, в силу каких обстоятельств предки вайнахов перешли на такой до этого совершенно необычный здесь, непохожий на прежние, тип жилого дома.

Изучение истории горско-кавказских народностей, по существу, началось лишь в годы Советской власти. У этих народностей в прошлом не было своей письменности, а сведения о них в письменных источниках их соседей весьма скудны. Поэтому в их истории, не только древней, но и средневековой, есть неясности. Что же касается архитектуры, то мало что можно сказать о том, какой она была, например, пятьсот лет тому назад. Если отвлечься от монументальных средневековых сооружений, то немногочисленные дошедшие до нас жилые постройки полутора-двухсотлетней давности в горах Кавказа свидетельствуют, что даже в столь близкое к нам время архитектура в этом крае представляла картину отличную от конца XIX - начала XX вв.

В целях выяснения эволюционно-генетических архитектурных процессов автор сосредоточил свое внимание не только на фактологическом исследовании материала, но и в значительной степени на его сравнительном анализе. Самобытное зодчество кавказских горцев можно лучше понять, если попытаться сравнивать его с архитектурой на других территориях; такие сравнения могут в какой-то мере пролить свет и на историческое прошлое здешних народов. Наряду с этим, сравнительный анализ архитектурных форм позволяет проследить их эволюцию и их происхождение от других, более древних местных форм. В частности, анализ показывает, что своеобразный архитектурный стиль средневековых монументальных сооружений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии генетически связан с архитектурно-строительными приемами, применявшимися при возведении более скромных и менее капитальных жилых домов давно исчезнувших видов, форм и типов.

Пытаясь выявить генезис архитектурных типов и архитектурных форм средневекового зодчества Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, автор выдвигает ряд гипотез. Иного выхода нет, потому что недостаточность данных, которые могли бы объяснить происхождение того или иного явления, заставляет строить догадки, экстраполировать, опираясь на отдельные

факты. При этом, естественно, формулируются положения, уязвимые для критики. Автора, кстати, можно упрекнуть в том, что он, отклоняя предположения других исследователей (например, возможность происхождения языческих гробниц от мусульманских мавзолеев или ингушских святилищ от грузинских церквей), сам делает как будто нечто подобное (например, сравнивая элементы деревянного зодчества Осетии и России или формы гробниц Северного Кавказа и Ближнего Востока). Но в этом нет непоследовательности. В истории архитектуры, как и во всякой науке, есть вещи несопоставимые по своей сути и сопоставимые. Ведь в архитектуре (так же, как и в живой природе) бывают явления внешне сходные, но различные по происхождению. Например, мусульманский мавзолей в Дагестане, перекрытый сомкнутым сводом, но являющийся местной модификацией переднеазиатских построек со сферически-купольным покрытием [64б], имеет такой же вид, как и языческий склеп в Ингушетии и Осетии (см.рис. 94), генезис которого никак не может быть таким же.

Автор понимает, что многие его рассуждения и выводы не бесспорны. Нужно надеяться, что дальнейшие изыскания позволят выявить новые факты из истории зодчества кавказских горцев, в которой еще очень много неясного.

За годы советской власти в зодчестве народов Северного Кавказа, как и во всех областях жизни и культуры, произошли коренные перемены. В то же время памятники архитектуры прошлого, в том числе средневековые постройки, находящиеся в горных районах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, представляют немалый интерес для науки. На нынешнем этапе эволюции мировой архитектурной мысли архитекторы и исследователи с особым интересом обращаются к народному зодчеству, ибо изучение прошлого служит решению проблем, выдвинутых современностью.

Эти сооружения, кроме того, имеют значение памятников истории и культуры. Эта величественная и суровая архитектура - впечатляющее свидетельство трудной и героической жизни предков. В памятниках культуры прошлых времен запечатлен творческий гений создавшего их народа; поэтому они могут и должны войти обогащающим компонентом в современную культуру.

Цитированная литература

I. А к и ш е в К. А. Шестой Бесшатырский курган. КСИА, вып. 9I. М.-Л., I962, стр. 6I-65.

2. А л е к с е е в а Е. П. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. УЗЛГУ, серия историческая, вып. I3. Л., I949, стр. I9I.

3. А р х е о л о г и ч е с к и е открытия I966 года. М., I967 (а - стр.34-36 и 94-95); I97I года. М., I972 (б - стр.I60).

4. А х р и е в Ч. Заметки об ингушах. ССТО, т.I. Вл., I878, стр. 289.

5. Б а й е р н Ф. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т.I, Тф., I87I, стр. 302.

6. Б а к л а н о в Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., I935, стр. 22,23.

7. Б а к л а н о в Н. Б. Художественная культура Дагестана. "Новый Восток", I924, № 5, стр. 264.

8. Б а с и л о в В. Н., К о б ы ч е в В. П. Галгай - страна башен. СЭ, I97I, № I; стр.: а - I24, б - I26.

9. Б е р н ш т е й н Э. Б. Народная архитектура балкарского жилища. В кн.: "О происхождении балкарцев и карачаевцев". Нальчик, I960, стр. I9I.

I0. Б о р о з д и н И. В горной Ингушетии. "Новый Восток", I928, кн. 20-2I, стр. 3I8.

II. Б р е т а н и ц к и й Л. С. Зодчество Азербайджана XI-XУ вв. М., I966; стр.: а - 77, б - 232.

I2. В и н о г р а д о в В. Б. Тайны минувших времен. М., I966, стр. I33.

I3. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. ИЧИНИИ, т. УП, вып. I. Гр., I966, стр. 70.

I4. Всеобщая история архитектуры в I2 томах. М., I966-I975. Стр.: том I: а - 30, б - 30, 88, 243, 436; том IУ: в - 2I2.

I5. Гагошидзе В.С. Древнейшие типы жилых домов Западной и Восточной Грузии. "Мацне (Вестник)". Тб., I965, № I (22): а - стр. 282, б - табл. УШ.

I6. Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат. СА, сб.ХШ, I950, стр. 202.

I7. Гараканидзе М.К. Грузинское деревянное зодчество. М., I959; а - стр.28, б - табл. I46.

I8. Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах. ССТО, т. I. Вл., I878, стр. 247.

I9. Гольдштейн А.Ф. Башенные сооружения горного Дагестана. АрхН, сб. 2I. М., I973; стр.: а - I75-I77, б - I80, в - I76-I80.

20. Гребенец Ф.С. Могильники в Куртатинском ущелье. СМОМПК, вып. 44, отд. 3-й. Тф., I9I5, стр. 67.

2I. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. "Терский сборник", вып. 3, кн. 2. Вл., I893, стр. I06.

22. Джадтиев Р.Г. Склепы верховьев р.Лиахвы. СА, I968, № 3; стр. 244, 248.

23. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Архитектура горных районов Грузии. М., I940; стр.: а - I0, б - 23, в - 6I, г - 68.

24. Дирр А.М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии. ИКОРГО, т.ХХI, № 3. Тф., I9I2; стр.: а - 27I, б - 273.

25. Долидзе В.О. Хозита-Майрам - документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа. САНГ, т. ХУ, № 2. Тб., I954; стр.: а - I2I, б - I22, в - I26, г - рис. 2.

26. Дьяконов М.М. У истоков древней культуры Таджикистана. Душанбе, I956, стр. I28-I29.

27. Евдокимова Е.Н. Архитектура народного жилища в классической Греции. Кандидатская диссертация. М., I948. (Рукопись, Московский архитектурный институт), табл. 2.

28. Елисеева А. Обитатели Каменистой Аравии. СПб., 1883, стр. 40.

29. Закарая П. П. Древние крепости Грузии. Тб., 1969, табл. XУП.

30. Закарая П. П. О некоторых оборонно-жилых постройках XУП-XУШ вв. САНГ, т.XXШ, № 3. Тб., 1959; стр.: а - 128, б - 370-372.

31. Зейдлиц Н. К. Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья. Поездка в Чечню. ИКОРГО, т. П., № 4. Тф, 1873, стр. 147.

32. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Стр.: часть I: а - 211, б - 370; часть П: в - 373.

33. Иваненков Н. С. Карачаевцы. ИОЛИКО, Т. У. Екатеринодар, 1912, стр. 26.

34. Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, т.3. М.-Л., 1941, стр. 30.

35. Ильинская В. А. Скифские курганы около г.Борисполя. СА, 1966, № 3, стр. 153, 154.

36. Иностранцев К. А. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках. СПб., 1909. (Оттиск из ЖМНП); стр.: а - 117, б - 119.

37. Иосифов И. М. Мумификация в горах Кавказа. ИЮОНИИК, т.3. Вл., 1928.

38. Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Мк., 1966, стр. 81.

39. Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргун. ИЧИНИИ, т.Ш, вып. I. Гр., 1963; стр.: а - 146, б - 150, в - 151.

40. История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 167.

41. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 32, 33.

42. Кауфман С. А. Об уступчатых склепах Боспора. СИИТА, вып. 6. М., 1947, стр. 28.

43. Кобычев В. П. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. СЭ, 1957, № 3, стр. 26.

44. Ковалевский М. Кавказ, т.I. СПб., 1914, стр. 91.

45. К о ж и н Н. А., С и д о р о в А. А. Архитектура средневековья. М., 1940, стр. 54.

46. К о к и е в Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. ИЮОНИИК, вып. 2. Цхинвали, 1935, стр. 219.

47. К о к и е в Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. Вл., 1928, Стр.: а - 21, б - 27, в - 37. Рис.: г - 16, д - 17.

48. К о к и е в С. Записки о быте осетин. СМЭ, вып. I, М., 1885, стр. 71.

49. К р а ч к о в с к а я В. А. Жилище в Хадрамауте. СЭ, 1947, № 2.

50. К р и г е р С. Архитектура горных селений Северной Осетии. АрхН, сб.3. М., 1953, стр. 148-153.

51. К р у п н о в Е. И. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, т.ХУ. М.-Л., 1947, стр.118.

52. К р у п н о в Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; стр.: а - 75, б - 82, в - 112.

53. К с е н о ф о н т . Анабасис. М.-Л., 1951.

54. К у з н е ц о в В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (МИА, т.106). Стр.: а - 44-47, б - 48-52, в - 105, г - 108, д - 102-118, е - 121. Рис.: ж - 21.

55. К у з н е ц о в В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, т. 114. М., 1963, стр. 38.

56. К у з н е ц о в В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974; стр.: а - 67, б - 91.

57. К у з н е ц о в В. А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. КСИА, вып. 98. М., 1964, стр. 111.

58. Л а в р о в Л. И. Башня Адиюх в Черкесии. КСИИМК, т. УП. М.-Л., 1940; стр.: а - 98, б - 101.

59. Л а в р о в Л. И. Из поездки в Балкарию. СЭ, сб.П. Л.-М., 1939, стр. 179.

60. Л а в р о в Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. КЭСМ, т. IУ. М., 1969, стр. 67.

61. Л а в р о в Л. И. О времени постройки кабардинской башни на реке Малом Зеленчуке. УЗКНИИ, т. IУ. Нальчик, 1948, стр. 279.

62. Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. М., 1953; стр.: а - 55, б - 74.

63. Лежава Г. И., Джандиери М. И. Архитектура Сванетии. М., 1938; стр.: а - 57, б - 66.

64. Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956; стр.: а - 68, 82, б - 96.

65. Магометов А. Х. Реком. УЗСОПИ, т. 28, вып. 2. Орджо., 1968; стр.: а - 371, б - 389, в - 394.

66. Макалатия С. И. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии. Тб., 1945. (На груз. яз.): а - стр. 40, б - рис. 15.

67. Макалатия С. И. Мтиулети. Тб., 1930. (На груз. яз.), стр. 94.

68. Макалатия С. И. Пшави. Тб., 1934. (На груз. яз.), стр. 179.

69. Макалатия С. И. Тушети. Тб., 1933. (На груз. яз.); стр.: а - 105, б - 121.

70. Макалатия С. И. Хеви. Тб., 1934. (На груз. яз.); стр.: а - 140, б - 178, в - 251.

71. Макалатия С. И. Хевсурети. Тб., 1940; стр.: а - 97, б - 197, 200.

72. Мамиев И. А. Новые исследования архитектуры Северной Осетии. "Архитектура и строительство", 1949, № 1, стр. 23-24.

73. Мамиконов Л. Г. К изучению средневековых оборонительных сооружений Апшерона. "Памятники архитектуры Азербайджана", сб. 2. Баку, 1950, стр. 47 и сл.

74. Марков Е. Очерки Кавказа. Изд. 3-е, СПб. М., 1887, стр. 498.

75. Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; стр.: а - 75, б - 83, в - 103, г - 106, д - 119.

76. Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокорной Чечне. КСИА, вып. 90. М., 1962; стр.: а - 46, б - 53.

77. Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. АрхН, сб. 23. М., 1975; стр.: а - 119, б - 120, в - 122, г - 122-125.

78. М а р к о в и н В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, вып. 98. М., 1964, стр. 83.

79. М а р к о в и н В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты-Аргуна. "Древности Чечено-Ингушетии". М., 1963; стр.: а - 250, б - 259.

80. М и з и е в И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970; стр.: а - 12, 13, б - 45, в - 55-69, 73, г - 58, д - 65, е - 69, ж - 71, з - 74, 88, и - 83, к - 85.

81. М и л л е р А. А. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции. ИРАИМК, т. 1У. Л., 1925, стр. 38.

82. М и л л е р В. Ф. В горах Осетии. "Русская мысль". М., 1881, № 9, стр. 100.

83. М и л л е р В..Ф. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, т. 1. М., 1883. Стр.: а - 5, б - 13, в - 22, г - 24, д - 26, е - 27, ж - 28, з - 30, и - 34, к - 40, л - 88, м - 112. Табл.: н - УП, п - ХУШ (2).

84. М и н а е в а Т.М. Поселение в устье р.Узун-Кол (верховья Кубани). СА, 1960, № 2; стр.: а - 195, б - 205, 207; в - 207.

85. М о в ч а н Г. Я. Древняя архитектура Аварии (горный Дагестан). В 2-х томах. Докторская диссертация. М., 1970. (Рукопись, Московский архитектурный институт).

86. М у ж у х о е в М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии ХШ-ХУП вв. Кандидатская диссертация. М., 1972. (Рукопись, Институт археологии АН СССР). Стр.: а - 39-44, б - 60, в - 66, г - 157, д - 160. Рис.: е - 65, ж - 68.

87. М у ж у х о е в М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии ХШ-ХУП вв. Автореферат диссертации. М., 1972; стр.: а - 6, б - 11.

88. Н а р о д ы Кавказа, I. Народы Северного Кавказа. М., 1960, стр. 252.

89. Н е ч а е в а Л. Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин. В кн.: "Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1967 г." (Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР). Л., 1968, стр.67-69.

90. О т ч е т археологической комиссии за 1897 год. СПб., 1900; стр.: а - 52, в - 136, г - 138.

91. О ч е р к и истории Чечено-Ингушской АССР, т.I. Гр., 1967, стр. 31-40.

92. О ч и а у р и Т. А. Новые жилые постройки в Онском районе. МЭГ, т.IX. Тб., 1957, табл. УI, XШ-XIУ.

93. О ш а е в М. Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня). ИЧИНИИ, т.УП, вы. I. Гр., 1966; стр.: а - 154, б - 160.

94. О ш а е в Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. КЭСТ, т.П. Тб., 1968; стр.: а - 120, б - 121.

95. П ф а ф В. Б. Материалы для истории осетин. ССКГ, вып. У. Тб., 1871, стр.33.

96. П ч е л и н а Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии. УЗИЭНКНВ, т.П. М., 1930, стр. 21, 22.

97. Р а д д е Г. Хевсурия и хевсуры. ЗКОРГО, т.XI, вып. 2. Тф., 1880, стр. 235.

98. Р о б а к и д з е А. И. Жилище и поселения горных ингушей. КЭСТ, т. П. Тб., 1968; стр.: а - 43, б - 49, 53, в - 73, 74.

99. Р о с т о м о в И. П. Ахалкалакский уезд в археологическом отношении. СМОМПК, вып. XXУ, отд. I-й. Тф., 1898.

100. Р у с т а м о в Я. А. О поселении и крестьянском жилище азербайджанцев Карабахской зоны. АЭС, вып. 2. Баку, 1965, стр. 114.

101. Р ы б а к о в Б. А. Искусство древних славян. В кн.: "История русского искусства", т.I. М., 1953, стр. 82, 83.

102. С е в е р о в Н. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, стр. 119.

103. С е м е н о в Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-32 гг. Гр., 1963; стр.: а - 26, б - 33, 34, в - 48, г - 55, д - 63, е - 75, ж - 103, з - 132.

104. С е м е н о в Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-1927 гг. ИИНИИК, вып.I. Вл., 1928; стр.: а - 193, б - 207, в - 218.

105. С е м е н о в Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии. ИСОНИИ, т.XII. Дзауджикау, 1948; стр.: а - 64-70, б - 66, в - 67, г - 81.

106. С е м е н о в Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. ИЧИНИИ, т.I. Гр., 1959.

107. С е м е н о в Л. П. Эволюция ингушских святилищ. ТСАИДИ, т.IУ. М., 1928.

108. С е м е н о в Н. С. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 209.

109. С м и р н о в А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. УЗКНИИ, т.IУ. Нальчик, 1948; стр. 67.

110. С м и р н о в К. Ф. Агачкалинский могильник - памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, т. 38. М.-Л., 1951, стр. 118.

111. С н е с а р е в Г. П. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, вып. 33. М., 1960; стр.: а - 61, б - 62.

112. С у м б а д з е Л. З. Неизученные памятники грузинского народного зодчества - марани. АрхН, сб. 21. М., 1973, рис. 2.

113. Т е д о р а д з е Г. Пять лет в Пшавии и Хевсуретии. Тб., 1941, стр. 58.

114. Т е х о в Б. В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 году. СА, 1963, № I, стр. 162.

115. Т м е н о в В. Х. Археологическое исследование "города мертвых" у сел.Даргавс в 1967 году. МАДИСО, т. П. Орджоникидзе, 1969; стр.: а - 138, б - 155, 156.

116. Т о л с т о й И., К о н д а к о в Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, стр. 28-29.

117. У в а р о в а П. С. Кавказ. Путевые заметки. Т.I. М., 1887, стр. 143.

118. У в а р о в а П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. УШ. М., 1900; стр.: а - 79, б - 113, в - 332, г - 375.

119. У м а р о в С. Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии. АЭСЧ, т.П. Гр., 1968; стр.: а - 234, б - 246.

120. У м а р о в С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. АЭСЧ, т.Ш, Гр., 1969, стр. 180, 181.

121. У м а р о в С. Ц. Разведки в горной Чечне. "Археологические открытия 1970 года". М., 1971, стр. 130.

122. У м а р о в С. Ц, Средневековая материальная культура горной Чечни XШ-XУП вв. В 2-х томах. Кандидатская диссертация. Гр., 1970. (Рукопись, Институт археологии АН СССР). Стр.: а - 12, б - 26, в - 39, г - 112, д - 181, 238, е - 237. Рис.: ж - 7, з - 31.

123. У с е й н о в М., Б р е т а н и ц к и й Л., С а л а м з а д е А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 339.

124. Х а н - М а г о м е д о в С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, стр. 155.

125. Х а р а д з е Р. Л., Р о б а к и д з е А. И. Мтиульское село в прошлом. Тб., 1965. (На груз. яз.), стр. 75.

126. Х у д а д о в В. Н. Гірська ТушетІя й АндІйське Койсу. "СхІдніЙ свІт", 1930, № 4-5, стр. 273.

127. Х у д а д о в В. Н. Мегалитические памятники Северного Кавказа. ВДИ, 1937, № 1; стр.: а - 201, б - 201-203.

128. Х у р у м о в И. Древние гробницы на р.Индыш. СМОМПК, вып.ХШ. Тф., 1892, отд. 1-й, стр. 20.

129. Ц и н ц а д з е В. Г. Архитектурный памятник в сел. Земо-Крихи. РИИГИ, т. УIа. Тб., 1963, стр. 57.

130. Ч и б и р о в Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, стр. 92.

131. Ч у б и н а ш в и л и Н. Г. Хандиси. Тб., 1972, табл. 82.

132. Ш м е р л и н г Р. О. Постройка Моларет-Ухуцеса царя Георгия Блистательного в сел.Джаба Боржомского района. РИИГИ, т. П. Тб., 1948, стр. 112.

133. Ш м е р л и н г Р. О. Храм близ сел.Датуна в долине р.Аварское Койсу. "XI научная сессия Института истории грузинского искусства". Тб., 1956, стр. 9-10.

I34. Щ е б л ы к и н И. П. Архитектура древних ингушских святилищ. ИИНИИК, вып. 2-3. Вл., I930; стр.: а - 4I5, 437, б - 4I7, в - 430, г - 433, д - 440, е - 443, ж - 444, з - 445.

I35. Щ е б л ы к и н И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. ИИНИИК, вып. I. Вл., I928; стр.: а - 273, 276, б - 279, в - 29I, г - 296.

I36. Я к о б с о н А. Л. Очерк истории зодчества Армении У-ХУП веков. М.-Л., I950, стр. 59.

I37. Я к о в л е в Н. Ф. Ингуши. Вл., I925, стр. 88-90.

I38. Я к о в л е в Н. Ф. Новое в изучении Северного Кавказа. "Новый Восток", I924, № 5, стр. 245.

I39. B a y e J. Au nord de la chaine du Caucase. Paris, I899, p. 20.

I40. B u r n A. R. Faulse vaults. "Antiquity": I95I, vol. 25, N 98; I956, vol. 30, N II7.

I4I. B u s c h a n G. Illustrierte Völkerkunde. Bd.2, Teil I. Stuttgart, I923, S.4I6.

I42. D o l b e s c h e f f W. Archäologische Forschungen in Bezirk des Terek. "Zeitschrift für Ethnologie", Bd.XVI. Wien, I884, Taf.V.

I43. D r o u i n E. Les monnaies a légendes en pehlevi. "Revue Archéologuique", I884, t.Iv, septembre, pl.V (3).

I44. H e r z f e l d E. E. Archaeological history of Iran. London, I935; pp.: a - 35, b - 36.

I45. K a n n e n b e r g. Die Paphlagonischen Felsgräber. "Globus", I895, Bd.67, N 7, p. IOI.

I46. L i l l i u G. The nuraghi of Sardinia. "Antiquity", I959, vol.33, III, N I29, p. 32-37.

I47. M a t t e r J, Villes mortes de haute Syrie. Beyrouth, I949: a - p. 33, b - pl. I.

I48. M e r z b a c h e r G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. Bd. 2. Leipzig, I90I. S.: a - 74, b - 227 u.a. Taf.: c - XXV.

I49. N a u m a n n R. Architektur Kleinasiens. Tübingen, I955, S. IOI.

I50. N i o r a d z e G. Begräbnis und Totenkultus bei den Chewssuren. Stuttgart, I93I, S. 32.

I5I. P l a e t s c h k e B. Die Tschetschenen. Hamburg, I929. S.: a - 40, b - 45, c - 47, d - 5I, e - 64. Abb.: f - I5, k - I6.

I52. S m i t h E. B. The megaron and its roof. "American Journal of Archaeology", I942, vol. 46, N I, p. I08.

I53. T o m p s o n G. C. The tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramaut). London, I944, pl. 26.

I54. W i l k e G. Kulturbeziehungen zwischen Indien, Orient und Europa. Leipzig, I923, S. 47.

I55. Y o u n g J. H. Ancient towers on the island of Siphnos. "American Journal of Archaeology", I956, vol. 60, N I.

Принятые сокращения

АрхН – Архитектурное наследство

АЭСЧ – Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

ВДИ – Вестник древней истории

ВИА – Всеобщая история архитектуры

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества

ИИНИИК – Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения

ИКОРГО – Известия Кавказского отделения Русского географического общества

ИОЛИКО – Известия Общества любителей изучения Кубанской области

ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

ИЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

ИЮОНИИ(К) – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института (краеведения)

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР

КЭСМ – Кавказский этнографический сборник, г.Москва (Институт этнографии АН СССР)

КЭСТ – Кавказский этнографический сборник, г.Тбилиси (Институт истории, археологии и этнографии АН ГрузССР)

МА – Музей архитектуры, г.Москва

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии

МАК – Материалы по археологии Кавказа

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МЭГ – Материалы по этнографии Грузии

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РИИГИ – Ars Georgica. Разыскания Института истории грузинского искусства

СА – Советская археология

САНГ – Сообщения Академии наук Грузинской ССР

СИИТА – Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СМЭ – Сборник материалов по этнографии

СОКМ – Северо-Осетинский краеведческий музей

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

СЭ – Советская этнография

ТСАИАИ – Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН

УЗИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

УЗЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета

УЗИЭНКНВ – Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН

УЗКНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института

УЗСОГПИ – Ученые записки Северо-Осетинского Госпединститута

УПФ – Собрание рисунков архитекторов Н.М.Уствольской, Ф.Н.Пащенко, Н.М.Фукина; хранятся у авторов

Вл. – Владикавказ

Гр. – Грозный

Л. – Ленинград

М. – Москва

Мх. – Махачкала

Орджк. – Орджоникидзе

СПб. – Санкт-Петербург

Тб. – Тбилиси

Тф. – Тифлис

Оглавление

	Стр.
От издательства	3
Введение	7
Глава I. Жилые башни	I0
Глава II. Боевые башни	30
Глава III. Церкви и святилища	52
Глава IУ. Языческие гробницы	90
Заключение	I42
Цитированная литература	I45
Принятые сокращения	I55

Гольдштейн Аркадий Федорович

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Утверждено к печати
Государственным Комитетом по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР
(План внедрения НИР 1975 г., П-Г-II, п.82)

Редактор К.Н.Долгова

Художник М.Р.Ибрагимов

Подписано к печати 12/VI-1975г. А-11988 Объем 10 п.л.
Тираж 1000 Зак 257 Цена 90 коп

Офсетное производство типографии № 3 изд-ва «Наука»
Москва, Центр, ул. Арбат, 33/12